

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет»
Кафедра политических наук

Л. В. Булдакова

**Политическая элита:
основные понятия, базовые концепции**

Учебное пособие с хрестоматийными материалами

Кемерово 2010

УДК 32:316.334(075.8)

ББК Ф01я73

Б 90

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Виктор Павлович Мохов (ПермГТУ),
доктор политических наук, профессор Олег Викторович Омеличкин (КемГУ),
доктор исторических наук, профессор Александр Борисович Коновалов (КемГУ),
доктор политических наук, профессор Роза Ауталиповна Нуртазина (Евразийский
нац. университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан),
кафедра политологии ТГУ (зав. кафедрой д-р полит. наук, профессор А. И. Щербинин)

Булдакова, Л. В.

Б 90 Политическая элита: основные понятия, базовые концепции: учебное пособие с хрестоматийными материалами / Л. В. Булдакова; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2010. – 300 с.

ISBN 978-5-8353-1012-8

Учебное пособие с хрестоматийными материалами «Политическая элита: основные понятия, базовые концепции» разработано в соответствии с рабочей программой по курсу «Политические элиты» для специальности «Политология», предназначено для студентов, изучающих вопросы власти, государственной политики и управления, социологических, юридических, гуманитарных, обществоведческих факультетов и всех интересующихся вопросами властных отношений в политических системах. Материалы пособия включают теоретические разделы, практические задания и знакомят читателя с известными трудами авторов XX-XXI вв., которые уже давно не переиздавались, но являются ценными для формирования научного представления по элитной проблематике. Большие по объему работы даны в отрывках с сохранением оригинального текста ключевых глав, что дает возможность изучить более широкий круг теоретических вопросов и оригинальных изданий при существенном дефиците времени.

ISBN 978-5-8353-1012-8

ББК Ф01я73

© Булдакова Л. В., 2010
© ГОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет», 2010

...политическая власть проникает намного глубже, чем люди подозревают об этом, она имеет центры и очаги приложения, невидимые и малоизвестные, и настоящая её способность к сопротивлению, её истинная крепость оказываются, быть может, там, где люди совсем этого не ожидают.¹

Предисловие

Политические элиты стали объектом специальных исследований еще в начале двадцатого века в Европе и в Америке, позже в России (по идеологическим, цензурным и др. причинам). В настоящее время элиты вызывают еще больший интерес у отечественных и иностранных исследователей и с философской точки зрения, и с точки зрения их экономических, социальных и политических потенциалов.

Внимание к политическим элитам не случайно, ведь этот субъект политики вовлечен в самые различные сферы и уровни государства и общества. Политические элиты занимаются разработкой и внедрением национальных программ в области образования, здравоохранения, науки, права, задействованы в кадровой политике, они принимают решения в отношении преобразований на муниципальных, региональных и национальных уровнях власти, формируют стратегию международных отношений и представляют государства в мировом сообществе.

Изучение элит стало отдельной отраслью научного знания с целью выявить, кто стоит за важнейшими политическими решениями, влияющими на судьбы миллионов людей, кто имеет право и возможность занимать высшие позиции в государственных структурах, как формируется элитный слой. Очевидно, что для реализации многочисленных социальных, политических и государственных программ обществу необходимы высококлассные специалисты, способные соотносить объективные требования жизни с достигнутым уровнем науки управления, с национальной спецификой государства, значит, и качественная сторона элит – немаловажный вопрос. В результате оказалось, что предназначение элитологии –

¹ Фуко М. О природе человека. Справедливость против власти: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 120.

это не только познание и описание элит, особенностей их в каждой отдельной стране, не только сравнение с целью извлечения положительного опыта в деле управления государством и политическим процессом в некотором смысле, не только выявление оснований господства той или иной элитной группы, обстоятельств, влияющих на ее формирование, целесообразности властных пирамид, но и в прогнозировании состояния, ориентаций, тенденций функционирования политических элит в зависимости от различных факторов.

Сегодня элитология считается комплексной наукой, включающей аксиологические, социологические, онтологические, антропологические, психологические, политические, философские и исторические аспекты. Но главный акцент ставится на стратификационном устройстве общества и элитарном характере правящего меньшинства.

Всеобщее знание об элитах почти всегда покрыто тайнами и мифами, истинное же знание доступно лишь немногим – тем избранным, которые являются носителями особого вида общественного сознания, самим элитам и тем, кто его изучает, попадая в этот мир. Методики и техники исследователей элит предполагают высокий квалификационный уровень, ведь элиты, как правило, не заинтересованы в раскрытии тайн своего властвования.

Настоящее учебное пособие с хрестоматийными материалами составлено в соответствии с программой курса «Политические элиты». Эффективное усвоение учебной программы реализуется, благодаря изучению литературы, указанной в конце каждой главы, самостоятельному поиску эмпирических данных в современной политической практике и выполнению рекомендуемых практических заданий.

Глава 1. Теоретические аспекты исследований элит

1.1. Современная наука об элитах: мировая и российская элитология

На протяжении веков элиты интересовали историков, юристов, социологов, культурологов, философов и др. Исторический взгляд на элиты дает понимание очередности смены царей и их приближенных, появления и роли великих полководцев и их верных соратников. С правовой точки зрения важно, какие нормативные документы позволяют получать властные полномочия отдельным представителям общества. Социологи и культурологи представляют социальный портрет, возраст, материальное положение, приоритеты элитных слоев и перспективы их удержания у власти, их ценность для общества. Философские аспекты при изучении элит раскрываются через выявление основ «философии избранности», которая имеет глубокие исторические основания и держится на идеях о высшем совершенстве, интеллектуальном аристократизме, элитарном сознании и т. д.

В итоге сложилась наука, которая ставит целью идентификацию элиты, занимается вопросами ее формирования и функционирования. Современное состояние науки позволяет говорить о наметившейся в последнее время тенденции еще большего расширения поля элитологических исследований: от чисто социологических и политологических проблем элиты до области элитарного сознания и объяснения самой идеи избранности как теоретической основы элитизации духа, от философии элиты до идеологии элит. Сегодня уже ищет свое место в ряду социальных и гуманитарных наук психологическая элитология, интересующаяся процессами элитизации личности и ее поведением в элитной среде.

Это подтверждают материалы симпозиумов и конференций, организуемых Российской ассоциацией политической науки и ее региональными отделениями (РАПН), Международной ассоциацией политической науки (МАПН), объединяющей политологов большинства стран мира, Всемирными конгрессами МАПН, которые проходят раз в три года. XX конгресс состоялся в Фукуоко (Япония, 2006 г.), XXI-й – прошел в июле 2009 г. в Сантьяго (Чили). XXII Всемирный конгресс запланирован на 2012 год, место

проведения – Мадрид (Испания). Так, вместе собираются как представители национальных организаций политологов, так и представители исследовательских комитетов (ИК), работающих в рамках МАПН. Подобные мероприятия не только оценивают статус политической науки в различных регионах мира и состояние ее основных субдисциплин, а также перспективы развития международной политической науки XXI века с целью усиления взаимодействия национальных организаций и исследовательских комитетов в рамках создания плодотворных сетей сотрудничества.

Обязательным вопросом всегда оказывается управление большими общностями, что так или иначе касается политических элит как непосредственных субъектов процесса принятия выработки и принятия решений. Под этими субъектами мировая наука признает не только высших политических руководителей и парламент, но и представителей государственных администраций, руководителей разнообразных политических групп регионов.

Одним из часто употребляющихся на подобных мероприятиях терминов стал термин *soft administration* – мягкое администрирование, как альтернатива прежнему жесткому администрированию в стиле «вертикали власти». Никто из политологов не отрицает значение структур гражданского общества в подготовке, принятии и реализации властных решений на самых различных уровнях. Однако все отмечают существенную роль в реализации принципов нового государственного менеджмента эффективного вовлечения в этот процесс экспертного и научного сообщества. Но, сколько бы ни говорили о рефлексивном управлении без управляющих, «*governance without government*»^{*}, о роли законодательных ассамблей и парламентов различного уровня, о расширении круга участников процесса подготовки, принятия и реализации политических решений, в полной мере ученые отдают себе отчет, что в каждом обществе значительная роль принадлежит политической элите. «Демократия, фашизм, сталинизм, маоизм и др. – лишь формы по-

* Термином *governance*, который очень приблизительно может быть переведен как «руководство», обозначается «термин-концепт нового государственного менеджмента, с помощью которого, по мнению его разработчиков, снимается проблема дихотомии политики/управления» (Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч. Часть 1. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 215).

литического порядка, с помощью которых элиты осуществляют свою власть над массой...»²

Проблематика политических элит сегодня особенно актуальна. Ведь сегодняшний мир – это мир гибридных режимов, многие страны только встают на путь демократического развития. Современные элиты находятся в состоянии трансформаций, переосмысления своего положения. Это Украина, Турция, Румыния, Сербия и др. С одной стороны, их политические элиты активны, желают войти в европейское сообщество. С другой – они не способны регулировать многие государственные и политические проблемы, связанные и со слабым разделением властей, и неприятием оппозиций, и с деформированной демократией, когда после выборов от людей уже ничего не зависит, а власть полностью принадлежит правящей элите. Сегодня актуальными выглядят вопросы о том, существуют ли различия в рекрутировании элит на Западе и на Востоке, какие плоды приносит элитарное образование, какова реакция элит на мировой кризис, вопросы согласия и фрагментации элит, качества элит, взаимодействия элиты и оппозиции, возможности влияния на внеэлитные слои, результативности социальных трансформаций в аспекте элитных взаимоотношений, полномочий элит в крупных и малых регионах, федеративных и унитарных государствах, элит и гражданских объединений и т. д.

Итак, элита является многогранным объектом, включенным во множественные сети, состоящие из людей, соратников, противников, институтов, политических ситуаций, традиций, цивилизационных особенностей стран и проч. Игнорировать все эти аспекты при исследовании элит нельзя, ведь от точности и объективности зависит многое, в том числе перспективы развития обществ.

Рождение науки об элитах отсчитывается с рубежа XIX – XX столетий, от первых теорий элит Г. Моски и В. Парето, когда, в противовес марксистским убеждениям, история стала восприниматься не как история борьбы классов, а как история борьбы элит. Сам термин «элитология» – российская инновация. Он был введен в научный оборот в начале 90-х г. XX в. и получил широкое распространение в российских общественных науках во второй поло-

² Мохов В. П. Элитизм и история: проблемы изучения советских региональных элит. С. 13.

вине 90-х. Именно в этот период складывается российская школа элитологии.

Причины столь позднего рождения науки в России вполне объяснимы: в советское время элитологическая проблематика была запрещена, исследования советской элиты были невозможны по идеологическим и цензурным соображениям. Поскольку элита представлялась атрибутом антагонистического, капиталистического общества, то ее не могло быть в социалистическом обществе. О том, что это явление существует на Западе и в Америке, отечественные ученые писали, но через разрешенный жанр критики буржуазной идеологии. В 1966 г. Г. К. Ашин опубликовал «Миф об элите и «массовом обществе», в 1971 г. – «Доктрину «массового общества». Появилось несколько диссертаций по элитистской тематике: «Буржуазное государство и правящая элита» (Г. А. Кожевникова, 1972), «Правящая элита, бюрократия и государственная власть на современном Востоке» (Н. И. Калашников, 1985). В 1981 г. стал известен труд П. С. Гуревич «Современный элитизм: истоки, версии, тенденции» и еще несколько работ, которые знакомили советского читателя с понятием «элита».

Книга М. С. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» – из разряда «совершенно секретно» – была впервые опубликована в Австрии и ФРГ в 1980 г., затем во Франции (4 издания), Италии (2 издания), Испании, Португалии, Греции, Англии, Швеции, Исландии (сокращенно, 2 издания), Японии (2 издания), США (2 издания), Бразилии; изложения книги были опубликованы в прессе в ФРГ, Турции и Израиле, в Лондоне было два издания этой книги на русском языке. В Польше – тоже два, но полулегально и с сокращениями. Но в России книга появилась только в 90-х гг. под названием «Номенклатура». Наличие элиты – привилегированного слоя в виде верхушки партийно-советской бюрократии – не оспаривается сегодня и называется коммунистическим или скрытым элитаризмом.

В результате, один из первых учебников по элитологии в России был написан Г. К. Ашиным (1999). Позже появились монографии В. П. Мохова «Элитизм и история» (2000), О. В. Крыштановской (2005) «Анатомия российской элиты». Значительные работы по элитам принадлежат О. В. Гаман-Голутвиной. Сегодня российская

школа элитологии бурно развивается, ее представители публикуют монографии, сотни статей по важнейшим аспектам элит. Школа российской элитологии по праву занимает ведущее место не только по исследованию российских элит (еще два десятилетия назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов), но и по элитологической регионалистике, по ряду общетеоретических проблем элитологии и т. д.

Представители современной российской школы М. Н. Афанасьев, Л. В. Бабаева, Д. В. Бадовский, В. Г. Ледяев, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Дука, П. Л. Карабущенко, Н. Б. Карабущенко, О. В. Крыштановская, Н. Ю. Лапина, В. П. Мохов, Е. В. Охотский, А. В. Понделков, Д. Г. Сельцер, А. М. Старостин, Р. Ф. Туровский, А. Е. Чирикова и другие. Некоторые ученые не постоянно занимаются элитами, но когда они становятся объектом их внимания, то рождаются интереснейшие труды. В этом ключе можно назвать Б. В. Дубина – литератора, социолога и переводчика; имя Ю. А. Левады, автора нескольких книг, более 200 статей по проблемам социологии, общественного мнения, теории и методологии социологии, социологии религии, социальной антропологии; Л. Д. Гудкова, российского социолога. В каждом регионе России ведутся исследования элит, они несут определенную специфику, связанную с особенностями региона (этнические, экономические и т. п.). По элите Западной Сибири исследования принадлежат А. Б. Коновалову, Ю. А. Пустовойту, А. И. Степанову; по Кубани – А. К. Магомедову; по Ставрополью, Осетии – О. С. Новиковой, Б. Г. Койбаеву; по Украине – А. А. Зоткину и др. Российские исследователи изучают и элиты других государств. Французская элита интересует И. М. Бунина, Л. В. Булдакову, А. Д. Керимова, М. А. Крутоголова, американская – В. В. Согрина и др. Результаты этих исследований вливаются в общую картину об элитах и закономерностях их функционирования национального и мирового значения.

Итак, ведущие специалисты в области политической элитологии, чьи исследования продвигают российскую науку на новые рубежи, это Оксана Викторовна Гаман-Голутвина – доктор политических наук, профессор РАГС при Президенте РФ, член Академии политической науки России и Международной ассоциации политической

науки, является автором более 150 научных работ. В ее политических исследованиях видится, прослеживается авторский подход к изучению процессов элитообразования, представлена детальная характеристика системообразующих факторов, определивших специфику российской политической элиты.

Александр Владимирович Дука, кандидат политических наук, сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), руководитель сектора социологии власти и гражданского общества, исследователь политической культуры, теоретических проблем властных элит. Одной из его личных инноваций является понятие «международная региональная элита» и ее идентификация.

Алла Евгеньевна Чирикова – доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва). В сфере ее научных интересов лидеры российского предпринимательства, экономические элиты, политическая элита России, региональные элиты, взаимоотношения региональной власти и экономических элит.

Виктор Павлович Мохов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и истории Пермского ГТУ, директор ЭлИс-Центра, некоммерческого общественного центра, созданного для проведения исследований в сфере элитологии, методической поддержки молодых исследователей, создания научного профессионального сообщества элитологов, занимается исследованиями властных институтов в современном российском и советском обществе, механизмов номенклатурной организации власти. Автор многих интересных работ по элитам.

Ольга Викторовна Крыштановская – заведующая сектором изучения элиты Института социологии РАН, доктор социологических наук, одна из известнейших персон современного российского научного сообщества. Вводит в науку термины «милитократия», «инкорпорация», «официалы» и т. п., проводит глобальный анализ современной российской элиты.

Павел Леонидович Карабущенко – д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой политологии Астраханского университета, специалист в области элитопсихологии, истории философии и политической истории, главный редактор научно-теоретического журнала «Элитологические исследования», который выходит с 1998 г. Имеет более 100 научных и учебных работ по философии, политологии

и элитологии. Его коллектив (Л. Н. Бережнова, Р. Г. Резаков, Р. К. Карнеев, Л. Я. Подвойский, Н. Б. Карабущенко и др.) известен общей темой исследований: социокультурная элитность и история элитологических идей. Одним из последних инновационных проектов считается начатая еще в 2002 г. работа над энциклопедическим словарем «Элитология».

Александр Владимирович Кинсбургский – научный сотрудник Института социологии РАН, область исследований – структура российской политической элиты. Его анализ показывает, что, несмотря на произошедшие кардинальные перемены в персональном составе российской политической элиты на рубеже веков, основная ее характеристика осталась неизменной – безусловное доминирование в ней представителей органов исполнительной власти над выходцами из высшей законодательной и судебной ветвей.

Лидия Александровна Окольская, старший научный сотрудник Института социологии РАН, в сфере ее интересов – биографии президентских резервистов. При анализе параметров «золотой сотни» президента наиболее интригующим моментом стало их карьерное продвижение: с чего начинали, какие ступени проходили, в каких направлениях пробовали работать, в каком возрасте достигали тех или иных успехов. На основании данных о том, чем занимались члены президентского резерва в разные годы жизни, ученый строит типологии их карьер для каждой возрастной когорты отдельно.

Сергей Петрович Перегудов – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН (Москва). Исследует взаимоотношения российской бизнес-элиты и власти, анализирует вехи во взаимодействии власти и бизнеса по линии представительной и исполнительной властей: от широкомасштабного участия «олигархов» в представительных органах власти до «Дела ЮКОСА» и баланса сил в пользу бюрократического корпоративизма.

Ольга Сергеевна Новикова – доктор философских наук (Ставрополь), изучает роль этнических элит, национального самосознания, региональных властвующих элит в перераспределении собственности на юге России. Превращение власти в капитал, в стоимость, приносящую доход, ведет к тому, что не структура производственно-экономического комплекса определяет характер политического

процесса, а политическая система формирует состав субъектов экономической деятельности. Поскольку участие в политике определяется в основном финансовыми возможностями ее субъектов, то сращивание власти и собственности в рекрутировании региональной властной элиты имеет особенно неприкрытые формы, считает ученый.

Наталья Юрьевна Лапина (Москва) – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Занимается вопросами региональных элит, централизации власти и ее последствий, формирования представительных органов власти и т. д.

Александр Васильевич Понеделков – доктор политических наук, профессор Северо-Кавказской академии государственной службы, и Александр Михайлович Старостин – доктор политических наук (Ростов-на-Дону), имеют много совместных публикаций, изучают административно-политические элиты России, российский партогенез. Деформирующуюся систему представительства социально-политических интересов в России объясняют воздействием элитократии.

Валерий Алексеевич Ачкасов – доктор политических наук, профессор СПбГУ, занимается вопросами институционализации политической элиты, в работах отмечает, что сегодня российская политическая элита призвана решать очень сложные задачи, а ее роль как институализирующего, стабилизирующего и интегрирующего фактора весьма противоречива.

Ростислав Феликсович Туровский – доктор политических наук, профессор факультета прикладной политологии Государственного университета – высшей школы экономики в Москве, ведущий политолог Центра политических технологий, известен яркими исследованиями в области политических отношений в регионах и центре, в которых однозначно фигурируют политические элиты.

Дмитрий Григорьевич Сельцер – доктор политических наук (Тамбов), посвящает свои работы особенностям локального политического процесса в регионах РФ, изучает вопросы конкурирующих элит, выборов глав регионов в политической истории России. Ему принадлежат работы «Взлет и падение номенклатуры», «В поисках самоидентификации и рецептов выживания: к характери-

ке дискуссий о будущем партноменклатуры» (1986 – 1991 гг.), «Субрегиональная административная элита от М. С. Горбачева до В. В. Путина: общие подходы» и др.

Среди исследователей есть действующие политики, общественно-политические деятели. Почти все исследователи ведут активную педагогическую деятельность. Многие ученые являются сотрудниками российских исследовательских центров, Российской академии наук, мы их узнаем по их работам в области регионалистики, власти, клиентелизма, государственного и политического управления и т.д. И это понятно, ведь аспект элиты просматривается абсолютно на всех срезах общественного и политического знания и практики. Таким образом, наряду с международными элитологическими традициями в российских регионах, где организуются наиболее интенсивные исследования элит, достаточно успешно складываются свои элитологические школы: Санкт-Петербург (А. Дука, П. Лешукова); Ростовская область (А. Старостин, А. Понеделков); Свердловская (К. Киселев, В. Мартьянов); Пермский край (О. Подвинцев, М. Старкова, В. Мохов); республика Татарстан (Е. Макарова) и др.

Их работа охватывает широкий спектр элитологических проблем, начиная с теоретического переосмысления наиболее распространенных элитологических концепций и заканчивая эмпирическим анализом процессов, происходящих в федеральной и региональной элитах.

1.2. Политическая элита: основные понятия

Как всякая наука, элитология нуждается в осмыслении и уточнении своего понятийного аппарата, разработке общей теории и методологии, перевода теоретических понятий на операциональный уровень, разворота эмпирических исследований элит и сравнительных элитологических исследований.

Первый вопрос, встающий перед исследователем элит, связан с тем, насколько термин «элиты» необходим и продуктивен в политической науке и вообще в общественных дисциплинах.

Историко-этимологический анализ слова «элита» показывает, что оно происходит от латинского *eligere*, которое впоследствии трансформируется во французское слово *élite*, что означает «луч-

шее, избранное». В сочетаниях со словами «человек», «класс» и другими словами, элита – это лучшие люди, цвет общества, редкие, исключительные натуры, изысканная порода. В XIV в. «élite» из старо-французского проникает в средневековый английский язык и существует как глагол в значении «отбирать» и «выбирать на должность»³, а как существительное — «избранный», «выбранный», «избрание». К XIX столетию это слово считается устаревшим. В современном значении оно фиксируется английскими словарями с 1823 г.⁴

Начиная с XVII в., это слово употребляется для обозначения товаров наивысшего качества, а затем и для обозначения персон и групп, находящихся на вершине социальной иерархии, прежде всего высшей знати. И в Англии, с 1823 г., как свидетельствует Оксфордский словарь, этот термин стал применяться к высшим социальным группам в системе иерархического общества.

В немецком языке слово «элита» появилось в конце XVIII – начале XIX вв. в словаре Брокгауз⁵.

В XVIII – XIX веках термин «элита» повсеместно стал использоваться в генетике и семеноводстве для обозначения лучших сортов. Однако в общественных науках широко не применялся до конца XIX – начала XX вв. (то есть до появления работ В. Парето), а в США – до 30-х гг. прошлого столетия. В русский язык слово «элита» вошло только в XX в. Сегодня элита понимается даже непосвященными как избранная часть общества, но сочетает разноплановые ассоциации и трактовки. С точки зрения культурологии, элита — это сообщество наиболее одаренных, достойных, выдающихся представителей общества. Для социолога — это люди, занимающие наивысшие позиции в социальной иерархии. Для экономиста – самые богатые, обладатели экономических ресурсов. А для политолога элита — это сообщество людей, принимающих ключевые реше-

³ The Oxford English Dictionary / Prep. by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. Vol. 5. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 142.

⁴ A Dictionary of American English on Historical Principles / Compiled at The University of Chicago under the editorship of Sir W. A. Craigie and J.R. Hulbert. Vol. 2. Chicago: The University of Chicago Press, 1959. P. 876.

⁵ Der Neue Brockhaus: Allbuch in fünf Banden und einem Atlas. Dritte villig neubearbeitete Aufl. 2. Bd. Wiesbaden: F. A. Brockhaus, 1965. P. 58.

ния в области политического курса и владеющих существенными властными ресурсами.

Современная наука признает существование элиты и конфликта между элитой и неэлитой как «инвариант в истории человечества». Ключевой тезис заключается в том, что политика в самом укрупненном подходе всегда формируется как результат взаимоотношений всего двух групп человеческого сообщества. «Их историческое воплощение различно. Но всегда постоянен основной признак: это меньшинство (сильное, пассионарное, лидерское) и большинство. Кто интересуется властью и стремится ею обладать? Конечно указанное меньшинство. Кто интересуется свободой для самореализации? Оно же. Кто интересуется психологическим комфортом, безопасностью, защищенностью, уверенностью в будущем? Конечно, указанное большинство», - говорит руководитель Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования В. И. Якунин⁶.

Элиты и политическая элита

Первоначально элиты изучались в рамках философии избранности. Один из вопросов, который интересовал философов: как возникала психологическая дистанция между массовым и элитарным видами общественного сознания. Вслед за этим развивался вопрос «элитоперсонализма», т. е. избранной личности и ее творческого начала вплоть до идеи о «сверхчеловеке», и проблема духовной и социальной иерархии как изучение природы гениальности и святости. Позже философы задумались о том, при помощи каких ресурсов, знаний или протекций можно встать в ряды гениальных и избранных. Впоследствии эти тезисы и стали отправной точкой и в некотором смысле предметом элитологии.

Корпус элитологической философии составляют труды Платона, Сенеки, Августина Блаженного, Дионисия, многих других аристократически мыслящих авторов вплоть до Ф. Ницше и Н. Бердяева. Но порядок навели итальянские ученые В. Парето, Г. Моска, рус-

⁶ Якунин В. И. Инварианты политики: некоторые цивилизационные аспекты // Доклад пленарного заседания на V Всероссийском конгрессе политологов: «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». – Режим доступа: www.rusrand.ru.

ский М. Острогорский и немецкий Р. Михельс. Их утверждения о том, что коренные интересы «инвариантных в истории человечества двух групп»: от устройства политических систем государств до распределения прав на собственность и результаты труда, различны и стали основой нового понимания истории.

Разнообразие сфер общественной жизни сегодня привело к тому, что в каждой сфере выделяется своя элита. Экономическую элиту составляют наиболее богатые члены общества – крупные собственники, банкиры, руководители финансово-промышленных групп, главы ведущих корпораций, владельцы крупных капиталов. Интересы экономической элиты прямо или косвенно оказывают влияние на характер решений, принимаемых политической элитой. В состав административной элиты входят члены правительства, а также высший слой государственных служащих. Культурно-информационную элиту составляют выдающиеся деятели науки, культуры, видные журналисты, оказывающие влияние на формирование общественного мнения, высшие иерархи церкви. Одной из важных функций этой элитной группы является формирование благоприятного для элиты общественного мнения, идеологическое обоснование факта господства данной элиты, а также принимаемых ею решений. Политическая элита в современном мире – это социальная группа, которая однозначно находится в авангарде политических идей и политической практики в любом государстве, владеет властными ресурсами и выполняет для общества важнейшую функцию выработки курса развития. В развитии подходов к понятиям «элита» и «политическая элита» наблюдается множественное разнообразие, но в самом общем смысле политической элитой принято считать высший социальный слой, «выше которого нет никого в иерархии властных структур»⁷.

Безусловно, деятельность всех элитных групп является ценной для общества. Но не все элитные группы вырабатывают политический курс, идеологию, управляют обществом. Это прерогатива политической элиты, это ее функция. Сфера деятельности политической элиты несравненно шире, чем функции и сфера любой другой элиты. Сфера политической элиты всепроникающая, и ее такое ви-

⁷ Соколов В. П. Политическая элита: моральный аспект // Цит. по: Мохов В. П. Элитизм и история. С. 8.

дение исходит из самого понятия «политика». Обладая многообразными ресурсами, политическая элита обеспечивает связь между бизнесом, военной верхушкой, информационной элитой и т. д. О. Гаман-Голутвина предлагает для характеристики ресурсного потенциала политической элиты использовать концепцию П. Бурдье о многомерном социальном пространстве, в рамках которой функционируют индивиды, обладающие различными видами капитала. «Различные типы капитала приобретают характер политического в случае использования для оказания влияния на процесс принятия решений»⁸. В связи с этим в определение политической элиты входит обязательный ресурсный показатель. «Политическую элиту можно определить как внутренне сплоченную социальную общность, являющуюся субъектом принятия важнейших решений и обладающую для этого ресурсным потенциалом»⁹.

«Элитолог», «элитарист», «эгалитарист»

Сегодня, в науке об элитах используется несколько понятий: «элитизм», «элитаризм», «эгалитаризм», «псевдоэлитаризм». Соответственно специалисты каждого научно-идейного подхода в политической литературе называются «элитолог», «элитарист» или «эгалитарист».

Социологи и политологи, которые руководствуются идеей о том, «что элита неизбежна в любом обществе», «имманентный элемент цивилизации»¹⁰, называются *элитаристами*. Они воспринимают элиту главным субъектом социального управления, гиперболизируют значение элиты для общества и его развития, считают, что ее привилегированное положение — закон общественного развития, социальная норма. Их концепции представляются негибкими: они практически выбрасывают роль народа из политического процесса.

Элитологи исследуют элиты более объективно. Они могут даже критически относиться к факту существования этого социального слоя. Они всесторонне изучают этот объект, зачастую воспринимают элиту как угрозу демократии, допускают существование об-

⁸ Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 10

⁹ Там же.

¹⁰ Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. С. 11.

щества без элиты вообще и рассматривают идею возвышения всего общества до уровня элиты.

В советском обществе элитистским концепциям был поставлен надежный идеологический заслон, считалось, что теории элит нарушают гармоничное развитие социалистической структуры. Элитизм характеризовался как господство над массами¹¹, и доминировала *эгалитарная*^{*} научная парадигма, когда речь шла о формировании основ правового общественного сознания. Примитивные тезисы о равенстве всегда сводились к тому, что люди могут быть равны только среди равных. Тот, кто выходит за рамки равных, получает статус элитного и в общественной иерархии занимает более высокую позицию.

Парадигма эгалитаризма получила наибольшую актуальность еще в эпоху буржуазных революций в Европе, когда в политическом сознании и во многих политических доктринах красной нитью проходили требования личных свобод и равенства граждан. Но, несмотря на то, что в условиях демократического общества стали популярны идеи равенства, социальной справедливости, равных возможностей, равного доступа и участия в социальных и политических процессах, параллельно с этим в ученом мире происходило осознание того, что каждый человек своеобразен и неповторим.

Многочисленные попытки сподвижников европейских буржуазных, позже социалистических революций, и демократов поставить общество в равные условия оказываются в результате недостаточно состоятельными. «Когда вся деятельность Кокуса, его дух и методы способствовали тому, чтобы общественное мнение становилось стереотипным, сводилось к одинаковому уровню..., – писал Моисей Острогорский в 1913 г., – то механизация и единообразие, прочно установленные им, привели к тому, что иссяк источник политической мысли и стерта была индивидуальность в политической жизни на всех ступенях, включая даже лидеров»¹². Эти идеи много раз подтверждались в политической истории.

Сегодня, на основе данных современной психологии и психофизиологии человека, на примерах из истории всех этносов и госу-

¹¹ Мохов В. П. Элитизм и история. С. 74 – 87.

^{*} Egal, -е (от фр. - равный, одинаковый)

¹² Острогорский М. Демократия и политические партии. С. 264.

дарств различных эпох, многие теоретики общественных наук все больше и чаще склоняются к утверждению, что в объективном мире невозможно имущественное, политическое, социально-экономическое, правовое, физиологическое, интеллектуальное, мотивационное равенство, равенство возможностей и обязанностей. «Равенство есть синоним деструктивности, аморфности социума...»¹³, – этот тезис обосновывается в работе одного из теоретиков биологического элитаризма В. М. Кайтукова. Так, различные формы эгалитаризма со множественными обоснованиями, в самых разнообразных постулатах не могут быть реализованы в жизни. Как утверждают философы от Платона, Фрейда, Ницше до Моски и Гумилева, равенство всех жизненных проявлений вне зависимости от каких-либо конкретных ограничений объективного и субъективного характера («равенство в условиях труда, воинских обязанностях, пище, имуществе, сексе, жилье, важности жизнедеятельности и т. д... Невзирая на роль, характер услуг, важность деяний индивида»¹⁴) всё равно порождает неравенство. Неравенство многомерно, как многомерна политическая, экономическая, социальная действительность, и «отсутствие этого равенства в каком бы то ни было компоненте является основой для последующего неравенства во всем остальном...».

Термин *псевдоэлитаризм* еще находится на стадии разработки и в большей степени пока затронул область права. Но ведь, где государство, право, там и политика. Дело в том, что современная Россия, например, столкнулась с тем, что руководители отдельных корпоративных групп стали выдавать свои интересы за «государственные интересы», устремились решать свои проблемы за счет народа посредством установления эксклюзивных льгот. Получая льготы, они однозначно оказались в элитном положении. В настоящее время сложилось два типа льгот: узаконенные льготы и «льготы» криминального характера, установленные самими лицами (например, неуплата налогов). Псевдоэлитаризация получила национальную специфику и стала результатом экономической политики ныне правящей в России политической элиты. Так, существование целой системы корпоративных льгот и всевозможного рода

¹³ Кайтуков В. М. Эволюция диктата. Опыт психофизиологии истории. С. 66.

¹⁴ Там же. С. 66.

псевдоэлитарных привилегий привело к стихийному заполнению образовавшихся социокультурных пустот различными квазиэлитарными элементами, которым льготы и привилегии предоставляются сегодня в качестве компенсации за их заслуги перед обществом. Эта категория считает себя исключительной, т. е. «притязает на признание», фиксирует при помощи настоящей элиты особое отношение с вытекающими преимуществами занимаемого статуса. В такой ситуации политическое превосходство индивида является не следствием его личных достоинств, а социально наследственным или протектированным (от слова «протекция»).

Под псевдоэлитой подразумеваются персоналии правительственных, проправительственных, политико-управленческих сетей, которые являются активными регуляторами взаимоотношений между государством, различными экономическими корпорациями и их политическими ассоциациями. Руководители корпоративных агентств, находящихся между государством, корпорацией и обществом, видят инструменты, позволяющие инкорпорировать в механизм принятия государственных и политических решений различного рода свои совещательные функции. В результате при государственных органах появляется система консультативных органов по отдельным направлениям политики (экономической, социальной, национальной и др.). И хотя такие органы зачастую объединяют представителей противостоящих групп, а по результатам выработки компромиссных вариантов политических решений появляются элитные льготы. Так, практическое применение корпоративистских моделей в государственной политике приводит к созданию набора «окологосударственных» совещательных органов и согласительных агентств, способствующих преодолению межведомственных барьеров и установлению «горизонтальных» связей между государственными и негосударственными агентами принятия решений. Эти органы заполнены руководящими лицами, которые и составляют элитную прослойку.

Итак, в рамках элитологии по-новому обнаруживаются взаимоотношения элиты и массы. Обладание/отсутствие власти, возможность/невозможность использования власти стали разграничительной чертой между элитой и массой.

Институционализация элит

Важным аспектом в познании элит считается вопрос их институционализации, где под институционализацией понимается процесс придания политическим элитам «упорядоченного, устойчивого, нормативного характера»¹⁵. В ситуации с элитами этот процесс связывается с еще более глубокой профессионализацией и элитизацией политической деятельности, созданием некоего сообщества, специализированного на выработке политической стратегии государства и обеспеченного необходимыми ресурсами. По отношению к другим, оформленным законодательно политическим институтам, политические элиты являются наиболее значимыми, а их советы и рекомендации первостепенными. Элита политическая – это своеобразное, политическое сообщество, основывающееся на коллективной воле к управлению обществом, в отдельных случаях опирающееся на свои элитные интересы, построенные в виде клиентарных сетей, но в своей деятельности ориентирующиеся на законы, общие правила и нормы. Зачастую клиентарные отношения оказываются необходимой и достаточной основой для консолидации региональных правящих режимов, в том числе для разрешения внутриэлитных конфликтов.

Почему сегодня политической элите становится возможным придание статуса политического института? Потому, что этот элитный слой отличается, во-первых, ориентированностью на борьбу за власть, ее установление, осуществление, поддержание и распределение. Во-вторых, устойчивой многоуровневой соподчиненной структурой, определенной интегрированностью своих элементов во все сферы жизнедеятельности общества, в-третьих, унифицированностью форм в различных регионах, в-четвертых, деперсонализированностью, в-пятых, значимостью функций по выработке, согласованию политических решений и контролю за их выполнением. Одним из ведущих экспертов этой проблематики стал А. В. Дука, в его работах институционализация властной группы означает обеспечение возможности ею осуществлять систематический контроль над ресурсами, интеграцию разнонаправленных общественных тенденций и групповых интересов, эффективно упоря-

¹⁵ Желтов В. В. Сравнительная политология: учеб. пособие. С. 127.

дочитать и структурировать экономическое, политическое, социальное, культурное и иные пространства¹⁶. Петербургский ученый, утверждая, что через институциональное господство властная группа обеспечивает себе определенную легитимность, ссылается на П. Бергера и Т. Лукмана: «Институты должны утверждать свою власть над индивидом (что они и делают), независимо от тех субъективных значений, которые он может придавать каждой конкретной ситуации. Должен постоянно сохраняться и поддерживаться приоритет институциональных определений ситуации над попытками индивида определить их заново».¹⁷ Сам по себе вне определенной совокупности индивидуальных действий институт, естественно, не утверждает власть. Любой институт персонифицирован и актуализирован в ролях, и конкретные индивиды (элиты как совокупности персон) выступают инструментом деятельности института.¹⁸

Возможность осуществлять институциональное господство связана с правомочностью групп, претендующих на доминирование, наличием у этих групп ресурсов, структурой институциональных возможностей для осуществления этими группами своей деятельности. Элита как политический институт в своем стремлении господствовать может даже посягать на самый мощный институт – государство. Это зависит от состояния государства и всей институциональной среды в государстве. И конечно, кардинальное значение имеет ослабленное положение государства. Очевидно, что когда элитные группы, стремящиеся конституировать себя как доминирующие в обществе, ставят специфическую задачу свержения института государства, то под знак вопроса попадают многие аспекты и смена политического режима в том числе, и пересмотр глобального мирового ландшафта.

Таким образом, институционализация новых властных групп возможна только как приватизация ими государства, что достижи-

¹⁶ Дука А. В. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России. С. 167.

¹⁷ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 104.

¹⁸ Дука А. В. Властные элиты: социологический анализ // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. матер. интернет-конференции, февраль-май 2002 г./ под общ. ред. В. П. Мохова.

мо при его слабости¹⁹. Вместе с открытием таких возможностей для себя элиты, доминирующие в обществе, объективно способствуют другим элитам или войти в легальную власть (экономическая, военная, контрэлиты и т. д.), или легализовать свою власть (как происходит с криминальными или полукриминальными сообществами).

По выводам А. В. Дука, институционализация российских политико-административных элит еще не завершена, но параллельно с институционализацией рыночной экономики вполне реальна (без экономической институционализации невозможна властная, эти процессы взаимно влияют друг на друга). А если предположить, что институционализации политической элиты не происходит, то в этом случае говорят не об элите общества, а об «уполномоченных» иных интеграционных групп. Значит, что те властные группы, которые сейчас находятся в процессе становления, не могут выступать самостоятельными агентами структурирования и упорядочения социетального пространства России. Они не обладают полным суверенитетом, ограничены в использовании и распределении основных ресурсов. Важным фактором, открывающим перспективы второму варианту, является глобализация. При расширении политического, экономического, социального, культурного пространства за рамки национальных государств происходит сокращение монополии на ресурсы со стороны национальных элит, и тогда первенство в решении многих вопросов передается международным экспертам, институтам и наднациональным элитам.

Своеобразие институционализации российской политической элиты обуславливается во многом спецификой ее формирования. Все исторически складывающиеся разновидности политической элиты в российской истории (боярство, дворянство, имперская бюрократия, советская номенклатура) формировались по общим принципам ориентации на государственную службу и заслуженные привилегии. Признаки происхождения и имущественного ценза отступали на второй план. На региональном уровне процесс институционализации политической элиты характеризуется как процесс

¹⁹ Дука А. В. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России: сб. научных статей. С. 168.

создания устойчивых политико-экономических группировок, консолидированных вокруг главы исполнительной власти, основной точкой отправления становится поддержка претендентов в элиту со стороны административных органов власти и принадлежность к «правлящей партии» российского общества. Завершается этот процесс единством институциональной структуры, что достигается через механизмы жесткой функциональной зависимости и должностной соподчиненности в иерархии исполнительной власти в большинстве российских регионов, а также благодаря комплексу неформальных связей и совпадающих интересов на личном уровне.

Так, институционализация политических элит проявляется в том, что депутаты этого института являются, как правило, сторонниками глав администраций и сотрудниками территориальных органов исполнительной власти различного уровня, а также представителями бюджетных организаций и предприятий, находящимся в зависимости от областной администрации. В результате элита как политической институт способна функционировать как на неформальном, так и формальном уровнях.

Региональные политические элиты все больше претендуют на статус самостоятельного социально-политического института – Вслед за А. В. Дука и молодые ученые Ю. В. Прокофьева, Д. Л. Савельев, Ю. В. Горбунов и др. единодушны в том, что институционализация политической элиты представляет собой процесс определения, закрепления и легитимации социальных норм, статусов и ролей, позволяющих формализовать элитарные связи и отношения. Это становится возможным не только при желании элиты управлять обществом, но и при наличии потребности самой элиты в репрезентировании себя в институциональной форме.

Сегодня в научных трудах апробируется термин «деинституционализация». Здесь понимается процесс вытеснения из представительных органов власти, местного самоуправления, партий, в силу разных причин становящихся более лояльными к правящей партии, организованных политических групп, выражающих несогласие с политикой правительства. Часто это оппозиционные группы, ино-

гда региональные элиты целиком или частично, они изгоняемы, ограничены в высказываниях, выступлениях и т. д.²⁰

1.3. Методы исследований

Изучение элит сопряжено с определенными особенностями. Во многом это связано с тем, что этот субъект политики достаточно дифференцирован, по-разному активен в различные исторические периоды, скрытен, малодоступен и т.д. Кроме того, политические элиты разных стран имеют свои черты, связанные с характером экономических, цивилизационных, культурных, социальных специфик стран, где они доминируют. Конечно, существует некое общее знание об элитах, общенаучные и общелогические принципы и методы исследования, но следует помнить:

1. Элита каждой страны требует своего подхода и своих методов.

2. Исследования элит в свете новых глобальных проблем и современной политической практики, наряду с историческими, социологическими, психологическими и др. концепциями, требуют междисциплинарных подходов.

Целый ряд известных политологов и политиков (Д. Пиментела, А. Печчеи, С. Г. Кара-Мурза и др.), изучая современный конфликт цивилизаций, выступают сторонниками термина «золотой миллиард»^{*}. Смысл его – в идее нового «сверхчеловека», в том, что благополучная жизнь на Земле возможна только для тех, кто не забракован для будущего, не попал в сортировку в пределах демографической и экологической экспансии, ведущей систему в целом к неконтролируемому кризису и краху. Как предположение, выживут в цивилизационной борьбе только устойчивые элитные слои. Эти концепции подразумевают весь спектр элит – от политических до экономических и интеллектуальных.

²⁰ Сергеев С. Консолидация региональной элиты и деинституционализация оппозиции // Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». С. 378.

^{*} Термин отображает синтез двух крупных идей современной западной культуры. Одна идея – представление о «Золотом веке» прогресса и благоденствия. Другая – пессимистическое признание ограниченности ресурсов Земли и невозможности распространения этого благоденствия на все нынешнее население планеты. Этот термин как «идеологически нагруженная» метафора не употребляется в официальных документах, но заменяется набором уклончивых понятий и определений.

М. Шевченко, руководитель Центра стратегических исследований религии и политики современного мира, рассматривает современный мир как информационное пространство, конструирующееся СМИ с помощью политтехнологий. Его позиция: мир делится по вертикальному социально-экономическому признаку, элиты сталкиваются между собой в борьбе за ресурсы и другие интересы: «Я вижу конфликт мировых элитных группировок. Именно он определяет миропорядок»²¹.

Один из исследователей знаменитого Института Санта-Фе (Santa Fe Institute), который занимается междисциплинарными проектами, П. Турчин полагает, что причины напряженности и нестабильности современного мира лежат в демографическом росте, который влияет и на элиту, и на государство. Пока растет население, количество разного рода элит вырастает еще быстрее. Когда верхушка социальной пирамиды становится тяжелее, то общая конструкция — менее стабильной. Но пока элиты объединены, государство сильно, элиты способны подавить любые выступления народа. «Элиты ведь потребляют человеческий труд — это их ресурс. Если численность элит превышает возможности населения их прокормить, превышает свою «экологическую нишу», то у элит возникают проблемы»²².

Создание адекватных методик исследования такого сложного объекта, как элита требует длительного времени. При этом, как показывает отечественный опыт, методики не всегда возможно заимствовать или адаптировать: их часто нужно заново создавать, что делает каждое исследование оригинальным, с одной стороны, с другой, — несомненно, осложняет его проведение и удлиняет сроки.

По методам исследований элит в распоряжении российского читателя имеется достаточно много изданий. Это и отдельные статьи в научных сборниках, и главы учебных пособий, и диссертации, не только политические, но и социологические работы. Так, К. Миккульский, И. Бунин специализируются на техниках глубинного ин-

²¹ Все три мировые войны – результат борьбы этих элит за свои интересы... : интервью с М. Шевченко. – Режим доступа: <http://www.gazetanv.ru/archive/2008>.

²² Междисциплинарный подход: интервью с П. Турчиным. – Режим доступа: <http://www.expert.ru>.

тервью. А. Магомедов – на недирективном интервью. А. Чирикова в пособии «Региональные политические элиты» 2010 года издания отмечает, что российская элитология отдает предпочтение качественным методам, ссылаясь на такие факты, как крайняя мифологизированность политической элиты в России, неясность численности элит, затрудняющая построение надежных выборок и т. п. Объективность содержания исследования не всегда зависит от точности и системности, часто качественные исследования это подтверждают. Л. Бабаева, Е. Таршис, В. Матвиенко, Г. Голосов и другие исследователи обращаются к наиболее приемлемым для каждой ситуации методам и методикам. В зависимости от целей исследования подбирается тот или иной качественный / количественный метод, или комбинированный вариант, который может быть достаточно адекватным.

В учебнике Г. Ашина «Основы политической элитологии» описываются методологические принципы исследований элит. А. Чирикова в пособии «Региональные политические элиты» дает подробное описание качественных и количественных методов исследований политических элит. Современной тенденцией в исследованиях политической элиты считаются три основных направления, которые монография О. Гаман-Голутвиной фиксирует как ведущие:

1. Позиционный анализ, который определяет влияние представителя политического слоя в зависимости от занимаемого места в системе властных структур; важность обретает политико-идеологическая принадлежность, мировоззрение, ценностные ориентации. Ч. Миллс, Р. Патнэм, как теоретики структурно-функционального направления, стояли у истоков этого направления. Он реализуется при анализе законов и законных актов, биографических справок, сообщений о назначениях и отставках и т. п.

2. Репутационный анализ способствует обнаружению величины рейтинга политика в среде других властвующих лиц; считается, что впервые такой анализ был применен Ф. Хантером. Авторитет, имидж элиты в обществе, личностные качества и мотивы поведения прослеживаются посредством анкетных опросов, интервью. Контент-анализ (количественный) текстов с целью последующей интерпретации выявленных числовых закономерностей здесь особенно уместен.

3. Функциональный, или анализ принятия решений, раскрывает степень приближенности субъекта к области принятия политических решений, т. е. выявление элитного слоя путем идентификации тех, кто действительно причастен к принятию решений. Этот метод считается наиболее точным, реализуется наблюдением, экспериментом, а также анализом официальных документов. Впервые употреблен Р. Далем в работе «Кто управляет».

1.4. Классификация теорий элит

Учитывая разнообразие взглядов на элиту на протяжении последнего века, начиная с теорий В. Парето и Г. Моска, сложились множественные теоретические подходы и концепции. У каждой теории своя точка отправления, но их можно условно классифицировать по отдельным критериям: по хронологическому и географическому принципам, по принципу построения концепции, по способу обоснования элитаризма, по субъекту управления.

Эти теории одновременно могут фигурировать на нескольких уровнях.

Так, например, теория «властвующей элиты» Ч. Миллса по географическому принципу занимает достойную позицию в ряду американских концепций, по хронологии относится к 50-м годам двадцатого века. В отношении принципа построения концепции совершенно однозначно находится среди структурно-функциональных теорий, более того, символизирует рождение институционального подхода. Если посмотреть на теорию «властвующей элиты» с точки зрения обоснования элитаризма, то в большей степени под элитой Ч. Р. Миллс подразумевал верхушку специалистов в области экономики, политики и военного дела, занявших свои посты, благодаря связям, престижу и богатству. Это функционирующие предприниматели, вышедшие на стадию господства, на определенный уровень принятия решений рациональным путем посредством специализированных знаний.

И это наводит на предположение о технократическом обосновании элитной прослойки в Америке. Однако этой теории не чужд и цивилизационный подход. Америка получила именно такую элиту, благодаря особенностям развития американской цивилизации: от-

существование феодализма в Америке, тех элементов, которые сопротивлялись бы разбогатевшей буржуазии, например, привело к безапелляционной власти экономической элиты. Цивилизационный подход кристаллизует значение элитных групп и индивидов на развитие цивилизаций. По субъекту управления теория Ч. Миллса относится к категории триумвират: в Америке правит трехглавая элита.

Схема 1. Классификация теорий

По принципу построения концепций различают два основных подхода: ценностный и структурно-функциональный. Сторонниками **ценностного подхода** элита рассматривается как важный элемент социальной системы, при выделении элитного слоя значение приобретают интеллектуальные и нравственные качества и способности людей.

Одним из ценных для «сознательной» политической науки высказываний о значимости качеств руководителей государства и его советников является позиция итальянского философа и политического деятеля Никколо Макиавелли (1469-1527), который полагал, что государь должен обладать благоразумием, выбирать, каких людей к себе приближать (преданных и способных). Научная школа элитологов ценностного направления впоследствии получила название макиавеллистской школы.

У одного из основоположников теорий элит Вильфредо Парето (1848 – 1923) «элита» употребляется в латинском значении. *Eligere* подразумевает «отбор», «выбор с разборчивостью». В. Парето применял и греческий термин *aristoi*, изначальный смысл которого — лучший по достоинствам, не по рождению. Если обратиться к словарям, то можно увидеть, что этимология аристократии кроется в корне «аристос», что означает «лучший», соответственно, аристократия — «власть лучших»²³. В своих исследованиях В. Парето исходил из тех идей, что миром во все времена правило и должно править избранное меньшинство — элита, наделенная особыми качествами: психологическими (врожденными) и социальными (приобретенными вследствие воспитания и образования). В «Трактате по общей социологии» он писал, что человеческое общество неоднородно и индивиды различны физически, морально и интеллектуально. Разделение общества на управляющую элиту и управляемые массы он выводил из неравенства индивидуальных возможностей людей. Парето наделяет тех, кто входит в элиту, незаурядными качествами, которые и обеспечивают ей власть.²⁴

По В. Парето, элита делится на «правлящую» и «неуправляющую». Автор классических в элитологии трудов подчеркивает, что

²³ Пугачев В. С., Соловьев А. И. Введение в политологию. С. 152.

²⁴ Зотов А. О классической теории обновления и циркуляции элит В. Парето: сборник научных трудов. Социология элиты : мировая и российская проекция. С. 24.

те, кто занимают высокие посты, но не обладают «элитными» качествами, случайно попавшие на эти посты, в результате не могут входить в правящую страту: «Для исследования, которым мы занимаемся,—исследования социального равновесия – полезно... разделить этот класс на две части; выделим тех, кто прямо или косвенно играет заметную роль в правлении обществом и составляет правящую элиту; остальные образуют неуправляющую элиту. Итак, мы имеем две страты населения, а именно: 1) низшая страта, неэлита, относительно которой мы пока не выясняем, какую роль она может играть в управлении; 2) высшая страта – элита, делящаяся на две части: (а) правящая элита; (б) неуправляющая элита. На практике не существует экзаменов для определения места каждого индивида в этих стратах; их отсутствие восполняется другими средствами, с помощью своего рода этикеток, которые более или менее достигают данной цели. Подобные этикетки существуют также и там, где есть экзамены. Например, этикетка адвоката обозначает человека, который должен знать закон, и часто действительно его знает, но иногда обладает необходимыми знаниями. Аналогичным образом в правящую элиту входят люди с этикетками о принадлежности к политической службе достаточно высокого уровня, например министры, сенаторы, депутаты, начальники отделов министерств, председатели апелляционных судов, генералы, полковники, однако при этом необходимо исключить тех, кому удалось проникнуть в их ряды, не имея соответствующих полученной этикетке качеств».²⁵ Таким образом, становится понятно, что подход В. Парето к определению настоящей элиты – это ценностный подход.

Сегодня, несмотря на то, что труды В. Парето мало переводятся на русский язык, всем известно, что он цитирует в своих работах такие качества правителей, как качества «лис и львов», но мало кто знает, что более правомерным будет отнести эти характеристики к перу Н. Макиавелли²⁶.

«Излишне говорить, сколь похвальная в государе верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в ко-

²⁵Парето В. Компендиум по общей социологии. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek>

²⁶ Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. С. 52.

нечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй – зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя. Не это ли иносказательно внушают нам античные авторы, повествуя о том, как Ахилла и прочих героев древности отдавали на воспитание кентавру Хирону, дабы они приобщились к его мудрости? Какой иной смысл имеет выбор в наставники получеловека-полузверя, как не тот, что государь должен совместить в себе обе эти природы, ибо одна без другой не имеет достаточной силы? Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана».

Все многообразие правящих элитных группировок В. Парето сводит к двум основным качественным типам: тип спекулянтов и тип рантье, или «львов» и «лис». Спекулянты – люди «обычно возбужденные, готовые к принятию новшеств, готовые к экономическому действию; они любят опасные экономические авантюры и их ищут. При их упорной настойчивости и остром инстинкте комбинаций они преодолевают все препятствия. Их взгляды всегда соответствуют наибольшей выгоде момента». Рантье, напротив, люди в «основном замкнутые, осторожные, неуверенные, избегающие всякой авантюры. Ими весьма легко могут управлять и также легко обирать те, кто умело использует свойственные им инстинкты». То, представители какого типа – спекулянтов или рантье – занимают элитные позиции, определяется потребностями общества в данной исторической ситуации. Результатом циркуляции элит является их динамическое равновесие, необходимое для общественного прогресса.

Следует учитывать, что основоположники теорий элит впоследствии стали относиться к макиавеллистской школе элитологов именно по причине признания за Н. Макиавелли первенства в определении и значимости качеств элит.

Исходный пункт концепции Гаэтано Моски (1858 – 1941) – дихотомия общества, разделение на две противоположные категории: господствующее меньшинство и политически зависимое большинство (массу). «Во всех обществах, начиная с едва приближающихся

к цивилизации и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей – класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым, причем таким способом, который обеспечивает функционирование политического организма», пишет Моска в работе «Правящий класс». Он не просто анализирует правящий класс, вводит и адаптирует новые термины («политический класс»), но подробно исследует специфические качества элиты. Среди важнейших критериев он обнаруживает такое качество, как способность к управлению другими людьми, т. е. организаторская способность. Вторым критерий, выделяющий элиту из остальной части общества, – моральное, интеллектуальное и материальное превосходство. «Как бы то ни было, в дополнение к большому преимуществу – выпавшей на долю правящего меньшинства организованности – оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство; или же они являются наследниками людей, обладающих этими качествами. Другими словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в том обществе, где они живут».²⁷

Конечно, на одной организованности, сплоченности, способностях не строится политический класс, считает Г. Моска, значение имеют и титулы, и связи, и деньги.

Г. Моска одним из первых исследователей указал на то, что обновление политического класса за счет наиболее способных к управлению и активных низших слоев, особенно, если их личные и профессиональные качества отвечают требованиям времени, предотвращает дегенерацию элиты, делает ее более эффективной в руководстве обществом. Причем в расчет берутся не только психологическая склонность одного человека властвовать над другими, не только личные качества и высокий профессионализм в управленческой деятельности, но и наличие характеристик, наиболее подхо-

²⁷ Моска Г. Правящий класс. С. 189.

дящих в определенный исторический период (в военный период требуются одни качества руководителей, в стабильный – другие). Так и сами качества правящего класса проявляются под давлением объективных исторических и политических условий.

Крупный вклад в развитие теории политических элит внес Р. Михельс (1876 – 1936). Главным выводом Михельса стал факт, что демократия, чтобы сохранить себя и достичь стабильности создает организацию, в структуре которой востребована олигархия, которая закономерно воспроизводится. Эти выводы получили название «железного закона олигархических тенденций». Из действия этого закона ясно, что именно качественная сторона олигархической верхушки на первоначальном этапе позволяет ей «выбираться» на определенный уровень, удерживаться на нем и управлять. В первую очередь, это лидерские качества, информированность, образованность, способность технически выполнять работу по организации партийных мероприятий и в конечном счете профессиональность выполнения управленческих задач.

Родившиеся на стыке XIX – XX вв. теории элит сделали элиты объектом целенаправленных научных исследований и доказали неравномерность распределения власти в обществе, соревновательность в рядах отдельных групп, их конкуренцию в борьбе за политическую власть. Эти теории распределились в основном в рамках ценностного подхода: именно качества позволяют одним социальным группам одерживать верх над другими группами.

Анализируя концепции элит Моски, Парето и Михельса, многие ученые даже сегодня берут на вооружение тот факт, что особые качества элиты, связанные с природными дарованиями и воспитанием, проявляются в ее способности к управлению и к борьбе за власть²⁸. Неизбежное разделение на привилегированное властвующее, творческое меньшинство и пассивное, нетворческое большинство, также закономерно и вытекает из естественной природы человека и общества. Стремясь сохранить и передать по наследству свое привилегированное положение, элита все же имеет тенденцию к вырождению, утрате своих выдающихся качеств.

Сторонниками ценностного подхода в обосновании власти элит Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассетом, Н. Бердяевым и другими элита

²⁸ Нарта М. Теория элит и политика. С. 59.

рассматривается как наиболее ценный элемент социальной системы, обладающий высокими способностями и показателями в важнейших сферах государственной деятельности, заботящийся в первую очередь об общем благе. Насколько Н. А. Бердяев ненавидел демократию, настолько он поклонялся аристократии и монархии. «Культура, – писал он, – не есть дело одного человека и одного поколения. Культура существует в нашей крови. Культура – дело расы и расового подбора... «Просветительное» и «революционное» сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт».²⁹

Нельзя не остановиться на ценностной идее французского социолога П. Бурдьё: «Отбор – это тот же выбор» («Sélection est aussi éléction»)³⁰, а также подходе Джованни Сартори, который в книге «Пересматривая теорию демократии» (1987) подробно останавливается на терминах, составляющих группу слов, характерным образом адресующую к вертикальному измерению. Здесь Дж. Сартори оперирует понятиями «стратархия», «селективная полиархия», но несмотря на то, что представляется в науке структуралистом, основателем альтиметрического подхода, он останавливается и на качествах элиты. С сожалением итальянский ученый констатирует тот факт, что термин «элита» оказался лишен ценностного значения именно и только в сфере политики. Его исследования в области элит автоматически переключаются на оценочный уровень, а именно: «выборы» — это не просто выборы кандидата, а «избрание» («élection») и «отбор» («selection»). Очень показательна цитата: «Научному учреждению, чтобы стать научным, требуется «подбирать» свой штат. Предполагается, что «подбор» кандидата на место в академии означает, что выбранный является лучшим. Когда фирма набирает работников, она осуществляет их «отбор», а иначе, ве-

²⁹ Бердяев Н. А. Философия неравенства: письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Л., 1990. С. 113.

³⁰ Bourdieu P. La noblesse d'Etat. P. 140.

роятнее всего, в скором времени выбывает из сферы бизнеса. Неужели же демократическая политика – дело настолько простое или в корне настолько отличное от других происходящих в обществе процессов, что здесь отбор есть нечто излишнее или даже греховное?»³¹ Проводя анализ этих терминов, автор в конечном счете приходит к выводу о том, что демократия должна представлять собой не только *селективную систему* конкурирующих избирательных меньшинств (*селективную полиархию*), но полиархию по основанию достоинств³².

Сложившаяся в 90-х годах прошлого столетия российская школа элитологов заявила о себе со всей серьезностью и подарила мировому научному сообществу такие имена, как О. В. Гаман-Голутвина, А. Понеделков, А. Старостин, О. В. Крыштановская и многие другие. Ученые активно взялись за исследования российской элиты, и нельзя сказать, что ценностный аспект элит остался незамеченным. Известный российский элитолог О. В. Гаман-Голутвина в своей трактовке термина «элита» останавливается на том факте, что в рамках современного социального знания термин «элита» выражает представление о некоем превосходстве людей, охватываемых этим понятием.

И хотя современные элитологи в большинстве своем не ограничиваются идеей о том, что элита – это ценность в себе, безотносительно к ее властным позициям, но ученые почти всегда при анализе политической элиты касаются качественно-ценностного аспекта (навыки публичного политика, убедительность, умение конструктивно взаимодействовать с населением, со СМИ, коммуникабельность, ораторские способности, харизматичность и т. д.). Они не являются, конечно, ключевыми в достижении политического успеха, но играют определяющую роль в привлечении других ресурсов. Важными для современной элиты качествами считаются также склонность к командной игре, компромиссу, профессиональная компетентность, личная лояльность патрону, преданность клану (политическому, экономическому, профессиональному, этническому и др.), готовность «играть по правилам»...

³¹ Сартори Д. Вертикальная демократия. С. 85.

³² Там же. С. 80-89.

Лев Гудков и Борис Дубин считают, что на современном этапе «само содержание понятия «элита» двоится, троится, если не становится совсем неопределенным. Но в это понятие входят и остатки идеальных воззрений на аристократию, задающую образцы социокультурной стратификации, или буржуазию образования (выпускники университетов), предпринимателей, бюрократию как агентов догоняющей модернизации...»³³. В одном из их коллективных трудов «Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» была дана нетрадиционная характеристика элиты с точки зрения ценностного подхода: «Элитой можно считать такую социальную группу, которая, во-первых, обладает некоторым универсальным социально значимым ресурсом – властью, культурным потенциалом (сакральное, затем рационализированное знание, оперирование символическими структурами – «языками» культуры), профессиональным опытом и пр. Во-вторых, элита способна реализовывать этот потенциал для поддержания нормативных образцов, символических структур и опорных социальных «узлов» данной общественной системы. В-третьих, она обеспечивает хранение и «воспроизводство» своего ресурса из поколения в поколение. Это значит, что не всякая группа носителей уникального ресурса (власти, культуры) может выполнять функции элиты в строгом смысле»³⁴.

Некоторые современные российские ученые, критически оценивающие результаты управленческой деятельности, профессиональный уровень и нравственные качества представителей российских правящих кругов, считают неправомерным применять к ним термин «элита»³⁵ и не ставят знак равенства между современной «элитой» и понятием «лучшие». Здесь проявляется **морализаторский подход** – упрощенный вариант ценностного. Морализаторы выделяют «хорошую и плохую» элиты. Так, известный российский социолог Жан Терентьевич Тощенко решительно возражает против того, чтобы руководителей России 90-х называли элитой, его аргументами стали: нельзя элитой назвать людей, чье правление приве-

³³ Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты». С. 73-74.

³⁴ Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования. С. 27.

³⁵ Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. С. 284-292.

ло к драматическому ухудшению жизни населения и сокращению его численности. Элита – не образцы морали, это – одна из наиболее коррумпированных групп российского общества, члены которой думают более о собственном обогащении, чем о благосостоянии народа, преследуют «амбициозные и корыстные цели».

На страницах СМИ очень типичным материалом считаются сообщения о выводе бюджетных средств в офшоры при использовании должностного положения или о получении земельных средств за бесценок. Или о том, как при создании систем внебюджетного финансирования инвестиционных программ в начале 2000-х годов руководство страны, некоторых крупных регионов и Московской области рассчитывали освободить региональные власти от забот на рынке недвижимости, полностью взяв на себя работу по привлечению средств, оформлению всех разрешений, строительству и сдаче объектов в эксплуатацию. В результате многие ведущие государственные и политические чиновники подписывали строительные сметы, завышенные на 50 – 80 %. Школы, детские сады, больницы, стадионы и другие важные для населения сооружения влетали бюджету «в копеечку». А приписанные миллионы и миллиарды рублей оседали на счета дочерних компаний стратегических партнеров национальных и областных программ. Конечно, если представители российской элиты не связывают свое будущее с этой страной, организуют махинации различного рода, то к элите их относить сложно.

Многие ученые, задумываясь о соответствии элиты своему статусу, склоняются к тому, что часто элиты не соответствуют своему уровню, не выполняют своих функций, выступают как «исполняющие обязанности» элиты или «бледные копии» элит, или «очеловеченное воплощение безликой институциональной власти, которая вызывает недовольство граждан»³⁶. В этой связи вполне применим термин «квазиэлита».

В некоторых работах встречается термин **аксиологический подход**, что, в общем-то, не является каким-то обособленным подходом, потому что аксиология (от греческих корней «axia» – «цена», «ценность» и «logos» – «учение») – это учение о ценностях, о природе ценностей. Авторитетные ученые занимаются изучением ценностей элит и общества, а также изучением ценностей, которыми руководствуются элиты в своей деятельности, их интересует при-

³⁶ Танчер В. В. Теории неэлитизма в свете демократической трансформации и украинские реалии. С. 17.

рода моральных принципов элит. Таким образом, этот подход в элитологии систематизирует основные ценности современной эпохи и современных элит. Использование аксиологического подхода при анализе политической элиты позволяет говорить о наличии ценностей, вырабатываемых элитами в определенных исторических и политических ситуациях. Сегодня много говорится о различии тех ценностей, которыми руководствуются представители политической элиты в своей практической деятельности, и тех ценностей, которые декларируются элитой в качестве основополагающих. Второй вид ценностей зачастую является искусственным, поскольку служит легитимации властвующей элиты в глазах общества, поэтому говорить о ценностях элиты можно применительно лишь к тем ценностям, которые могут не афишироваться, но выступать основанием практической деятельности.

По результатам множественных исследований ученых элита имеет некие «сакральные ценности», что ее собственно и отличает от внеэлитных слоев. Это своего рода «несущие конструкции». Но эти ценности претерпевают различного рода изменения, повреждения из-за политического и государственного устройства (республика президентская, парламентская, монархия и т. д.); социальных и экономических трансформаций (элита чувствует себя носительницей традиционных ценностей под защитой государства, слом коммунистической машины принес смену ценностей, в 90-х годах устойчивый традиционный механизм безапелляционности элиты стал разваливаться, что и послужило, наряду с экономическими и демократическими процессами, толчком к смене элиты); из-за авторитарности лидера; из-за социального облика элиты (различные сегменты общества, рабочий класс или интеллигенция, становясь элитой, имеют свои ценности. Каждый социальный класс несет свои корректировки в выработку общих ценностей).

Даже при условии, что политическая элита имеет свои интересы, в своей деятельности она ориентируется на удовлетворение важнейших потребностей общества. В ходе развития в обществе отмирают многие старые потребности и ценностные ориентации и возникают новые. Нельзя утверждать, что потребности инициализируются только самим обществом, зачастую идеи и ценности навязываются элитами, и когда это происходит с изрядной напористо-

стью и обоснованностью, то у них есть шанс со временем превратиться в общенародные ценности. Так, «у советского коммунизма была своя героическая эпоха, под его идеологическое обаяние попадали миллионные массы и блестящие независимые европейские умы, и ему потребовалось 70 лет гниения, чтобы к середине 80-х прийти до полного своего отторжения всей сколь-либо мыслящей частью общества»³⁷. Коммунистические официальные ценности власти прекратили существование в 90-х годах. На смену старым пришли новые ценности. С 1991 года с либерализацией идеологии, экономики и т.д. последовали новые образцы и идеи модернизации общественного сознания, новые демократические ценности.

Итак, сегодня уже можно говорить о нескольких моделях/ вариантах выработки и адаптации ценностей, встречающиеся в политической практике:

1. Элиты вырабатывают ценности с опорой на политическую культуру и *распространяют* (пропагандируют) их, народ поддерживает их и руководствуется ими.

2. Элиты вырабатывают и *навязывают* ценности, народ в страхе поддерживает их, затем привыкает.

3. Элиты *«примеряют»* различные ценностные ориентации в соответствии с желаниями авторитарного руководителя (считается, что в данный момент времени именно эта модель является ведущей).

4. Элиты *декларируют* одни ценности, но на практике *пользуются* другими.

В политической практике встречаются все модели, совершенно очевидно одно – элиты выступают в роли дирижера оркестра, когда речь идет о выработке ценностей.

В политологической литературе можно встретить понятие **меритократический подход** (от лат. Meritus – достойный и греч. kratos – власть), что подразумевает основанную на заслугах власть достойных людей и берет свое начало в трудах В. Парето. Однако само понятие было введено английским мыслителем Майклом Янгом (труд «Возвышение меритократии: 1870 – 2033» (1958)) как негативная противоположность «аристократии» и «демократии». Позже

³⁷ Пионтковский А. Либеральный кукиш. – Режим доступа: www.grani.ru.

неоконсерваторы (Д. Белл, З. Бжезинский и др.) придали этому понятию позитивное содержание, определив его как власть «новой интеллектуальной элиты». Согласно Д. Беллу, современное общество основано на «принципе достижения», суть которого заключается в потенциальной возможности каждого достигнуть власти только благодаря личным способностям и достоинствам. Под достоинством обычно подразумеваются некие академические достижения в сочетании с талантом, образованностью.

Меритократическая форма правления предпочтительнее, чем плутократия, при которой богатство определяет статус. Или геронтократия, когда возраст продвигает человека к вершинам власти. Или даже аристократия, где основное значение придается унаследованным титулам и имуществу. Но при ближайшем рассмотрении не все так просто. Для многих Франция долгое время была воплощением меритократии, благодаря образованию, высшему корпусу и т. д. Однако французская элита сегодня все больше находится под подозрением и даже подвергается поношениям со стороны определенной части населения. Причина: подверженность французской элиты коррупции. Меритократически отобранная бюрократия Японии также подвергается критике со стороны общественности. Правительство Великобритании, находящееся на пороге третьего срока пребывания у власти, неоднократно повторяло, что хотело бы, чтобы страна стала «меритократическим обществом». Тем не менее именно британский социолог М. Янг около 50 лет назад написал, вызвавшую множество дебатов, книгу под названием «Подъем меритократии». Два основных вопроса, поднятых Янгом, остаются актуальными и сегодня. Во-первых, если академические достижения являются пропуском к власти и статусу, что тогда делать остальным? Что делать тем, кто не может получить университетское образование? Они, утверждал Янг, приговорены к низкооплачиваемой работе без надежды на высокое положение, удовлетворительную ответственную должность, не говоря уже о политической карьере. Новый низший класс – обратная сторона меритократической элиты. Сегодня меритократия кажется еще одной версией неравенства, характерного для любого общества, в котором власть имущие не дают им пробиться наверх и никакие усилия не помогут. Сюда добавляется еще одна черта, описанная Янгом: меритократия

означает только то, что еще одна правящая группа по достижении своего статуса закрывает за собой двери. Те, кто достиг успеха собственными усилиями, хотят иметь и все остальное — не только власть и деньги, но и возможность определять, кто получит доступ в высшие круги, а кто останется за бортом.

Рано или поздно меритократические элиты перестают быть открытыми, стремясь обеспечить своим детям лучшие шансы. Как и все другие элиты до них, они стараются укрепить свои позиции и использовать все доступные средства, чтобы сохранить политическую систему и место в ней для себя.

Таким образом, ценностный подход к пониманию элиты является важным, но менее продуктивным в настоящее время, чем функциональный подход. Один меритократический критерий считается чрезмерно односторонним. Но в то же время ученые А. Понеделков, А. Старостин, В. Ледяев отмечают, что, если останавливаться подробно на ценностной стороне элиты, то это навязывает политологии иные (идеологические, этические) аналитические и оценочные подходы, существенно снижая ее собственный потенциал и возможности анализа.³⁸ Поэтому при изучении политических элит, как показывает зарубежный и российский опыт последних лет, лучше всего *дополнять* властный (позиционный) подход меритократическим (репутационным) и иными аспектами изучения элит.

Для **структурно-функционального подхода** типично выделение в качестве главного признака элиты ее социального статуса в системе властных структур. Сторонниками этого подхода по праву считаются американские ученые Р. Миллс, Ф. Хантер, Г. Лассуэлл, С. Липсет, С. Келлер и другие. Российские ученые практически все работают в русле этого подхода. По их общему мнению, по результатам исследований в состав элиты входят индивиды, обладающие высоким социальным положением в обществе в силу того, что они занимают ключевые командные позиции в важнейших институтах и организациях общества (экономических, политических, военных). Т. е. они осуществляют наиболее важные управленческие функции в обществе, оказывающие определяющее влияние на выработку и

³⁸ Старостин А., Понеделков А. Современные российские элиты: особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти. Режим доступа: <http://www.polit.ru>.

принятие важнейших для общества решений. Поэтому в названии подхода фигурируют понятия «структура» и «функция».

Структурно-функциональные теории различаются мало, по-разному расставляются лишь акценты. Позиция Чарльза Райта Миллса считается специфичной за счет того, что, признавая деление общества (в первую очередь, речь идет об американском обществе) на элиту и массу, он обличает элитарность политической системы. Миллс различает властвующую политическую, военную и экономическую элиты, уверен в их взаимосвязи и устойчивости. **Институциональный подход** Миллса абсолютизирует формальный механизм власти. В частности, американский исследователь настаивает, что три важнейших института Америки пятидесятых годов прошлого столетия стали в элитное положение по отношению ко всему обществу и вершат американскую и частично мировую историю. Речь идет об экономических корпорациях, т. е. «богачах из мира корпораций» «военной знати» и «политическом директорате». Представителей этих институтов исследователь объединяет во властвующую элиту или элитный триумвират*.

Автор **альтиметрического** подхода Дж. Сартори располагает элиту наверху общественной иерархии. Крылатым стало его высказывание: «Кто наверху, тот и властвует, власть возносит наверх, а обладающий властью потому и обладает ею, что находится наверху»³⁹. Дж. Сартори осознает также, что альтиметрическая характеристика элиты страдает недостатком «семантического свойства, искажая самый смысл первоначального понятия элиты». Поэтому настаивает на разграничении терминов «властное меньшинство» (альтиметрический критерий элиты) и «элитное меньшинство»⁴⁰ (меритократический критерий).

Альтиметрического критерия придерживается профессор Мичиганского университета С. Элдерсфельд⁴¹. Его элита также много-

* Триумвират - от лат. tres – «три» и vir – «муж», что в Древнем Риме в период гражданских войн I в. до н. э. означало союз влиятельных политических деятелей и полководцев с целью захвата государственной власти. Первый триумвират в 60 (или 59) – 53 г. до н. э. между Ю. Цезарем, Г. Помпеем и М. Крассом; 2-й – в 43-46 г. до н. э. между Октавианом (Августом), М. Антонием и М. Лепидом.

³⁹ Сартори Д. Вертикальная демократия // Полис, 1993. №2. С. 81.

⁴⁰ Элита: история термина. – Режим доступа: <http://www.elitarium.ru>

⁴¹ Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократия. М.: ИНИОН, 1992. С. 3.

уровневая, дифференцированная. Он причисляет к элите не только лидеров, принадлежащих к высшему эшелону власти, но и тех политиков, которые пользуются влиянием в пределах штата, округа, активистов партий, деятелей местного масштаба. Большое значение придавал С. Элдерсфельд сравнительным исследованиям элит, однако, по его мнению, «некоторые теории демократического элитизма позволяют представить работающие модели политических элит, но особенности каждой страны слишком велики, а процессы слишком сложны для того, чтобы можно было однозначно делать какие-либо общие выводы»⁴².

С. Келлер анализирует властные функции элиты, независимо от того, успешно или безуспешно выполняются эти функции, отвлекаясь от качеств их носителей, то есть, по существу, воспроизводит в несколько модернизированном виде функциональную трактовку элиты как меньшинства, осуществляющего наиболее важные функции в обществе, имеющего наибольший вес и влияние.

Г. Лассуэлл, представитель американской школы социологов, считает, что основную роль в разработке и принятии политических решений играет интеллектуальное знание. Поэтому к политической элите он относит тех, кто обладает этим знанием и имеет наибольший престиж и статус в обществе. Суть концепции Г. Лассуэлла заключена в выведенной им универсальной формуле социального процесса: «Человек стремится к Благам через Институты при помощи Ресурсов»⁴³. Лассуэлл выделяет восемь таких благ: власть, знание, богатство, здоровье, умение, привязанность, уважение и моральность. Эти блага распределяются через институты: власть сконцентрирована в правительстве, здоровье – в здравоохранительных учреждениях, богатство – в бизнесе и т. д. Но элита, по Лассуэллу, и есть те люди, которые обладают благами в наибольшей степени. Элита воров или элита шахматистов – это элита умения: личности, имеющие духовный авторитет, – элита моральности. Эти группы пересекаются, конкретный индивид может одновременно входить в несколько групп, что ставит его в элитное положение.

⁴² Там же.

⁴³ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 30.

Авторы «Иронии демократии», американские ученые Т. Дай и Х. Зиглер доказывают, что представители элит резко отличаются от масс и по своему прошлому, и по мировоззрению: элиты рекрутируются из высших слоев общества, которые контролируют непропорционально большую долю «социальных» институтов (к ним они относят промышленность, торговлю, финансы, образование, военный комплекс, средства массовой информации, правовую систему и т. д.). Высокие посты в основных институтах американского общества являются источником власти. Хотя не вся власть держится на данных институтах и осуществляется через них. В книге «Кто управляет Америкой?» те же авторы объясняют, что в элиту входят индивиды, занимающие высшие позиции в институциональной структуре США. Именно сильное федеральное правительство, правомочное осуществлять власть непосредственно над народом, способно «установить справедливость, гарантировать порядок внутри страны, обеспечить оборону, позаботиться об общем благополучии и сохранить благословенную свободу»⁴⁴.

В последнее время наблюдается неинституциональный поворот в ряде политических, экономических, социальных наук. Это связано с глобальными изменениями политических, экономических, социальных реалий. Таким образом, **неинституциональный подход** основывается на идее освоения, критического пересмотра и мобилизации ресурсов классических и современных теорий, позволяющих объяснить взаимодействие акторов, ценностей и институтов в процессе возникновения новых регулятивных норм и институтов в современном мире. Так, процессы приватизации и последующие попытки деприватизации в российской экономике породили новый взгляд на экономику, множественные политические структуры, ранее неизвестные российскому населению, функционируют на новом политическом пространстве и требуют научной адаптации, современный политический режим в России признается и не «суперпрезидентским» и не «допарламентским» и т. д. Следовательно, и элиты вовлечены в современные конфигурации политической власти.

Таким образом, неинституциональный подход, развившийся в последние два десятилетия во многих науках об обществе, спосо-

⁴⁴ Дай Т. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. С. 65.

бен раскрыть сравнительный и критический потенциал для практических эмпирических исследований в области элит. Ведь концептуально новые политические институты несут целый комплекс новых элитных позиций, ролей, норм и ценностей, и неoinституциональный анализ в исследовании элит не просто описывает институты, а анализирует неформальные стороны политических институтов и результаты их деятельности, поведение политических субъектов, выявляет особенности эволюции современных элит, их рекрутирования и т. д.

Итак, по канонам структурно-функциональных концепций, во главе общества стоит политическая элита. Элита в пирамидальной структуре политического общества занимает высшие этажи, обладает правом принятия решений и выполняет важнейшую функцию управления и выработки стратегического курса развития общества.

1.5. Функции политических элит

Главным условием эффективной деятельности политической элиты является выполнение ее основного предназначения, что проявляется в выполнении ее функций. Ключевыми являются «социокультурные функции» (символическая, интегративная) и «функция целеполагания»⁴⁵, а в более конкретном варианте это:

- выработка политического курса;
- принятие решений и контроль за их реализацией;
- манипулирование общественным мнением, что обеспечивает требуемый уровень легитимности элиты;
- продуцирование политических ценностей, формируя различные идеологии, мифы или социальные проекты;
- мобилизация граждан;
- осуществление управления с эффективным использованием разнообразных инструментов власти в зависимости от изменяющейся обстановки и другие.

В конечном счете от качества выполнения функций политическими элитами зависит их легитимность на уровне государства и международного сообщества.

⁴⁵ Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема элиты в современной России. С. 35.

На современном этапе развития человечество находится в состоянии разностороннего кризиса, спровоцированного кризисом в экономической сфере, и многие политические системы в силу целого ряда причин демонстрируют повышенную конфликтность, неуравновешенность: банкротство предприятий, невыплаты зарплат и увольнения тысяч людей, обширная безработица и вынужденная поддержка этих слоев государственными пособиями, инфляция, неустойчивость валют, недоверие политическим властям и т. д. В периоды столь высокого динамизма политических процессов и должны включаться политические элиты, ведь в их компетенции снять остроту, сложность и масштабность кризисного положения через его своевременное и результативное регулирование.

Мощнейший экономический кризис, охвативший мировую экономику в 2008-2009 гг., разразился вследствие кризиса в августе 2007 года в США на рынке ипотечного кредитования, подорвал стабильность банковской системы, стройиндустрии и ее смежников во многих государствах. В том числе и в России.

Первые сигналы о неблагополучии в России: кризис ликвидности на мировых финансовых рынках не позволил перекредитоваться многим российским компаниям и банкам, успевшим за годы благополучия назанимать за рубежом сотни миллиардов долларов на собственное развитие, цены на нефть со 147 долл. за баррель снизились до 40 долларов за баррель, прогорели на биржевых спекуляциях ряд крупных инвесткомпаний и в межбанковских расчетах возникла пирамида неплатежей, парализовавшая весь банковский рынок. Банки перестали кого-либо кредитовать, а если и выдавали кредиты, то под высокие проценты, что делало нерентабельным какой-либо бизнес. Далее кризис из банковского сектора перешел на промышленность, резко сократились заказы и выросли неплатежи, что усугубило проблемы набравших кредиты олигархов и предприятий. Чтобы не допустить распродажи иностранцам заложенных ими стратегических активов, государство было вынуждено объявить о выделении 50 млрд. долл. из резервов.

По оценке экспертов Всемирного банка, в результате падения фондового рынка с 19 мая по 7 ноября 2008 года богатство в России сократилось примерно на 1 трлн. долл., или примерно на 84 % российского ВВП за 2007 год. Из-за обрушения биржевых индексов богатство состоятельных россиян сократилось на 300 млрд. долл. Вдвое больше потеряли нефтегазовые госкомпании и смежные отрасли. Численность безработных стремительно увеличилась до 4 млн. человек в середине 2008 года.

В кризисе оказываются и сами элиты. Они неоднозначно реагируют на происходящее, одни умело используют политический маркетинг и менеджмент для проталкивания на политический рынок

своих идей, другие занимают позицию пассивного выжидания и использование властных полномочий для извлечения личной корыстной выгоды, в то время, когда общество ждет разъяснений, определения плана по выходу из кризиса, моральной и эмоциональной поддержки. А в политическом поле идет ожесточенная борьба за монополию применения инструментов власти, ее ресурсов, политические элиты сталкиваются в их взаимном стремлении реализовать свои интересы и цели, связанные прежде всего с достижением или перераспределением власти, повышением политического статуса, используя для этого различные политические технологии и бюрократические приемы, в том числе, например, выдвигают ложные выводы под видом разумного объяснения необходимости чего-то, вступают в сговор между собой и с чиновниками, организуют акты моральной дискредитации политических противников, выдвигают такие условия, которые противоречат даже конституциям.

Складывающийся в кризисные моменты баланс элитных групп и политических сил получает несколько вариантов функционального поведения:

1) ничего не делать, т.е. пустить все на самотек, найти отговорки, «свалить» все на кризис и ждать новый виток событий;

2) объединиться с оппозицией и заняться выведением общества из кризиса или хотя бы смягчением его последствий, не забывая об интересах средних и малоимущих слоев населения;

3) не объединяться с оппозицией и использовать момент для повышения своего авторитета в глазах населения с последующей легитимацией элитного положения.

И второй, и третий варианты вполне подходят для общества, потому что, элита стремится к повышению своего авторитета, для этого она еще более качественно, чем до кризиса, выполняет свои функции. И первое, с чего она начинает, это:

а) обновление системы ценностей (само общество оказывается ведомым);

б) всю энергию направляет на стабилизацию экономических, политических и социальных институтов.

Как бы помпезно это ни звучало, но многие сущностные функции в периоды кризисов берет на себя политическая элита. И объем этих функций в период кризисов автоматически расширяется.

1. Кадровая трансформация. Кризис часто требует новые кадровые вливания для усиления блока компетентных специалистов и даже дополнительных институтов. Ответственность за рекрутирование несет политическая элита.

В 2000 г. от В. В. Путина ждали серьезных изменений в кадровой политике и трансформации системы управления государством. В результате: «питерская волна» ельцинистов потеснила екатеринбургский клан номенклатуры, приток военных в управлении страной, «реформа Козака», построение «вертикали власти», институт полпредства, медведевская «сотня» и т.д. Пока в науке исследуются изменения в кадровой политике в контексте трансформации системы управления в России, в политическую реальность «вторгается» экономический кризис с необходимостью вносить новые поправки в кадровый состав.

2. Пересмотр политического курса. Кризисные условия превращают политические институты в арену столкновений конкурирующих между собой элитных группировок. Оппозиционные политические партии и движения способны активизироваться, воспользоваться ситуацией, чтобы перехватить власть, что при любом раскладе не играет на руку населению, лишь подрывает их идейную несбалансированность. Здесь важны грамотные политические маневры: от намеренного разворачивания национальных проектов, направленных на интеграцию общества, до отвлечения общества от политических проблем и задабривания экономическими льготами, налоговыми послаблениями и т. п.

Поворот к новой демократической государственности в России 90-х годов ознаменовал новый демократический курс со всеми присущими демократии ценностями и идеалами. Российские граждане, привыкшие к тому, что много лет коммунистические ценности стояли на стороне трудового человека, не сразу сообразили, что с переходом к демократии каждая политическая сила по-своему борется за политическое господство и трактует идеалы и ценности демократии. В результате в российской политике демократия утвердилась фактически только на уровне процедур, но большинство участников российского политического процесса сразу поняли, что ответственность за всю демократию в стране несут элиты. Все как-то разом согласились, что высшее руководство само организует весь российский быт, расписывает принципы политического устройства и все решает само. С одной стороны, такое положение дел частично можно списать на патриархальную культуру, с другой – в данном раскладе фактически подтверждаются идеи неоэлитизма, прописанные в начале восьмидесятых американскими политологами: ответственность за сохранение демократии возлага-

ется на плечи элит. «Элиты манипулируют настроениями масс гораздо чаще, чем настроения масс влияют на ценности элит. Связь между элитами и массами осуществляется в основном сверху вниз. Правительственная политика в редких случаях определяется массами при помощи выборов или выдвижения политическими партиями альтернативных курсов. Чаще всего эти «демократические» институты — выборы и партии — имеют лишь символическую ценность: они помогают связывать массы с политической системой, предлагая им сыграть свою роль в день выборов, а также с той политической партией, с которой они могут себя отождествлять»⁴⁶.

3. Пересмотр законодательных документов. В кризис в странах обостряется несовершенство конституционных законодательств, общество раздражает часто меняющийся вектор деятельности то в налогообложении, то в трудовом, то в пенсионном законодательстве. За этим следуют поправки к законам «Об образовании», «О политических партиях» и т. д. Со стороны населения в целом и со стороны экономических корпораций развивается правовой нигилизм: нежелание выполнять законы. Учащаются случаи ухода от налогов, выплат по кредитам, под предлогом несовершенства законов и всеобщего экономического кризиса. Элиты берут на себя функции по урегулированию вопросов с банками, предпринимателями, юридическими кампаниями и т. п., а также максимально совершенствуют законодательные базы.

4. Обновление отношений со всеми гражданскими слоями. Эта функция в стабильный период находится на втором месте, но в кризис выходит на первый план: речь о расширенной коммуникации политических элит с гражданским обществом. В стабильный период элиты занимаются стратегией развития, тактические ходы разрабатывают политические партии, движения, органы местного самоуправления и т. д. Традиционно обыватели почти всех стран мира в политических недоразумениях обвиняют свои правительства: «Более чем половина современных французов... на протяжении десятков лет испытывают чувство, что каким бы ни было государственное руководство, именно оно исполняет плохо свои обязанности и ответственно за деградацию общего качества жизни»⁴⁷. Осо-

⁴⁶ Дай Т. Демократия для элиты. С. 38.

⁴⁷ Messadié G. Jurassic France. Paris: l'Archipel, 2009. P. 14.

бенно в кризисных условиях требуется значительное обновление отношений со всеми гражданскими слоями с целью не потерять политическое влияние и улучшить политический климат.

5. Консолидация различных уровней. В условиях финансово-экономического кризиса 2008 – 2009 гг. элиты на фоне всей властной вертикали ощущают проверку на прочность и эффективность. Усложняющаяся финансовая ситуация заставляет искать новые подходы во взаимоотношениях между элитными уровнями. Как пишет А. Чирикова, в докризисный период «Центр, используя «нефтяные деньги», фактически занимался тем, что выкупал у регионов реформы и даже спускаемые вниз по вертикали распоряжения. Теперь, когда денег у Центра с каждым днем становится все меньше, подобная стратегия уже нереализуема в полном объеме»⁴⁸. Происходит острое осознание взаимозависимости, различные уровни элиты понимают необходимость усиленной консолидации. Поискам оптимальных моделей взаимодействия федеральной и региональных элит в России посвящены исследования А. Чириковой, Н. Лапиной, Р. Туровского, В. Мохова и др.

6. Особая связь экономических и политических элит. В кризис особенно часто проявляется сращивание власти и собственности. В этих условиях к функциям элит прибавляется «взвешенный государственный контроль»⁴⁹ над процессами перераспределения собственности, потому что полное самоустранение государства из этой сферы приводит к ее неконтролируемой дезорганизации и криминализации.

История России 90-х демонстрирует сращивание власти с собственностью: новорожденные олигархи управляли и политическими структурами. «Самым амбициозным из них был Борис Березовский.... Он сколотил состояние, воспользовавшись хаосом, в котором оказалась Россия при быстром переходе от советского социализма к рыночному капитализму. В свои пятьдесят два года он был неутомим. Последний разработанный им план заключался в смещении действующего премьер-министра России В. Черномырдина и замене его кем-нибудь другим, желательно таким, чтобы прислушивал-

⁴⁸ Чирикова А. Региональные элиты России. С. 168.

⁴⁹ Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Теневой образ жизни (социологический автопортрет постсоветского общества). С. 129-132; Крыштановская О. В. Нелегальные структуры в России. С. 94-106.

ся к мнению олигархов. Березовский понимал, что это очень важное решение: премьер-министр был вторым человеком в государстве.... Березовский и другие магнаты начали всерьез говорить о создании «корпоративного правительства». Они станут теневым советом директоров». ⁵⁰ Подобные проекты экономических элит заполнили Россию, что породило ряд разнообразных конфликтов в отношениях между государством и институтом частной собственности. С одной стороны, государство воздействует на отношения собственности и экономические процессы, правда, не всегда строго в правовой форме. С другой стороны, государство практически снимает с себя ответственность за экономическое развитие и состояние социальной сферы.

Рекомендуемая литература

1. Ашин, Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. – М., 1995. – 255 с.
2. Ашин, Г. К. Основы политической элитологии: учеб. пособие / Г. К. Ашин, А. В. Понеделков, В. Г. Игнатов, А. М. Старостин. – М.: ПРИОР, 1999. – 304 с.
3. Ашин, Г. К. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий: учеб. пособие для вузов / Г. К. Ашин, Э. Д. Лозанский, С. А. Кравченко; Моск. гос. ин-т межд. отн. МИД РФ (МГИМО-Университет). – М.: Экзамен, 2001. – 608 с.
4. Гаман-Голутвина, О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
5. Гудков, Л. Проблема элиты в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования / Л. Гудков, Б. Дубин, Ю. Левада. – М.: Либеральная миссия, 2007. – 372 с.
6. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
7. Гельман, В. Региональные режимы: завершение трансформации / В. Гельман // Свободная мысль, 1996. – № 9. – С.13-22.
8. Гельман, В. Федеральная политика и местное самоуправление / В. Гельман // Власть, 1997. – № 9. – С. 73-80.
9. Гельман, В. Консолидация региональных элит и местная демократия в России: Санкт-Петербург в сравнительной перспективе. В С. Кугель (ред.). Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты / В. Гельман. – СПб: издательство СПбУЭФ, 1998. – С. 74-85.
10. Дука, А. В. Проблемы институционализации российской политико-административной элиты: экономический и глобальный аспекты //

⁵⁰ Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. С. 16.

Власть и элиты в современной России: сб. научных статей / под ред. А. В. Дуки. – СПб: Социологическое об-во им. М. М. Ковалевского, 2003. – С. 162-186.

11. Дай, Т. Демократия для элиты. Введение в американскую политику / Р. Томас Дай, Л. Хармон Зиглер. – М.: Юридическая литература, 1984. – 320 с.
12. Белановский, С. А. Свободное интервью как метод социологического исследования / С. А. Белановский // Социология. – М., 1991. – № 2. – С. 5-19.
13. Белановский, С. А. Сравнительный анализ свободного и формализованного интервью в социально-экономических исследованиях / С. А. Белановский // Сравнительный анализ и методика социологических исследований. – М., 1989.
14. Кайтуков, В. М. Эволюция диктата. Опыт психофизиологии истории / В. М. Кайтуков. – М.: [Б.И.:Б.Г.]. – 415 с.
15. Карабущенко, П. Л. Антропологическая элитология / П. Л. Карабущенко. – Москва; Астрахань: Изд-во МОСУ, 1999. – 188 с.
16. Карабущенко, П. Л. Триады политического сознания: массы – элиты – лидеры / П. Л. Карабущенко. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. – 507 с.
17. Карабущенко П. Л. Психологические теории элит / П. Л. Карабущенко, Н. Б. Карабущенко. – М.: Памятники исторической мысли, 2006. – 448 с.
18. Клямкин, И. М. Теневой образ жизни (социологический автопортрет постсоветского общества) / И. М. Клямкин, Л. М. Тимофеев // Политические исследования, 2000. – № 5. – С. 121-132.
19. Куколев, И. Российские политические элиты в переходный период / И. Куколев // На путях политической трансформации: политические партии и политические элиты постсоветско периода. Ч. 2: Политические элиты. – М.: Моск. обществ. научный фонд, 1997. – С. 8-14.
20. Маслова, О. М. Мир интервьюера / О. М. Маслова // Социология: методология, методы, математические модели. – № 12. – 2000. – С. 40-64.
21. Микульский, К.И. Семь мифов о российской бизнес-элите: исследование менталитета российского предпринимательства / К. И. Микульский, Л. В. Бабаева, А. Е. Чирикова // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. – № 10-11. – С. 116-123.
22. Моска, Г. Правящий класс / Г. Москва // Социологические исследования, 1994. – № 10. – С. 187-198.
23. Мохов, В. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит / В. Мохов. – Пермь, 2000. – 204 с.
24. Охотский, Е. В. Политическая элита; сущность, структура, проблемы становления / Е. В. Охотский. – М.: Луч, 1995. – 344 с.
25. Погосян, Г. Интервьюер как источник экспертной информации / Г. Погосян // Социологические исследования, 1981. – № 4. – С. 158.

26. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сборник учеб. материалов / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М.: Весь Мир, 2001. – 302 с.
27. Понеделков, А. В. Элита: (политико-административная элита: проблемы методологии социологии, культуры) / А. В. Понеделников. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1995. – 340 с.
28. Ривера, Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ / Ш. Ривера // Полис. – 1995. – № 6. – С. 61-66.
29. Сартори, Дж. Вертикальная демократия / Дж. Сартори // Полис. – 1993. – № 2. – С. 80-89.
30. Сергеев, С. Консолидация региональной элиты и деинституционализация оппозиции / С. Сергеев // Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». Москва, 20-22 ноября 2009. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. – С. 377-378.
31. Чирикова, А. Региональные элиты России: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 270 с.
32. Якунин, В. И. Инварианты политики: некоторые цивилизационные аспекты / В. И. Якунин // Тезисы докладов. V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». Москва, 20-22 ноября 2009. – М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. – 544 с.

Глава 2. Структурные элементы политической элиты

2.1. Элита/ субэлиты

Естественно, что столь значимый субъект политического процесса, как политическая элита имеет сложную структуру и внутренне дифференцирован. Для обозначения правящего слоя элиты в англоязычной научной литературе применяются три термина: *ruling class* (правящий), *power class* (властвующий), *governing class* (управляющий), из чего следует, что высшая элита – это приоритетная сила, которая задействована в принятии государственных и политических решений и управляет обществом. Все остальные элиты имеют лишь статус субэлит. Когда термин «элиты» употребляется во множественном числе, речь не всегда идет о противоборствующих элитах, а об элементах правящей элиты или о субэлитах. Так, в центре политической элиты находятся профессиональные

политические деятели (руководители институтов исполнительной и законодательной власти, партийные лидеры и их советники), они опираются на ключевые фигуры из различных субэлитных групп, которые реализуют интересы элитистской верхушки.

Когда речь идет о структуре политической элиты, О. Гаман-Голутвина, например, в зависимости от институционализации политического влияния на принятие решений, выделяет такие элитные сегменты, как бюрократы (профессионалы) и вольные стрелки (свободные художники). А О. В. Крыштановская выделяет бюрократию (иерархию должностей), электократию (ее инкорпорация в политический класс происходит выборным путем) и легислократию (избранные официальные лица, бюрократизирующиеся во времени).

В структуре политической элиты наблюдается несколько уровней в зависимости от того, насколько они приоритетны во власти, какого рода компетенции они выполняют, чьи интересы выражают и каковы результаты их деятельности. Понятно, что правящая элита находится в постоянном взаимодействии со многими уровнями и именно это взаимодействие, влияние и доступ к ресурсам практически всех субэлит ставит ее на высшую ступень политической иерархии.

В схеме «Структура политической элиты. Субэлиты» представлена общая картина структурных сегментов элиты, которые могут быть задействованы в государственном и мировом политическом процессе одновременно или поочередно. У разных исследователей взгляд на структурный вид и соотношение элит не совпадает полностью. Изучая тот или иной уровень элит, углубляясь в детали, используя для каждого объекта свои методы исследования, ученые продолжают делать открытия, описывая ситуации, каждой из которых соответствует свой баланс субэлитных сил.

Следует добавить, что кроме обозначенных на схеме иерархий на действия правящей политической элиты оказывают влияние и другие функциональные группы, которые могут взаимодействовать между собой, сильно или слабо контролировать законодательную и исполнительную ветви власти, иметь при этом различные интересы и направления деятельности. Они получили название «групп-вето». От них иногда зависит окончательное принятие решений, под вето-

группами понимают внутриэлитные образования, которые в силу своих функциональных обязанностей сталкиваются с различными сферами жизнедеятельности в обществе и разрешают или запрещают какой-либо процесс. Это различные группы интересов (Ш. Линдблом, Д. Рисмен), кланы около публичных политиков, чиновники (О. В. Крыштановская), клиентелы или минипирамиды (М. Афанасьев), группы экономической поддержки, частные армии и т. д.

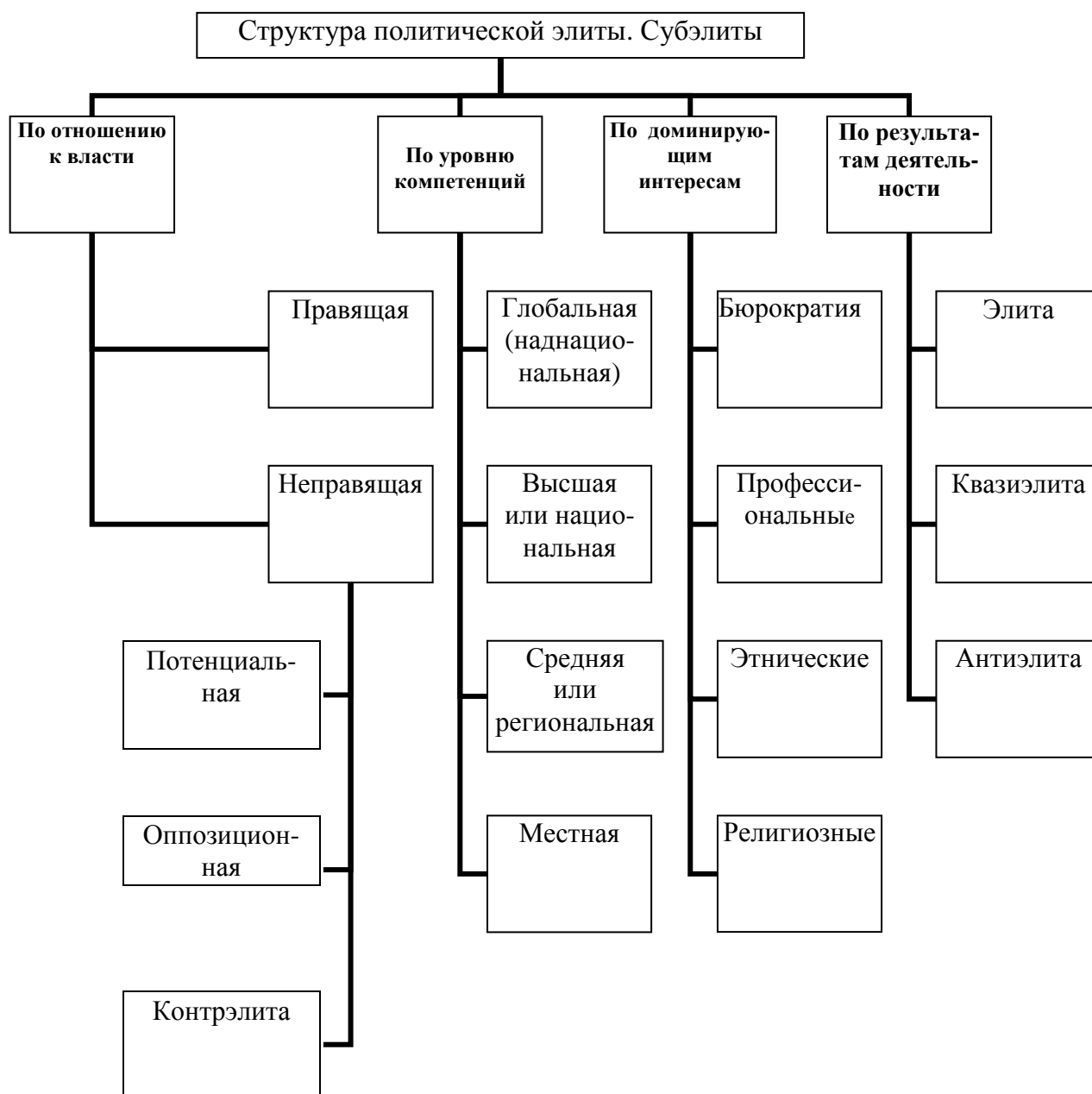

Схема 2. Структура политической элиты. Субэлиты

В России начала 90-х годов одним из самых могущественных был клан А. Чубайса, политика, занимающего в разные годы высшие государственные должности от вице-преьера правительства до руководителя президентской администрации. Начало команды Чубайса положила так называемая Санкт-Петербургская группа, состоявшая из самого А. Чубайса и его земляков С. Беляева и Д. Васильева. Эта группа начала формироваться в Госкомимущество, ключевом ведомстве начала 90-х гг., ведающем приватизацией. После отставки Чубайса с поста руководителя ГКИ началось преобразование петербургской группы в элитный клан, который вбирал в себя новых коллег Чубайса по работе в избирательном штабе Б. Ельцина на выборах 1996 г., в правительстве, где Чубайс занял пост первого вице-преьера, и администрации президента, которую он возглавлял в 1996-1997 гг. По мере карьерного перемещения Чубайс использовал малейшую возможность для того, чтобы перевести в подведомственную ему структуру как можно больше своих людей. Круг своих людей расширялся. Президент В. Путин в тот период также был членом клана Чубайса, занимая различные посты в администрации президента. Чубайс обзавелся дружескими контактами и среди финансовой олигархии, которая именно ему обязана назначениями на государственные посты В. Потанина и Б. Березовского. Чубайс имел поддержку высших политических кругов США, которые способствовали развитию карьеры членов его команды. Так, за несколько лет небольшая группа молодых и образованных реформаторов во главе со своим лидером А. Чубайсом превратилась в наиболее могущественный элитный клан страны.

В схеме не отражена, но имеет значение для политического процесса, так называемая «вторая власть». Как пишет французский политолог, исследователь политических партий М. Дюверже, «историки всегда находят в тени скипетра и короны абсолютных монархов людей и институты, которые на деле являются хозяевами дворцов: преторианская гвардия, премьер-министр, фавориты или фаворитки. В любых социальных образованиях (и не только государственных) за официальными пурпурными мантиями можно отыскать «серых кардиналов» - тех, кто дергает шнурки марионеток, действующих на сцене»¹. Эти «суфлеры» не избираются, не назначаются, не завоевывают власть сами, не наследуют ее. Это некая секретная система, позволяющая одним быть официальными представителями элиты, но в действительности иметь ограниченное решающее слово и дающая другим возможность руководить «из-под полы», быть завуалированными правителями. Тот факт, что одни находят-

¹ Дюверже М. Политические партии. С. 194.

ся на политической сцене, но являются «мнимыми», а их «советчики» - самыми реальными, в современной политической науке исследуется со стороны политических клиентел, бюрократии, экономических олигархий, «теневигов» разного формата и проч. Речь идет о реальных элитных структурных единицах, которые носят неформально-личностный характер отношений с официальными элитами в области взаимных интересов (как известно, теневой бизнес нуждается в теневой политике, являющейся инструментом в конкурентной борьбе, а теневая политика нуждается в теневом бизнесе как в финансовом гаранте стабильности).

В России этот аспект изучается М. Афанасьевым, С. Барсуковой, В. Звягинцевым, Р. Туровским и многими другими исследователями. При анализе основных причин теневилизации А. Понеделков и А. Старостин указывают на то, что ее развитие в современном российском обществе связано с влиянием таких факторов, как: 1) действия ресурсоемких социальных субъектов, заинтересованных в таком положении дел; 2) переходное состояние общества, сопровождаемое социальной аномией; 3) некритическое и механическое заимствование чужих социальных моделей властных взаимоотношений; 4) традиционно низкий для россиян уровень доверия государству и несформированность традиций публичной власти².

Считается, что в период постсоветских реформ особенно значительно (более чем вдвое) сократились масштабы легальной экономики, выросла теневая и неформальная экономика. По понятным причинам теневые влиятельные группы и лидеры испытывают желание легализовать свое влияние и занять властные позиции в органах политической и государственной власти. Не все, конечно, «теневики» могут быть отнесены к сфере организованного криминала. Но в результате принимаемые этими группами решения реализуют скрытые интересы, зачастую значительно удаленные от общенациональных интересов и даже противоречащие им. Эта мощная и одновременно таинственная элитарная группировка в структуре политической элиты действительно представляет собой неформальное объединение «политиков», оказывающих решающее влия-

² Понеделков А., Старостин А. Современные российские элиты. Особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти. Режим доступа: www.inion.ru.

ние на принятие решений. Подобная «анонимному сообществу» группа может включать и чиновников, и лиц, не обладающих никаким формальным статусом в системе власти. Однако ядро практически всегда составляют обладатели высших властных полномочий в крупном регионе/государстве. Они-то и определяют те решения, которые впоследствии могут оформлять коллективные органы (правительство или парламент), изменять политику страны, существенно влиять на международные процессы. Иначе говоря, данная группировка действует в рамках полутеневого и теневого правления, зачастую перехватывая функции официальных органов власти.

Этот структурный элемент элиты, как правило, инкорпорирован в различные сферы деятельности.

2.2. Элита / контрэлита

По отношению к власти выделяют правящую элиту и неправящую, или контрэлиту. Победившая на выборах элита приобретает статус «правлящей политической элиты», которая непосредственно осуществляет процесс управления и руководства обществом и государством.

В классических теориях об элитах считалось, что контрэлита наделена не менее ценными качествами, чем правящая элита, что собственно и позволяет ей занять элитное положение. Но с другой стороны, в момент избрания на высшие государственные посты у представителей контрэлитных сил может не хватить ресурсов (материальных, нематериальных, идеологических, в том числе электро-альной базы и т. д.), чтобы получить наиболее важные должности в законодательных, исполнительных органах. В этом случае контрэлита называется «потенциальной элитой». Ее представляют разрозненные элитарные группировки, еще только стремящиеся к власти и соответственно проясняющие свои идеологические приоритеты и позиции, формирующие «команды» вокруг своих лидеров. В потенциальных элитах происходит относительное закрепление конкретных лиц на функциональных позициях (лидер, идеолог, аналитик, член штаба и т. п.), подбираются механизмы межэлитарной конкуренции, формируются первичные отношения между сторонниками различных (в том числе союзных) направлений. После

выборов судьбы групп, претендующих на статус элитных, складываются по-разному: проигравшие на выборах, а они часто являются вполне авторитетными в обществе, могут остаться в поле публичной политики и лоббировать некоторые политические решения опосредованно. В основном они воспринимаются как проправительственные силы. Такая оппозиция может иметь статус легальной, «системной», и использовать разрешенные формы протеста. Власть к ней прислушивается, но не всегда воспринимает серьезно.

Другое дело – радикальная оппозиция, которая также играет определенную роль в политическом процессе, выступает против ведущего политического курса, является ему *оппозиционным*. Бывают периоды в истории, когда элиты и контрэлиты находятся в глубочайшем конфликте, как, например, это было в период трансформации позднесоветской номенклатуры в постсоветскую элиту. Отдельные группы, претендующие на власть, не только не совпадали по своим интересам, но находились в абсолютном противодействии: между ними шла «война всех против всех» – крылатая фраза из творчества Т. Гоббса. Важнейшим предметом противоречий выступали не только идеологические мотивы, а, в первую очередь, доступ к эксклюзивным природным и материальным ресурсам.

Оппозиция и сторонники проправительственных сил объединены стремлением укрепить свои позиции во власти, сформировать механизмы постоянного влияния на государственные институты. Для этого они используют максимальные возможности по воздействию на общественное мнение. Их способы: поставить под сомнение результаты выборов, проводимый курс, высказать требования смены власти до очередных выборов, призвать население к выражению политического протеста. В классическом варианте, по Парето, контрэлита — это социальный тип, по всем параметрам способный выполнять в обществе функции элиты, но заведомо отстраненный социально-политическими или экономическими ограничениями от такой возможности. Эта группа спланируется постепенно в процессе поиска своей идеологической базы, которую на следующем этапе можно будет противопоставить мировоззрению правящей элиты.

Контрэлита имеет целью изменение всей политической системы (Г. К. Ашин, Москва)

Контрэлита — высший эшелон политической оппозиции (О. В. Гаман-Голутвина, Москва)

Формирование мощных и организованных пластов контрэлиты — это проблема для той элиты, которая этой страной управляет. Элита меняется, страна — остается (А. В. Зберовский, Красноярск).

Контрэлита выступает против существующей элиты не только в том случае, если не способна интегрироваться в элиту эволюционным способом. Если контрэлитная группа обладает имманентной идеологией, собственным пониманием стратегии, она не будет входить в правящую элиту, даже если её позовут, пригласят, попытаются купить и т.д. Контрэлита — лидеры и наиболее влиятельные лица из оппозиционных политических кругов, партий и общественных движений, члены так называемого «теневого кабинета», последовательные оппоненты официального курса из финансово-промышленных и коммерческих сфер, критически настроенные наиболее авторитетные представители творческой интеллигенции, учёные, военные. Контрэлита — это ядро политической оппозиции, она обладает всеми характерными чертами элиты, но не имеет прямого доступа к решающим властным позициям (С. А. Кислицын, И. А. Кривчук, Ростов на/Д.)

Власть элит/контрэлит: нетрадиционный взгляд

Политические цели структурных составляющих политического класса в современных обществах (правящая элита, оппозиция, проправительственные силы и др.) заставляют задуматься об аргументах в защиту того или другого властного или потенциально властного лагеря. Кто прав? Чье решение принесет больше пользы для общества? Какими методами контрэлиты пользуется, чтобы достичь победы над правящей элитой и удержаться на завоеванных позициях? С помощью каких стратегий и тактик политический курс и идеология, являющиеся предметом споров противодействующих сил, становятся оперативной энергией, способной воздействовать на коллективное будущее?

Теоретически власть политической элиты лучше всего просматривается сквозь ее абсолютную противоположность. Но современный мир открывает один из новейших теоретических парадоксов: спорящие силы (элиты и контрэлиты) не являются противоположностями по своей сути, материальному и социальному по-

ложению, и в большинстве случаев, если речь не идет о смене политической системы в целом, они участвуют практически равнозначно во властных отношениях в виде критик, стимулов, влияний. Обнаруживается тенденция к исчезновению термина «контрэлита», а достойную замену ему способна оказать некая энергия, заставляющая устремляться к власти ни в чём не уступающие друг другу силы. Такое видение власти французские профессора Людовик Франсуа и Франсуа-Бернар Уинь называют «власть интерконекте»³, где в самом концепте этот термин имеет значение связи двух или более направлений или объединение в единую электроэнергетическую систему⁴.

Действительно, эта весомая категория – власть – производится на пересечении человеческих ресурсов и технологических инструментов, процедур и верований, ее нынешнее происхождение связано с расширяющейся эволюцией способов передачи информации, в том числе Интернета. Электроэнергетическая власть – это современная версия невидимого «правительства», которое формирует «мнения и организованные привычки... те, что моделируют наше сознание, куют наши вкусы, нам навевают идеи»⁵. Отношение к избранным и руководителям во многом определяется результатами опросов в медиасистемах, и они иногда значат больше, чем законы, которые они издают, блокируют или отзывают. Таким образом, основной силой противодействия оказывается общественное мнение, которое частично обретает «лицо» оппозиции. Кроме того, сегодня существует огромное количество техник, предназначенных для продукции мнения, маркетинг, коммуникация, ПР и другие мануфактуры консенсусов. «Уловки» контрэлит столь же образны, заманчивы, эмоциональны, внушительны и убедительны, что и политические проекты правящих элит. Элиты и контрэлиты действуют через одни и те же информационные каналы, передавая своё видение мира, свои политические мифы, и прогрессивно формируют коллективные стремления. Нельзя сказать, что эта тонкая материя власти, основанная на постоянном консультировании с обществом

³ François L., Huygne F.-B. Contre-pouvoirs. De la société d'autorité à la démocratie d'influence. – Paris, 2009. P. 7.

⁴ Dictionnaire: noms communs, noms propres. – Paris: Larousse, 1995. P. 358.

⁵ Bernays E. Propaganda. Zones, édition 2007 // Цит. По: François L., Huygne F.-B. Contre-pouvoirs. De la société d'autorité à la démocratie d'influence. P. 7.

и претендующая на завоевание умов посредством навязывания моделей поведения и ценностей, является только прерогативой правящей элиты. Очевидно, что контрэлита, так же, как правящая элита, моделирует общественное мнение: интерпретирует, реинтерпретирует, пропагандирует в реальном и виртуальном пространстве выгодные для нее идеи. В результате этих «политических игр» внезапно появляются принудительные правила де-факто, исходящие якобы из общественной воли (законы, постановления...) или из частных интересов (уставы предприятий, распоряжения и т. д.).

Как действуют противодействующие силы в единых информационных каналах воздействия на политическую ситуацию? Основываясь на методиках политического программирования, осваиваясь в интернет-окружении, привлекая квалифицированных политтехнологов и программистов, в сговоре с бизнес-магнатами выигрывая тендеры на техническое сопровождение политических мероприятий, используя всё чаще не подкуп действующих лиц, а возможности обширнейших трансляций собраний, митингов, порой фальсифицированных, и даже в фотошопе и т. п.

Еще в XX в. американский социолог Ч. Р. Миллс предполагал, что категория контрэлиты надумана, и концепции «контрэлиты» придерживаются наиболее умные и развитые представители низших и средних классов, а также «кающиеся» люди из высших классов, «для суровой критики правящих элит и для прославления утопических образов новой элиты, которая должна прийти на смену старым»⁶. Такой подход к пониманию природы власти результативно ведет к идее равновесия в играх влияния и рождению понятия «энергия на пересечении усилий» вместо «контрэлиты».

Как бы то ни было, важно признать ценность противодействия элит/контрэлит или «энергии» для социально-политического прогресса: не одно лишь противостояние свойственно их деятельности! Здесь и непосредственный обмен деловой информацией, и заключение формальных соглашений о сотрудничестве, включая и неформальные договоренности, полезные для всех сторон, варьирующие уровень конкуренции за власть и, как следствие, меняющие в разной степени интенсивности институциональный ландшафт в государстве.

⁶ Миллс Ч. Р. Властвующая элита. С. 39.

Одним из существенных индикаторов уровня конкуренции элит и контрэлит, которые в принципе идут в одном направлении к власти, может служить формальный или неформальный запрет конкурирующих политических идей и мифов, что однозначно ограничивает возможности контрэлит.

В России, в этом отношении, показательна «вертикализация власти». Отечественные специалисты по элитам (О. Гаман-Голутвина, О. Крыштановская, В. Мохов, А. Чирикова и др.), фиксирующие в своих многочисленных исследованиях факты элитной консолидации и политики централизации власти, констатируют, что в России последних лет политические, экономические, региональные элиты потеряли способность принимать стратегические решения, никто «из высших» не берется критиковать политику Кремля, политические процессы более предсказуемы и менее вариативны, но хрупки⁷.

Другим индикатором уровня конкуренции элит и контрэлит является то, что не всегда их взаимовлияние эффективно вследствие камуфляжно-демонстративной деятельности. Внешне их функционирование имеет вектор народных интересов, в подлиннике – борьба за властные позиции или удержание власти.

Итак, элита, занимающаяся управлением и распоряжающаяся ресурсами – это правящая. Неправящая элита выглядит как протестное движение различных организаций, партий, неформальных групп, отдельных граждан и т. п., их объединяет желание и стремление изменить нынешнюю внутреннюю и внешнюю политику, перераспределить властные полномочия или изменить существующую систему господства в целом. Все многообразие оппозиции зависит от конкретного состояния дел и от направленности деятельности оппозиционных сил.

2.3. Высшая/ средняя/ местная элиты

По уровню компетенции или объему властных полномочий и ресурсов различаются высший, средний, местный уровни политической элиты. Они так и называются – высшая, средняя, местная элиты. Высшая политическая элита включает руководителей, которые

⁷ Чирикова А. Е. Региональные элиты России. С. 219.

занимают стратегические позиции в системе принятия важнейших решений. Президент, его окружение, руководители правительства, члены высших судебных органов власти, лидеры наиболее влиятельных партий. В распоряжении высшей элиты имеются ресурсы национального (федерального) значения. Они весьма разнообразны и не обязательно имеют политический характер: финансово-экономические, культурные, социальные, силовые, символические. Они приобретают характер политического в случае использования их для влияния на процесс принятия политических решений.

Численно это достаточно ограниченный круг людей. Принадлежность к высшей элите определяется положением в структуре власти (должность), репутацией (советники, консультанты президента - при Б. Н. Ельцине, полномочные представители при Путине), иногда финансами (так называемые «олигархи») и т. д.

Средняя политическая элита формируется из огромного количества выборных должностных лиц: депутатов парламентов, глав администраций и депутатов законодательных собраний субъектов федерации, губернаторов, лидеров политических партий, прошедших в законодательные органы, руководителей избирательных округов. Проблематика этого уровня политической элиты столь же значима, что и проблематика элит национального уровня. Это, как правило, важное опосредующее звено между центральной властью и непосредственно регионом. Одно из наиболее полных определений региональной политической элиты принадлежит В. Мохову. «Региональная политическая элита – это лидеры властных структур региона, обладающие: 1) основным объемом прав и полномочий в выработке и принятии решений (в том числе и по кадровым назначениям и перемещениям), контролем за их исполнением, оценками результатов деятельности; 2) собственным аппаратом политических работников; 3) определенным комплексом ценностей, установок, мировоззренческих ориентиров; 4) особым образом жизни и поведения».⁸ Понятие «региональная элита» имеет два значения. В широком смысле, это слой региональных политиков, занимающих позицию между федеральной и местной элитами. В узком значении это политическая элита конкретного региона.

⁸ Мохов В. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции // На путях политической трансформации. С. 85.

К средней элите относятся и представители административной элиты, находящиеся близко к политическому персоналу, государственные чиновники, занимающие высшие позиции в министерствах, департаментах и других органах государственного управления. Их роль сводится к подготовке общеполитических решений и организации их осуществления в тех структурах государственного аппарата, которыми они непосредственно руководят. Российские исследователи А. Картунов, Г. Пушкарева, например, настаивают на переименовании региональной элиты в региональную бюрократию. Вряд ли это возможно, ведь региональную элиту можно рассматривать как структурную организацию, тогда наиболее подходящий термин «региональная бюрократия», если же исследуются процессы, выходящие за пределы этих структур, тогда целесообразнее употребление термина «региональные элиты».⁹ Подробно о том, как власть «перетекает» из рук американской политической элиты к бюрократии, интересно и подробно пишут Т. Дай и Х. Зиглер в «Демократии для элиты».

Важно также принимать во внимание тот факт, что, в связи с глобальными процессами трансформации на постсоветском пространстве в структурах региональных элит и по результатам исследований 2004 – 2008 гг. выделяются пять групп влияния, или фигур власти. Первая группа представлена губернатором и его ближайшим окружением. Вторая – представители местной бюрократической элиты (руководители функциональных подразделений исполнительной и федеральной власти, представленной различными региональными отделениями федеральных министерств и ведомств). Третья – близкие руководству региона экономические структуры (бизнес-элита). Четвертая группа влияния в российских регионах – представительные органы власти, региональные отделения партии, федеральные округа. Пятая – мэры городов и местное самоуправление¹⁰.

Местные элиты – мэры крупных городов, лидеры местных отделений партий и общественно-политических движений, «царьки на местах». Они ближе всего к народу, их знает в лицо население региона, местности, сюда входят именитые, с послужным списком

⁹ Чирикова А. Региональные элиты России. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 78-95.

депутаты областных и муниципальных советов, местная бюрократия. В составе элиты этого уровня – не только лица, непосредственно участвующие в управлении, но и наиболее влиятельные руководители средств массовой информации, учебно-просветительских учреждений, члены влиятельных семей. На местном уровне мировые тенденции таковы, что исполнительный корпус элиты занимает главенствующее значение по отношению к парламентскому. Местные элиты всегда просматривают перспективы перехода на следующий политический уровень.

2.4. Профессиональные/ религиозные/ этнические элиты

В зависимости от доминирующих интересов выделяют профессиональные элиты. Критерий – сфера деятельности: научная, военная, информационная, экономическая и т. д. Профессиональные элиты рождаются в каждой сфере как необходимость для развития производства или отрасли в целом. В 60-е годы в Советском Союзе к ведущим профессиональным элитам относились:

— физико-математическая, так как физико-математическое знание являлось основой для развития инженерных специальностей, для создания и производства ядерно-ракетной техники, авиационной и космической техники, атомной энергетики и т. п.;

— техническая, так как помимо военно-промышленного комплекса она создавала и обслуживала гражданское авиастроение, судостроение, космические технологии и технологии связи, транспортное машиностроение и т. п.);

— биологическая (создание биологического оружия, биотехнологий, развитие генной инженерии);

— химическая (создание химического оружия, средств химической защиты, новых химических материалов и т. п.).

В 90-х гг. на первый план вышли сырьевые элиты, или как их называла нефтегазовые.

В настоящее время такой список пополняется спортивными, культурными, элитами информационных технологий и т. д. Профессиональные элиты становятся достаточно мощным социальным слоем, выполняющим отдельные политические «поручения» со стороны государства, политически заинтересованного в развитии

мощи страны и посредством образования, стимулирующим их производство. Взамен профессиональные элиты получают уважение, льготы и внимание со стороны политической элиты. Кроме всего прочего, профессиональные элиты, как правило, идеологизированы, выступают катализатором инновационных движений и трансформационных процессов и для правящей политической элиты служат мощным инструментом в деле мобилизации населения, рекламы и пропаганды политических идей, в деле повышения авторитета страны и среди населения, и на мировом уровне.

В круг профессиональной элиты не может войти человек, не имеющий специального образования и опыта работы по избранной специальности, в то время как вхождение аутсайдеров* в политическую элиту не редко. Яркими примерами успешного вхождения аутсайдера во власть считаются карьеры Арнольда Шварцнегера или Рональда Рейгана, превратившихся из голливудских актеров в представителей политической элиты; карьера Ирины Родниной (фигуристки с мировым именем), Алины Кабаевой (гимнастки) и др., кто пополняет состав российского парламента.

Религиозные элиты – митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, священники, представители епархиальной администрации и руководители образовательных институтов. В многонациональных государствах – это католики, баптисты, иеговисты, иудаисты, буддисты, мусульмане, элита православного духовенства и т. д. Задачи, которые стоят перед религиозными лидерами, заключаются в том, чтобы сформулировать и формализовать целостное вероучение и традицию в государстве. Для этого им необходимо популяризировать священные книги, развивать школы, создавать специальные системы образования для распространения религиозных знаний, вырабатывать общие мировоззренческие учения и идеологии. Церковь всегда стремится не допустить проникновения внутрь своей организации различных «светских» политических

* Аутсайдер - (англ. outsider - посторонний) 1) неспециалист, любитель, отстающий, 2) предприятие или компания, не входящие в монополистические союзы, но вынужденные подчиняться условиям хозяйствования, диктуемым крупными монополистическими объединениями, 3) спортсмен, не имеющий шансов на успех в состязании; скаковая или беговая лошадь, не являющаяся фаворитом, 4) лицо, играющее на бирже, но не постоянно; биржевой спекулянт-непрофессионал.

размежеваний, чтобы оставить целостность церкви и стабильность в обществе, но одновременно сохранять лояльность к «власть держащим». Установки стабильности и духовного равновесия разделяют и политические элиты, и двум этим категориям элит сотрудничество полезно.

В 2008 Совет Федерации предложил ввести новый государственный праздник, чтобы вытеснить западный «день святого Валентина», а инициатором выступила глава комитета верхней палаты по социальной политике В.Петренко. День супружеской любви и семейного счастья был назначен на 8 июля, так как 8 июля является днем покровителей святых Петра и Февронии, которые считаются покровителями влюбленных. В том же году по призыву Межрегионального общественного движения «Народный Собор» на съезде партии «Единая Россия» в программу стратегического развития страны были внесены духовно-нравственная и культурная составляющие. После выступления председателя Высшего Совета партии Б. В. Грызлова с заявлением о том, что «теряя культуру, мы теряем безопасность государства» и высказывания о необходимости защиты нравственных ценностей, на которых воспитывались поколения предков, был утвержден партийный проект «Культура России». Подобные действия политических сил по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей были названы решением вопросов «стратегической безопасности России».

Религиозная элита в основном – люди специфической традиции и субкультуры, достаточно изолированной и живущей своим замкнутым миром и его интересами. Но, живя в государстве, ей приходится завоевывать свое место под солнцем.

Первая цель религиозных элит заключается в том, чтобы добиться от государства полного официального признания и защиты в качестве утвержденной религии, если это возможно, а если нет, то в качестве вторичной, но признанной и пользующейся поддержкой государства. Вторая политическая цель религиозной элиты состоит в том, чтобы обеспечить свою независимость при выполнении основных функций, особенно в сфере самоуправления, организации религиозной деятельности и вовлечении новых членов. Это означает относительную самостоятельность в распространении веры и поддержании святынь, храмов и учебных заведений, равно как и самостоятельность в определении и распространении основных религиозных ценностей и принципов. Не секрет, что официальные правители, бюрократии, политические элиты в некоторых государ-

ствах зачастую стремятся подчинить своему контролю деятельность религиозной элиты и инкорпорировать эту элиту в систему государственной администрации.

Третья важная политическая цель религиозной элиты заключается в том, чтобы сохранить и расширить материальную базу (т. е. собственность) религиозных групп и институтов, повысить их статус в обществе. Четвертая цель, которой руководствуются, по крайней мере, некоторые члены религиозной элиты, заключается в том, чтобы заполучить влиятельные политические и административные должности. Помимо личных амбиций, они руководствуются желанием стать духовными проводниками правителей и бюрократов, чтобы обеспечить приверженность власти тем ценностям и символике, которые отстаивает религиозная элита. И конечно, ими двигает стремление усилить политическую и экономическую власть религиозных институтов и групп.

Для реализации своих целей религиозные группы и элиты могут прибегать к разным способам ведения борьбы и развертывать ее в различных общественных сферах. Их близость к центру и вместе с тем широкий охват населения позволяют им действовать как на локально-провинциальном, так и на столичном уровнях. В силу своих тесных связей со всеми слоями населения религиозные элиты в состоянии оказывать на эти слои политическое влияние и мобилизовать их на поддержку своих акций. С другой стороны, эти элиты, как правило, имеют доступ и к центральным сферам политической борьбы — правительству и высшим эшелонам бюрократии. Примечательно, что в различных ситуациях и в различные периоды истории религиозные элиты могли направлять свое влияние как на поддержку действий правителей, так и на оппозицию им, а также могли целиком отвлечь народные массы от участия в политической деятельности.

Современные религиозные элиты вовлечены в активную политическую деятельность. От священника часто «остаются» только «риззы», им присущи все манеры политика, ведущего публичную кампанию. Так, во время визита в Украину российский митрополит Кирилл настойчиво подчёркивал, что приехал, в первую очередь, помолиться со своим церковным народом за Святую Русь в составе

России, Украины и Белоруссии, но заранее сообщил, что задаст несколько вопросов президенту Украины. Специалисты смогли заметить, что истинная подоплека визита была завуалирована, а и украинский народ, привыкший за последнее время к прямым эфирам и скандалам политических авторитетов, также распознал ораторское искусство патриарха, затронувшего политические вопросы.

Религиозные и политические элиты в целом во многих примитивных и патримониальных обществах (Древний Египет, империя Сасанидов, Китайская империя со времен ханьской династии, Римская и Византийская империи, различные империи в Индии (такие, как Гупта, Маурья и Моголов), Аббасидский и Фатимидский халифаты, Оттоманская империя, европейские государства периода абсолютизма и европейские колониальные империи) не были представлены одними и теми же лицами. В первую очередь, потому, что в этих обществах существовала не одна, а несколько соперничающих религий. У каждой «паствы» была своя элита, несмотря на то, что они были объединены под крышей одного государства. Если даже охват был всеобщим, религии представляли собой отдельные сферы, опирающиеся на особые институты со своей иерархической структурой. Только в очень немногих из этих империй существовало хотя бы частичное совпадение некоторых центральных политических и религиозных ролей, например таких, как «Царь—Бог». «Даже если монарх стоял в центре религиозной иерархии, эта иерархия обычно отличалась от собственно политической, хотя в некоторых случаях, например в китайской и исламской системах, она формально составляла в некоторой степени часть политической структуры»¹¹.

Отдельность и самостоятельность религиозной сферы проявлялись и в том, что ни одна из этих религий и ни один религиозный институт не были основаны или инициированы монархами, пишет израильский социолог Шмуэль Ной Эйзенштадт. Легитимность правителей облекалась в религиозные символы при соучастии ре-

¹¹ Эйзенштадт Ш. Религия и политическая система: сотрудничество и соперничество. Eisenstadt S. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973. P. 140. Ерасов Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия: уч. пособие. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek>.

лигиозных институтов, так как религия составляла центральную часть культурной жизни большинства слоев.

В некоторых странах, как, например, Иран, на современном этапе развития не четко просматривается разница в статусе светского и религиозного деятеля. В Иране, помимо судебной, исполнительной и законодательной властей, государственная форма правления страны имеет еще одну ветвь – в виде рахбара (духовного лидера), который воплощает не столько религиозную власть, сколько высшую государственную. Баланс сил зачастую поддерживается или корректируется рахбаром, который выходит на политическую арену порой даже с оценкой деятельности президента. Назначение на пост председателя Государственной организации радио и телевидения осуществляется рахбаром, Корпус стражей исламской революции, составляющий часть вооруженных сил страны, формально объединен с армией, но фактически подчинен рахбару. Высший совет национальной безопасности (конституционный орган) работает под руководством президента, при этом в его состав входят представители трех ветвей власти и два представителя рахбара, и все решения совета вступают в силу только после их утверждения рахбаром. Указания рахбара не всегда носят письменный характер и могут оформляться религиозной фетвой (указом богослова высокого религиозного звания).

Этнические элиты формируются на основании сопредельной территории, наличия в быту идентичных традиций, обычаев и законов, тесных родственных связей, что приводит к созданию единого политического блока, готового отстаивать свои этнические интересы, не допускать извне внедрения на свои владения. Принадлежность к различным этносам, но связанных, помимо родства, общими политическими, хозяйственными и культурными интересами, способствует укрупнению этнического блока. Так, например, сложился мощный союз осетинской, кабардинской и балкарской аристократии, объединенный общностью классовых интересов, необходимостью экономического сотрудничества, общими элементами материальной и духовной культуры, а также всеми видами родства. Этот союз функционировал и функционирует как особая этнокультурная общность привилегированных фамилий Осетии, Кабарды и Балкарии. Конечно, этнические элиты претендуют на вхождение в

состав общенациональной российской элиты, но при этом не желают потерять способность отождествлять себя с собственным народом.

С одной стороны, объединенные этнические элиты внутри государства – положительный момент, структурная интеграция элит развивает связи и сети коммуникации под взаимным влиянием. Когда этнические элиты регулярно взаимодействуют, могут быть выработаны общие нормы и ценности, налажено сотрудничество и разрушены стереотипы враждебности. Но есть и другая сторона медали. В нынешней России, которая представляет из себя федерацию, вольно или невольно было порождено несколько национальных автономий, где фактически установлены квазигосударственные, этнократические по сути и по форме режимы. Они практикуют в качестве путеводной идеологии местный национализм, лишь слегка прикрываемый идеями федерализма. Этнические элиты регионов в своей деятельности часто преследуют сугубо корыстные интересы, которые зачастую противоречат интересам России в целом. Нередко происходит это в достаточно агрессивной форме. Главный инструмент достижения целей в отношениях с федеральным руководством РФ – негласный, но очевидный шантаж возможным сепаратизмом.

Рамзан Кадыров, его политические амбиции и деятельность интересуют многих исследователей. Одна из последних книг с обширными биографическими данными принадлежит перу исламоведа А. Малащенко. Книга называется «Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности»¹². А. Малащенко считает, что Р. Кадыров — в первую очередь российский политик, у которого проявляются кавказские черты, и характеризует его как тонкого традиционного политика, который вышел за пределы Чечни и стал политиком на уровне Северного Кавказа. Никто не спорит на предмет его качеств, но деятельность вызывает сомнения.

Действующий от лица чеченской политической элиты, этот лидер периодически рискует быть отозванным от должности. На фоне типичных этнических разногласий политологи считают, что истинным поводом к рассмотрению вопроса об отставке Кадырова могла послужить инициатива чеченских законодателей, которые просят у федерального центра фактически полной экономической самостоятельности. Суть чеченского про-

¹² Малащенко А. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности. Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>.

екта состоит в том, что Чечня хочет самостоятельно распоряжаться доходами от экспорта нефти, регулировать инвестиции и развивать частный бизнес. Вместе с тем депутаты Госдумы не намерены давать согласие на закон, который означает фактическое отделение экономики Чечни от остальной России, так как это может снова привести к усилению сепаратистских настроений.

2.5. Квазиэлиты/ антиэлиты

По эффективности деятельности принято выделять элиту, квазиэлиту и антиэлиту. Так как политическая элита — прямой участник формирования внутренней и внешней политики государства, влиятельная сила в регулировании политических процессов, определении целей, выборе приоритетов и стратегии их реализации, то эффективность ее деятельности обретает особое значение.

Критерием эффективности деятельности политической элиты является достигнутый уровень прогресса, экономического благосостояния в обществе, урегулированность правовых вопросов, обеспечение политической стабильности и национальной безопасности.

Снижению эффективности элиты способствует нарастание информационной открытости в работе институтов власти и управления, критика общественностью всяческих злоупотреблений должностных лиц, растущая способность общества к контролю за деятельностью элит, активизация контрэлит, дифференциация элит, ведущая к росту внутриэлитной конкуренции и зачастую к дестабилизации политической системы.

Благодаря качественному выполнению своих функций и своевременному обновлению элитных рядов с целью предотвращения их олигархизации и закостенелости, политическая элита может долгое время оставаться ведущим звеном, направляющим общественное развитие.

Чтобы удержаться у власти в сложные моменты истории, элиты предпринимают модернизационные проекты, которые часто сопровождаются чистками в элитной среде (так было и при Петре I, и при И. Сталине), экономическими преобразованиями (приватизация, реструктурирование институтов государства), разрозненностью элит (при президентстве Ельцина государство было растворено в корпоративных интересах) и т. д. На каждом этапе — свои цели,

свои стратегии. В 2008 году политологи стали оперировать понятием «элиты развития», которое ученые решили отделить от «элиты господства» («узкий, высший класс России, который состоит из главных государственных начальников и тесно связанных с ними капиталистов, представляя собой олигархию в классическом, аристотелевском смысле слова»): «Мы же решили сфокусировать исследование не на господствующей верхушке, но на элите развития, понимая её как элиту тех социальных групп, которые исполняют самые актуальные и востребованные общественные услуги: государственное управление, оборона и охрана правопорядка, юриспруденция, предпринимательство, корпоративное управление, здравоохранение, наука и образование, массовая информация и публичная экспертиза»¹³.

Успешные представители указанных социальных групп, за исключением главных государственных начальников и глав крупнейших корпораций, выполняют важные для общества функции, касающиеся общей тактики развития общества, однако последнее слово в выборе курса всегда принадлежит политической элите.

Антиэлита – образное выражение, обозначающее выродившийся деградировавший правящий слой либо социальную группу маргинального и асоциального типа, временно узурпировавшую власть.

Во все времена правители соблазнились наиболее простым способом формирования вертикали – созданием антиэлиты из скомпрометировавших себя грязными делами людей: алкоголиков, ворья, жуликов, маньяков. На них заведены дела, но ход им не дан, пока они выполняют решения вышестоящих. «Делай что требуется, сверху прикроют» – принцип управления антиэлиты, расставленной на посты по блату. Такой принцип давно распространен на Западе. Недаром, когда какого-либо министра снимают со скандалом, то европейцы только ахают, что за ворюга или извращенец занимал пост. Международные финансовые структуры расставляют свои фигуры влияния в разных странах, руководствуясь подбором элиты по компромату. Антиэлита не способна к творческому созиданию, ею легко манипулировать, так как она изначально безответственна,

¹³ Афанасьев М. Элита развития 2008. Российская элита: запрос на новый курс. Режим доступа: <http://liberal.ru/Publications>.

может легко выйти из-под контроля и обернуть свою деятельность против своего же народа.

Одна из версий антиэлиты в период развала СССР: «Многие творческие планы по созданию первых персональных компьютеров группой Старроса и Берга были загублены чиновниками СССР, подобранными по принципу исполнительности и безжалостности. Антиэлита высмеивала все, что было создано в СССР, тайком мечтая украсть побольше, совершила «перестройку», развал СССР и военный переворот, подмяв под себя элиту по ответственности... Многие представители прежней элиты, попавшие в выборные органы власти, с трудом выбирались из-под дерьма и бандитов, которые буквально затопили управление после военного переворота и криминальной приватизации. Это был реванш антиэлиты по компромату и блату»¹⁴.

В России в 90-е годы двадцатого века ликвидировалась единая молодежная организация, была высмеяна советская символика, скрепляющая граждан общим национальным сознанием. В ельцинской России началось царствование серых бездарностей, выдающих свою лояльность власти за патриотизм, тщеславие за честолюбие, утопающих в праздности и роскоши. Новая власть, получившая рычаги управления, стала применять принцип «разделяй и властвуй» в национальных масштабах. Воры, коррупционеры, стяжатели были не только призваны в элитарный слой общества, но политически легитимированы.

Итак, в те периоды, когда элита перестает выполнять свои непосредственные функции и работает на разъединение, на раздробление общества, то возникает целый ряд влиятельных и получивших доступ к СМИ групп, которые начинают разрушать все общественные институты и механизмы, служащие для соединения и укрепления ткани общества или больших его частей. Эта атомизирующая, распыляющая народ деятельность элиты подрывает коллективные исторические ценности, память и нравственность.

Иначе говоря, антиэлита олицетворяет переход большей части элиты на сторону геополитического или цивилизационного противника. В рамках криминальной версии власти это руководящее звено ведущих политических, административных кругов, связанных властью и осуществляющих деятельность исключительно в собственных интересах.

¹⁴ Захаров И. Элита по ответственности за страну // Новый Петербургъ. № 12 (723). 17.03.2005 г.

Наиболее скандальный прецедент такого рода имел место в 1993-1995 годы в Брянской области, где все областное руководство, включая губернатора, председателя областной думы, мэра Брянска, прокурора области и других областных чиновников, оказалось в подчинении у местного криминального «авторитета», а впоследствии крупного бизнесмена. Лишь вмешательство (после многочисленных протестов местной общественности) Президента и Генеральной прокуратуры РФ разрушило этот «криминально-экономический симбиоз».¹⁵

Громкий скандал вокруг незаконной торговли оружием завода «Ижмаш» стал предметом обсуждения высшего руководства страны¹⁶. В «темных» делах, вероятно, замешан Президент Удмуртии Александр Волков. По сведениям Кремля, кроме того, что глава региона формально является центральной фигурой в республике, в Удмуртии сложился неподконтрольный Президенту центр силы. Периодически возникают предположения о том, что центр власти носит ярко выраженный криминальный оттенок: в частности, расследуется его причастность к финансовым аферам с обналичкой, строительству финансовых пирамид, покровительство криминальным авторитетам, хищениям оружейных деталей с завода «Ижмаш», незаконной торговле оружием. Из этого оружия убит Губернатор В. Цветков, 1-й зам пред. ЦБ А. Козлов, журналистка Анна Политковская. По неофициальным данным, после ареста криминального барона, на поверхность всплыли его связи во властной верхушке. Среди покровителей С.Ижевского называли его школьного товарища А. Маркина, занимающего должность координатора партии ЛДПР в Удмуртии, депутата Госсовета республики, имеющего особые ресурсы, в том числе административные. По совместительству с партийной деятельностью он оказался главным рейдером, «серым кардиналом» республики. Расследование было взято под личный контроль Президента РФ В. Путина, т.к. речь шла о криминальном бизнесе повышенной социальной опасности международного масштаба.

Квазиэлита – правящий слой, не выполняющий свои социально-управленческие функции и роли; по составу, уровню моральных и профессиональных качеств своих членов не соответствующий общественным ожиданиям и общепринятым в обществе нормам.

По сведениям политических аналитиков, характерный портрет квазиэлиты вырисовывается тогда, когда, с согласия разных политических сил, в стране идет снижение уровня жизни населения, на-

¹⁵ Бирюков С. Региональная политическая власть и механизмы ее осуществления. С.180.

¹⁶Криминальные авторитеты подставили президента Удмуртии. Режим доступа: <http://www.wek.ru/versions/235943/index.shtml>

блюдается явная фрагментация элит, занимающихся переделом собственности, власти, забывающих о народе, что провоцирует даже этноцид в отношении населения данного государства, региона. Функционирование квазиэлиты сопровождается междоусобной борьбой в элите: вместо консолидированных усилий по выправлению социально-политической и социально-экономической ситуаций, малоимущие слои населения, которые не могут себе обеспечить нормальное питание, минимальное медицинское обслуживание и т. д., получают еще более серьезные удары.

Украина последних лет выглядит как некая «лаборатория», наилучшим образом демонстрирующая квазиэлиту у власти. Она проявляется в нечестных правилах политической игры, популизме и изворотливости, олигархической коррумпированности политических руководителей. Политический инструментарий этих элит – поиск саботажников, предателей, врагов, объяснение собственных провалов наследием коммунистической системы, сталинской диктатуры, происками «северного соседа» и т.п. В.В. Ильин, доктор философских наук, профессор Киевского национального университета имени Т.Шевченко, слово «элита» не ассоциирует с той элитой, которую сегодня имеет Украина¹⁷. Настоящая элита – это избранные, которые осознают, что власть не привилегия, а долг, тяжёлый крест, самоотречение. Мало кто из представителей украинской властной элиты за годы независимости Украины проявил жертвенность или отказался от льгот во имя защиты национальных интересов и развития страны.

Современная украинская элита сформировалась в ходе сознательного разрушения и раздела государственного имущества. Считается, что ваучеризация была легализацией процесса обогащения представителей важных структур бизнеса и политики. В «конкурентной» борьбе выиграли не лучшие, а хитрые, жестокие, циничные, безразличные к последствиям своих действий, которых можно узнать сегодня на телевизионных экранах в составе Правительства, Рады и т.д.

Подмена элиты ее имитаторами привела к стагнации: власть в руках непрофессиональной элиты – это коррупция, цинизм, шоу вместо деятельности, кумовство, блат. Деятельность элиты направлена на деньги, и в любых изменениях она усматривает угрозу своим привилегиям.

¹⁷ Ильин В. В. Номенклатурная элита. Режим доступа: <http://odnarodyna.ru/author/13.html>.

Рекомендуемая литература

1. Афанасьев, М. Правящие элиты России: образ деятельности / М. Афанасьев // МЭиМО, 1996. – № 3. – С. 46-56; № 4. – С. 28-38.
2. Афанасьев, М. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России / М. Афанасьев. – Москва-Воронеж, 1996. – 224 с.
3. Ачкасов, В. А. «Этнические предприниматели» и процессы этнополитической мобилизации / В. А. Ачкасов // Элиты и власть в российском социальном пространстве: материалы Пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (15-16 декабря 2006 г., Санкт-Петербург). – СПб.: Интерсоцис, 2008. – 268 с.
4. Барсукова, С. Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания / С. Ю. Барсукова. – М., 2006. – 48 с.
5. Джилас, М. Новый класс / М. Джилас // Лицо тоталитаризма. – М.: Новости, 1992. – 541 с.
6. Крыштановская, О. Анатомия российской элиты / О. Крыштановская. – М., 2005. – 384 с.
7. Кривчук, И. А. Демократическая и коммунистическая оппозиции в России как субъекты формирующегося гражданского общества / И. А. Кривчук, С. А. Кислицын // Социология власти: общественно-политический журнал. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – № 4; №11.
8. Кислицын, С. А. Политические контрэлиты и антиэлиты в российском политическом процессе / С. А. Кислицын // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. – Ростов н/Д, 2004. – С. 291–312.
9. Ледяев, В. Кого относить к элите? / В. Ледяев // Общество и экономика. – 2008. – № 3/4. – С. 121-129.
10. Ледяев, В. Г. Многомерность политической власти: опыт эмпирического исследования / В. Г. Ледяев, О. М. Ледяева / Элиты и власть в российском социальном пространстве. – СПб., 2008. – 268 с.
11. Мартынова, М. Ю. Политическая контрэлита России / М. Ю. Мартынова // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. – 2000. – № 1.
12. Мизес, Людвиг фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Людвиг фон. Мизес. – М., 1993. – 240 с.
13. Николаев, А. Н. Технократическая элита и политическая трансформация / А. Н. Николаева // Свободная мысль, 1996. – № 5. – С. 56-65.
14. Мохов, В. Об определении понятия «элита» / В. Мохов // Общество и экономика, 2008. – № 3/4. – С. 130-143.
15. Мохов, В. П. Государственная бюрократия как инструмент консолидации российских властных элит / В. Мохов // Элиты и власть в российском социальном пространстве. – СПб, 2008. – 268 с.

16. Павроз, А. В. Группы интересов и трансформация политического режима в России / А. В. Павроз. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 360 с.
17. Панов, П. В. Институциональные основания устойчивости и фрагментации политического порядка в постсоветской России / П. В. Панов. – Пермь, 2008. – 245 с.
18. Перегудов, С. Группы интересов и Российское государство / С. Перегудов, Н. Лапина, И. Семенов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 350 с.
19. Пшизова, С. Н. Политические консультанты в системе власти: к постановке проблемы / С. Н. Пшизова // Элиты и власть в российском социальном пространстве. – СПб, 2008. – 268 с.
20. Тев, Д. Б. Капитал и местная власть. К вопросу о предпосылках участия бизнесменов в городской политике / Д. Б. Тев // Элиты и власть в российском социальном пространстве. – СПб., 2008. – 268 с.
21. Туровский, Р. Ф. Баланс отношений «центр – регионы» как основа территориально-государственного строительства / Р. Ф. Туровский // МЭиМО, 2003. – № 12; 2004. – № 1.
22. Фадин, А. Борьба элит в переходном обществе: номенклатура и демократия / А. Фадин // Век XX и мир. – 1991. – № 5.
23. Чугунов, А. В. «Электронное правительство»: формирование его правовой базы в России / А. В. Чугунов // Вестник ФГУ «Государственная регистрационная палата» при Министерстве юстиции Российской Федерации. Научно-практический журнал. – 2009. – № 4. – С. 34 – 46.
24. Шевченко, В. Н. Повседневная жизнь Кремля при президентах / В. Н. Шевченко. – М., 2005. – 304 с.
25. Шкаратан, О. К. Старые и новые хозяева России (от власти отношений к собственническим) / О. К. Шкаратан, Ю. Ю. Фигатнер // Мир России. – 1992. – Том I. – № 1. – С. 67 – 90.

Глава 3. Модели политической элиты

3.1. Геометрическая форма и иерархия взаимоотношений

Считается, что иерархия власти является доминирующей в большинстве обществ, а другие иерархии (социально-профессиональные, сословные, этнические) соподчинены ей.¹⁸ И действительно, структуру политического класса многие ученые изображают геометрически. Геометрия – наилучший способ объяснить и зафиксировать иерархию. Понятно и недальновидному че-

¹⁸ Баландые Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. С. 95.

ловеку, что политический класс имеет пирамидальную форму, содержащую несколько уровней.

Политический класс является правящим не только потому, что он занимается управлением и распоряжается ресурсами власти. Его особенность состоит в институционализации, заключающейся в системе государственных должностей, занимаемых его представителями. Политическая пирамида создается на базе государственных и политических должностей. Т. е. формальный критерий, по которому выстраивается пирамида, – должность, статус; менее формально – размер контролируемого политического капитала, как пишет О. В. Крыштановская.¹⁹

Стандартная остроконечная пирамида актуальна для бюрократических государств, где иерархия пронизывает все сферы политической организации. Такой тип государств называют моноцентрическим, а управляет им единая, монолитная, сплоченная политическая элита*. Пример – советская номенклатура.

В полицентрических государствах (западные демократии), где работает концепция полиархии, рождаются секторы, не имеющие единого центра управления. Монолитную собственность элиты разрушает и частная собственность, и принцип разделения властей и т. д. Пример – французская диархия, американский триумвират или, описанные плюралистами и теоретиками заинтересованных групп, демократические элиты.**

Во Франции, например, существует не просто исполнительная, законодательная и судебная власти, все значительно сложнее. Кроме того, что исполнительная власть во Франции является бифидальной (наряду с президентом не менее значимый политический авторитет, который определяет цели, координирует, принимает решения, следит за исполнением государственной политики наряду с президентом – премьер-министр), сами исполнительные органы фрагментарны, организованы по «принципу исполнительного дуализма». Этот принцип трактуется как соотношение политического курса Президента и Премьер-министра. Каждый из них, как правило, имеет свою команду, категорически настроенную по отноше-

¹⁹ Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. С. 71.

* См. рисунок 1 (ниже).

** См. рисунок 2 (ниже).

нию к курсу другой. Близость их взглядов во французской политической науке трактуется как «дуэт», а несовпадение политических взглядов и курса в верхах исполнительной власти – «дуэль». «Дуэт» и «дуэль»²⁰, употребленные А. Обердорфом как противоположные понятия при описании состояния политической власти в период Пятой Республики, характеризуют сложные юридические отношения в высшей политической элите. Так, политическая элита геометрически выглядит как двуглавая с единым основанием – обществом.

В период V Республики две основные элиты разных идеологических направлений, избранные народом в ходе демократических процедур, по очереди сменяют друг друга.

Правая элита (1958 – 1981 гг. – правления) представлена Союзом за французскую демократию с д'Эстеном, Объединением в поддержку Республики, партией-наследницей де Голля во главе с Ж. Шираком.

Левая элита (1981 – 1986 гг. – правления) представлена Союзом левых сил под руководством Ф. Миттерана. Он включает Социалистическую, Коммунистическую партии, Движение левых радикалов. Дальнейшая история обозначилась как «сосуществование» правой и левой элит.

1986 – 1992 годы. Первое «сосуществование» правых и левых элит. Левый президент, правое правительство и правое Национальное собрание с Союзом за французскую Демократию и Объединением в поддержку Республики.

1992 – 1995 годы. Второе «сосуществование» правых и левых элит. Левый президент, правое правительство и левое Национальное собрание с Союзом за французскую демократию и Объединением в поддержку Республики.

1995 – 1997 годы. Избрание Ж. Ширака. Правый президент, правое правительство и левое Национальное собрание с Союзом за французскую демократию и Объединением в поддержку Республики.

1997 – 2001 годы. Третье «сосуществование». Правый президент, левое правительство и левое Национальное собрание с Союзом за

²⁰ Oberdorff H. L'administration des sommets de l'Etat en France // Revue française d'administration publique. 1997. № 83. P. 411

французскую демократию и Объединением в поддержку Республики.

2002 год. Конец «сосуществованию» элит. Правление правой элиты. Союз за президентское большинство, Союз за французскую демократию.

По гипотезе совпадения президентского или парламентского большинства, в зависимости от идеологической принадлежности руководителей исполнительной власти, 1958 – 1986, 1988 – 1993, 1995 – 1997, 2002 – ... годы характеризуются огромным влиянием Президента, как на политику, так и администрирование. В эти периоды политический режим в большей степени президентский, чем парламентский. Политические и административные решения принимаются Президентом и его службами. Верховная власть в стране принадлежит Президенту республики, который сосредоточивает в своих руках такую власть, какой не располагает ни один глава демократического государства, практически Франция живет как президентская монархия, что отмечалось многими исследователями французского общества.

Периоды несовпадения парламентского и президентского большинства в руководстве государством, т. е. «сосуществования», это 1986 – 1988, 1993 – 1995, 1997 – 2002, характеризуются перевесом в сторону парламентского политического режима. При переоценке значимости премьер-министра и правительства, влияние президента на «администрирование» сокращается, сети принятия решений разделяются, президент более не может блокировать работу правительства, его окружение обретает ассистентскую роль, оставляя роль координатора премьеру и Совету министров.

Таким образом, если президент и премьер-министр занимают одну идеологическую позицию, политическая элита обретает более сплоченный характер за счет сильной власти президента.

Французский ученый Д. Бурмо, излагая представления о юридической власти политической элиты за период V Республики, выделяет три вида правления: монархия (1958 год, власть в руках Президента республики, персонализированная власть с трудом входит в рамки демократии), диархия (эра «сосуществования», открывшая-

ся в 1986 году, субординация двух глав) и полиархия²¹. Период полиархии Д. Бурмо связывает с появлением новых моделей подразделений с элитным руководством – периферия, центр, европейские структуры, разбавившие институционный конгломерат власти и ставшие реалистическим вариантом демократии.

И еще один термин может вызвать интерес в плане изучения структуры политической элиты – стратархия^{***}, описанный автором ряда сравнительных исследований политических систем Италии и других западных стран Джованни Сартори в «Вертикальной демократии». Стратархия – «конфигурация власти без вершины» (нестрогая, усеченная пирамида).²²

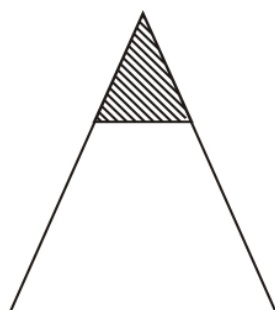

Рис. 1

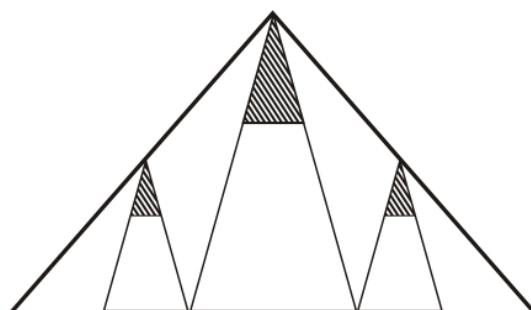

Рис. 2

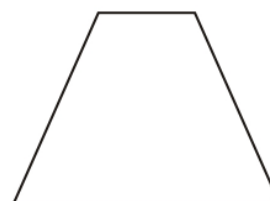

Рис. 3

Даже при условии, что в каждой стране политические ресурсы распределяются равномерно, привилегии не существуют или ограничены, общество самосознательно относится к правопорядку, члены организованы и ответственны, все равно каждая страна обретает собственную «вершину» со складывающейся в итоге стратократии, которая может быть либо сконцентрирована в одной вершине, либо распределена между различными вершинами.

3.2. Сплоченность и фрагментарность как доминирующие характеристики

Степень внутренней сплоченности правящей элиты зависит от степени ее социальной, национальной однородности, доминирующих моделей элитного рекрутирования, преобладающего стиля по-

²¹ Bourmaud D. Les V-es Républiques: monarchie, dyarchie, polyarchie. Variation autour du pouvoir sous la V-e République // Pouvoirs. 2001. № 99. P. 14.

^{***} См. рисунок 3.

²² Сартори Д. Вертикальная демократия. С. 81.

литического лидерства, уровня политической культуры и др. Перефразируя французского теоретика Р. Арона, можно сказать, что если элита слишком разобщена, это означает конец эффективности власти, но, если она слишком сплочена – конец свободе.

За счет чего складывается сплоченная элита? Уместно вспомнить книгу «Миф правящего класса» Джеймса Мэйзела. Автор этого труда в своих рассуждениях пошел намного дальше Г. Моски, который выделял сплоченность и организованность как обязательные качества,двигающие элиты к новым высотам. Исследуя характеристики элиты и определяя элиту не как политический институт, а как некий «клуб», имеющий свои интересы, пространство влияния, дисконты, атрибуты и проч., Д. Мейзел вывел формулу «трех С»: Сознание, Сплоченность, Сговор («*Conscience, Cohesion, Conspiracy*») ²³. Эта формула содержит в себе утверждение, что элита как социальная группа функционирует в рамках властного механизма, включающего не только формальные, но и неформальными компонентами. Иначе говоря, патрон-клиентальные отношения внутри элит приоритетны, за счет чего эта группа обретает свой габитус, сознание, становится замкнутой, сплоченной и автономной от других групп общества. От плотности отношений зависит успех/неуспех функционирования этого централизованного механизма, расширение /сужение зоны влияния, обогащение/истощение ресурсной базы (административной, экономической, политической) и т. д.

Такое объединение на уровне габитуса вызывает ощущения сговора, таинственности, в народе называется «круговой порукой», но важнее всего представляется результат подобных лояльных взаимоотношений внутри группы: самосохраняемость и самовоспроизводство. Отсюда и понятие «закрытый, замкнутый сегмент общества». «Справедливо и то, что до тех пор, пока элита живет и процветает как социальный класс или как группа лиц, занимающих командные позиции, она будет отбирать для себя и формировать людей определенного склада и отвергать других. То, чем становится человек, его моральный и психический облик, в значительной мере определяется воззрениями и взглядами, влиянию которых он подвергался на своем жизненном пути, и той общественной ролью, ко-

²³ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 86.

тору ему предназначают и дают возможность добиться», – пишет Ч. Райт Миллс²⁴.

По мнению О. В. Крыштановской, *сплоченность* является ключевой характеристикой элиты, которая вытекает из логики ее существования²⁵. Элита, будучи группой, конституирующей социальное неравенство и пользующейся его плодами, заинтересована в неравном распределении ресурсов. Власть, являющаяся функцией элиты, не сможет быть осуществлена, если у одних будет столько же ресурсов, сколько у других. Контроль над большинством ресурсов является необходимым условием существования как самой власти, так и группы власть имущих. Поэтому сущностной чертой элиты, выражением ее внутренней природы становится охрана неравенства, что и делает ее группой, отгороженной от масс, группой людей, связанных тесными взаимоотношениями, обусловленными общей целью.

Индивид, инкорпорируясь в элиту, наделяется политическим капиталом, который он наращивает на протяжении своей карьеры. Получив контроль над ресурсами при инкорпорации и привилегированное положение, элита оказывается в опасном окружении людей, которые стремятся к равенству распределения общественных ресурсов. Эти люди являются классовыми врагами элиты, и от них требуется защита. И такая защита возводится в виде законов или иных правил игры, выражающих интересы элиты, в виде системы санкций для нарушителей принятых установлений. Оборона своих позиций и является тем обстоятельством, которое вызывает к жизни внутригрупповую сплоченность.

Подобно тому, как консолидируются угнетаемые группы, элита испытывает ту же потребность к сплочению для противодействия давлению масс. Однако такое единение против угроз внешнего мира не делает элиту абсолютно монолитной группой. Ее внутригрупповые интересы подчас приобретают такую остроту, что становятся предметом общественного внимания. Поэтому, когда мы говорим о сплоченности как об одной из ключевых характеристик элиты, мы имеем в виду лишь то, что значение этого показателя здесь гораздо выше, нежели у других групп общества.

²⁴ Миллс Ч. Р. Властвующая элита. С. 40.

²⁵ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 87.

Современные элиты хорошо помнят результат политики «единственной направляющей» партии во время существования СССР, понимают пороки складывающейся системы и поддерживают идею создания серьезных оппозиционных структур. В идеале оппозиционность в федеральном масштабе означает претензию на альтернативный курс, что ведет за собой «искусственное» наращивание оппозиционных сил. Досрочный роспуск нижней палаты в российской Госдуме, резко выросшая активность прокремлевских политиков, ускоренное написание партийной программы «Единой России», «условное» развитие многопартийности и политической конкуренции в стране, доминирование одной крупной силы, «партии власти», критика думской оппозиции в адрес Единой России по поводу ее позиционирования в качестве силы, основывающейся на консервативных ценностях (в рамках демократических методов это может вылиться в нечто подобное КПСС). Результат этой вереницы событий все равно привел к сплочению политической элиты под крышей «Единой России». Внешние черты политики - многопартийность, политическое многообразие как конституционный принцип, гарантированный статьей 13 Конституции РФ²⁶. Латентная реальность – направленность российской политической элиты на сохранение статуса-кво, десятилетиями обеспечивающий ей контроль над властью и собственностью. Политическая практика показывает, что курс на сплочение элиты вокруг «Единой России» излишне нацелен на поддержку одной «доминирующей» партии.

Групповое самосознание у элиты возникает на основе «защиты» своего привилегированного положения. С этой качественной чертой политической элиты хорошо знакомы французские исследователи элиты Высшего корпуса. Авторитетный ученый Эзра Сулейман называет элиту Высших корпусов «государственной» (les élites d'Etat), так как она формируется государством и предназначена служить ему же. Элиту Высших корпусов отличают от других элит (военной, религиозной, интеллектуальной, академической) на том основании, что их власть и их влияние проходят через особый сектор, – сектор управления страной, в то время как другие элиты специализированы в своих узких сферах. «Элиты Высших корпусов специализированы вторично, благодаря чему у них есть возможность обладать ключевыми позициями во многих других секторах»²⁷, – подчеркивает Э. Сулейман и добавляет, что элита Высших корпусов сильно структурирована и организована, а если

²⁶ Конституция Российской Федерации. Глава 1.

²⁷ Suleiman E. Les élites en France. Grands Corps et Grandes Ecoles. Paris, 1979. P. 20.

ее представителям «случалось критиковать систему», они все равно поддерживали и защищали ее организацию, «при нападках на элиту как таковую, всяческие разногласия внутри нее отставлялись в сторону»²⁸.

Являясь «творцами» и «особой чертой французской культуры», Высшие корпуса имеют свой деонтологический код, свой язык, способ мышления, стиль действий, присущий только им. «Присутствие членов корпусов за административными пределами внесло определенный вклад в пропаганду этой системы. Успех в экономической и политической сферах связан с владением этой культурой, что облегчает отношения между теми, кто принимает решения»²⁹, — пишет М.- К. Кеслер.

Более наглядно можно рассмотреть феномен группового сознания на примере советской номенклатуры. Понятие «номенклатура» было ключевым словом для идентификации членов политического класса в СССР и означало наличие некоей ментальной, а не только институциональной общности. Эта ментальная общность формировалась на разных уровнях осмысления групповых интересов и далеко не всегда означала простую идентификацию себя с классом, группой, стратой или статусом. Сознание элиты подразумевает скрытые от сторонних наблюдателей коммуникативные коды, играющие роль паролей для распознавания «своих». Но не только язык кодировал смыслы, вся совокупность коммуникаций в элитной сфере была зашифрована. Правила игры, нигде не прописанные и не зафиксированные, представлялись ребусом непосвященным, но были ясны и прозрачны для инсайдеров*. Назначение на должность или избрание были лишь первой ступенью капитализации инсайдера. Его дальнейший путь полностью зависел от элитной социализации (инкарцерации), которая была второй в его жизни важнейшей попыткой адаптации к новой среде. Но если первая — юношеская — социализация открывала индивиду новый мир бесконечного выбора, то вторая этот мир закрывала, хотя взамен предлагала новый — маленький, но бесконечно привлекательный мир элиты. Этот новый мир означал высокий престиж, причастность к общегото-

²⁸ Там же. С. 201.

²⁹ Kessler M.-C. Les Grands Corps de l'Etat. Paris. 1986. P. 339.

* От англ. Inside – внутренний, внутренняя часть, предел. Здесь – члены внутреннего элитного круга, термин, использующийся в работах О. Крыштановской.

сударственным решениям, высокую степень защищенности, многочисленные привилегии, групповую поруку, взаимопомощь, обмен ресурсами и проч.

Связи. Сплоченность элитной группы вокруг общих интересов усиливается еще и возникновением множественных неформальных связей, личных взаимоотношений между членами крайне узкой элитной группы. Неформальные связи становятся результатом обмена ресурсами (административными, экономическими, политическими и пр.). Границы между служебной деятельностью и частной жизнью размываются. В отличие от веберовских идеальных бюрократов, представляющих собой «общество с ограниченной ответственностью», элита функционирует в режиме «ненормированного рабочего дня». Ее право на частную жизнь растворяется в необходимости постоянно быть на связи с другими членами элиты для того, чтобы быть всегда в курсе происходящего, иметь возможность всегда вовремя отреагировать на просьбу политического партнера, услугами которого уже была необходимость пользоваться чуть ранее. Сплоченность элитной группы провоцирует в обществе структурированные клиентелы, и в регионах, и на федеральных уровнях, и в России, и в других странах, а в трудах исследователей (Н. Лапиной, А. Чириковой, Р. Туровского и др.) появляются тезисы об «олигархическом регионализме», «олигархическом монополизме», об олигархах, нуждающихся в политической «крыше», о работе «на своих», о «лояльных» и «нелояльных» власти экономических субъектах. А неадекватные, то есть не устраивающие или власть, или деловые круги, характер внутриэлитных взаимоотношений порождает неинституализированные и дисфункциональные политические конфликты».³⁰

О. В. Крыштановская, подробно исследовавшая этот аспект элиты, абсолютно адекватно выводит свою формулу качественных перспектив представителей политической элиты:

1) чем более узким и специализированным ресурсом располагает тот или иной член элиты, тем большие связи нужны ему для осуществления накопления капитала и своего статусного роста; 2) чем более высокий ранг у инсайдера, чем более универсальными ресурсами он располагает, тем в меньших связях он нуждается. Сам

³⁰ Бирюков С. Региональная политическая власть и механизмы ее осуществления. С. 176.

он не испытывает потребности в обмене, но другие нуждаются в его услугах.

Таким образом, низшие страты элиты стремятся к расширению группы и клиентальных сетей, а высшие страты – к ограничению и сокращению, если их не пугает вырождение, интеллектуальный кризис и т. д. В результате, «карцерная топ-элита вообще перестает испытывать необходимость в расширении связей и становится самой труднодоступной группой общества»³¹.

Здесь уместно также добавить, что в поле российской политики элитарных групп часто употребляются такие понятия, как «клан», «коалиция», «картель», «корпорация» и т. д. И это вполне правомерно, что доказывает и теория российского исследователя элит О. Гаман-Голутвиной об основаниях внутриэлитной консолидации, ведь хотя кровнородственные или этноконфессиональные связи не являются обязательным признаком российских элит, для них характерны все те качества (закрытость, клиентелизм, сугубо корпоративная, партикулярная ориентация), которые составляют существо клановых отношений. Одной из наиболее характерных черт современной правящей элиты России является сращивание государственной власти с бизнесом. Место и связи в политической системе стали главным фактором приумножения собственности, а собственность превратилась в мощный источник политического влияния.³²

Уникальное исследование в области сращивания власти и бизнеса, двух основных составляющих элитных секторов любого государства, но на русском материале проведено С. Ю. Барсуковой. Российский ученый, анализируя понятия теневого бизнеса (который, естественно, может иметь самые разные объемы и уровни, от незначительных до крупных) и теневой политики (которая всегда реализуется на достаточно высоком уровне, обязательно касается уровня политической элиты), констатирует факт тесной взаимосвязи политической и экономической элит в сфере реализации взаимовыгодных интересов. Теневой политикой автор называет «политическую деятельность по формированию экономического неравенства как инструмента реализации интересов отдельных экономиче-

³¹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 90.

³² Гаман-Голутвина О. Определение основных понятий элитологии. С. 14.

ских агентов вопреки декларируемым целям развития». ³³ Фактически речь идет о приватизации политики, т. е. решения политических элит отражают интересы отдельных экономических «игроков», имеющих возможность влиять на власть. В этом качестве политика используется как технология передела рынка, установления сфер влияния, устранения конкурентов и т. д. Политический ресурс становится способом включения в экономическую борьбу.

Еще совсем недавно (в конце 90-х) «захват бизнеса» властью в России означал создание чиновниками и политиками «своих» фирм, через которые прокачивались государственные ресурсы, или, как вариант, властные решения обменивались на долю собственности в бизнесе, что служило в большей степени корпоративным интересам политической элиты в самосохранении, чем обогащению ее отдельных представителей. Защищаясь от усиливающейся интервенции власти, бизнес уходил в «тень». Правящая власть была озабочена лишь тем, чтобы этот «поход» был ей подконтролен. Принципиальных возражений не было, поскольку теневая экономика служила финансовым донором теневой политики» ³⁴. Теневая экономика и теневая политика воспроизводят друг друга. Экономические агенты «тневизируют» политику, покупая места во властной иерархии, продвигая своих людей на выборах и финансируя политические партии. В свою очередь, политика «тневизирует» экономику, используя ее в качестве финансового источника реализации политических проектов. При этом речь идет не о сращивании теневой экономики и теневой политики как двух негативных, но автономных явлений, а об их взаимообусловленности. Теневая экономика и теневая политика не существуют в России порознь; они представляют собой две стороны единого процесса восстановления властной иерархии как основного принципа распределения экономических возможностей, считают российские исследователи.

Итак, важнейшими характеристиками элиты как социальной группы считаются сплоченность, осознание групповых интересов, развитая сеть неформальных коммуникаций, наличие определенных норм поведения, кодового языка, отсутствие четкой грани, разделяющей служебную деятельность и частную жизнь. Иногда эли-

³³ Барсукова С. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания. С.6.

³⁴ Там же. С.42.

там приписывается некий эзотеризм*, что их возвеличивает, безусловно, но не всегда находит отражение в реальной политической практике.

Примечательно, что осознание внутриэлитных групповых интересов, как подтверждает практика, становится зачастую местом преткновения, точкой конфликтности между элитами. С точки зрения демократии, деятельность элит непосредственно определяется интересами населения, но, с точки зрения демократического элитаризма, который подробно описывают американские ученые Т. Дай и Т. Зиглер, элиты слабо подвержены влиянию со стороны основной части населения, они строят свою деятельность согласно правилам и нормам по преимуществу внутриэлитарного характера. Следует ли из этого, что государственную политику образуют скорее не требования масс, а интересы господствующих элитарных слоев, а основные перемены в политическом курсе осуществляются изнутри элитной группы? Согласно основным канонам политической элитологии, – да, кроме того, в обществах могут складываться глубокие противоречия между интересами элитарных групп, что ведет к внутренним расколам, внутригрупповой конкуренции, дифференциации ценностных установок в обществе и фрагментации элит.

Итак, на фоне внутриэлитных изменений общество получает дифференцированную или фрагментированную элиту.

Опасна ли она для общества? С одной стороны, конкуренция идей, по крайней мере, отодвигает элиты и общество от застоя, а в перспективе равновесие нарушается, и верх одерживает одна из более сильных позиционных линий элиты. С другой стороны, раскол в элитах приводит к расколу в обществе, и тогда неизбежна рево-

* Эзотеризм (от др.-греч. – внутренний) — конус специфических взглядов о глубинной мистической (неочевидной) сути эволюции Мира, цивилизации и человека. В эту сферу входят концепции, учения, доктрины, пути и практики самопознания (постижения тайного знания о психологической и надперсональной природе человека). Зрелым эзотерическим мировоззрением способны овладеть немногие одарённые индивидуумы (в силу трудности расширения объёма персонального сознания), которых называют Посвящёнными, Мастерами, Духовными Учителями. Сами эти «титутлы», чрезвычайно популярные сегодня, условны и уже не отражают реальный уровень развития самих носителей. Чёткого признака развитости не существует, но есть косвенные признаки, присущие лишь развитым индивидам: широкий взгляд на мир, способность видеть здравую парадоксальность явлений и суждений, юмор.

люция, гражданская война и проч. Порой дифференциация элит несет конформизм в население, усталость общества от вечного непонимания происходящего и... абсентеизм.

Структура элиты в разных государствах (унитарные, федеративные, монархии, республики и проч.) неодинакова, и в науке об элитах сложилась группа теорий, которые различаются по количеству субъектов управления в обществе. Эта группа теорий во многом иллюстрирует геометрические модели элит (единая консолидированная элита, двуглавая элита, триумвират, дифференцированная элита или плюралистичная).

При описании структуры американской элиты ученые Т. Дай и Х. Зиглер употребляют сочетание «*единая, унифицированная система элиты*»³⁵. В этой системе, существующей обычно в штатах с однообразной экономикой и слабыми, не способными конкурировать партиями, политику штата определяет сплоченная группа монополий. В пример этого типа системы элиты исследователи приводят штат Мэн. Речь идет о том, что бразды правления открыто и крепко держит в своих руках небольшая группа представителей монополий, ведающих энергетической, деревообрабатывающей и легкой промышленностью («большая тройка»). Благодаря своим ключевым позициям в экономике штата они объединились в сплоченную экономическую элиту. При условии, что более 3/4 территории штата покрыто лесами, большинство из которых принадлежит деревообрабатывающим компаниям и компаниям по производству бумаги, эти компании вместе с энергетическими монополиями и корпорациями по производству волокна и обуви контролируют политику в штате Мэн, преследуя собственные экономические интересы. Господство «большой тройки» оспаривалось только изредка и безрезультатно.

«Унифицированная элита» хорошо просматривается на французском варианте элиты. Во Франции уже давно наблюдается тенденция к сближению политики и администрации. Эти две группы воспринимаются как две части одного целого. Традиции абсолютной, монархической и имперской власти, которые сменил якобинский и наполеоновский централизм, во многом содействовали тому, что политическая власть во Франции долгое время осуществлялась

³⁵ Дай Т. Демократия для элиты. С. 317.

централизованной администрацией с четко установленной субординацией. Поэтому как синонимичные употреблялись понятия высшей администрации, высшей государственной службы и высшей политической власти^{*}. Ф. Бро, подчеркивая неизбежную связь политики и администрации, утверждает: «На самом деле политики сами ничего не решают, но в постоянном взаимодействии с партнерами, которые принадлежат государственному аппарату (т. е. с высшими функционерами), или даже с теми, кто в абсолютном смысле к нему не относятся (крупные начальники, руководители профессиональных, профсоюзных, ассоциативных организаций и т. п.)»³⁶.

Анализ структур элит американских штатов вполне отражает ситуацию целых государств, поэтому имеет особое значение при исследовании этого аспекта элиты. Итак, в штатах с недиверсифицированной экономикой встречается другой тип структуры: *господствующие элиты среди прочих элит*. Однако в таких штатах может существовать довольно сильная партийная система и относительно сплоченная партийная группировка в легислатуре. Отличительной чертой типа «господствующие элиты среди прочих элит» является преобладающее влияние представителей одной отрасли промышленности. Т. Дай и Х. Зиглер иллюстрируют этот тип элит как всемогущие компании «Анаконда» в Монтане, Дюпона в Делавэре, нефтяных компаний в Техасе и Луизиане, угольных компаний в Западной Виргинии и т. д. Эти компании действительно контролируют политику штатов, но есть много политических вопросов, в решении которых они не принимают активного участия. Да, но только потому, что эти вопросы не интересуют руководство компаний. Их авторитет столь высок, что и законодательство никогда не противоречит интересам этих корпораций.

Биполярная структура элиты – структура типичнее всего для промышленных, с высокой долей городского населения, конкурентоспособных штатов с сильными, сплоченными политическими партиями. Прототипом этой формы является Мичиган. Экономика Мичигана промышленная, а не аграрная, но она однолика и в значительной мере зависит от автомобилестроения, где занята основ-

* Булдакова Л. В. Высшая политическая элита Франции. С. 40-48.

³⁶ Braud P. Sociologie politique. P. 333.

ная часть рабочих. Однако владельцы автомобильных заводов не определяют политический курс в Мичигане, так как в качестве уравновешивающей силы им с успехом противостоят организованные в профсоюзы рабочие. Профсоюзы и предприниматели в Мичигане имеют «собственные» политические партии. Поляризация в системе элиты сопровождается сильной конкуренцией между хорошо организованными, сплоченными и дисциплинированными демократической (профсоюзы) и республиканской (предприниматели) партийными организациями.

Плюралистическая структура элиты типична для штата с многоотраслевой экономикой. Самая разнообразная экономическая система в стране сложилась в штате Калифорния, как утверждают Х. Дай и Х. Зиглер. Однако ни одна из монополий или монополистических группировок не определяет политику Калифорнии. Вместо этого множество элит делят господство над отдельными областями политики. Каждая элита концентрирует внимание на вопросах, непосредственно влияющих на ее экономические интересы. Иногда экономические интересы элит противоречат друг другу, однако в целом они уживаются мирно, а не конкурируют. Политические партии при плюралистической системе элит отличаются меньшей сплоченностью и дисциплинированностью. Экономические элиты опасаются слишком связывать себя с определенной партией; иногда они даже вносят деньги в избирательные фонды кандидатов оппозиции, чтобы обеспечить защиту своих интересов, независимо от того, какая партия или кандидат победят на выборах.

3.3. Циклы элит

Процесс смены правящих элит контрэлитами был основательно описан впервые в теории В. Парето о правящем классе и в свое время получил название циркуляции. Сегодня основные положения теории остаются актуальными, но периодически обрастают новыми гипотезами.

Циклами элит называют внутренние качественные и функциональные изменения политической элиты, которые просматриваются особенно явно. В каждой политической системе циклы определяются совершенно самостоятельно, так как на характер конкретной

политической элиты и уж тем более ее трансформацию значительное воздействие оказывают особенности страны (исторические, экономические, социальные, политические, правовые и т. п.), где она доминирует.

Идентификация цикла политической элиты и создание обширной константной характеристики этой группы возможна в момент ее существования, но параметры цикла представляются более объективными, когда цикл завершен и налицо переход к следующему. Каждый последующий политический цикл «востребует» контрастное лицо: имидж следующей элиты строится, как правило, **на контрасте** с предыдущей элитой. Каждая последующая элита **меняет политику** предыдущей элиты.

Когда советскую номенклатуру реально сменила горбачевская перестроечная элита, принеся перемены, которые ассоциируются с распадом Советского Союза, переделом собственности, сменой политического курса и т. д. Первое, чем занялась ельцинская когорта, – это критика всей перестройки и политического режима. В. Путин и его команда не позволили стране развалиться совсем, поднимая международный авторитет России, обеспечивая экономический подъем, взяв курс на стабилизацию политической системы. И в работах политологов особенности элиты этого периода описываются с символом «путинская». Приход нового президента без особых качественных изменений не означает нового цикла элиты.

Теоретики политической науки подчеркивают идею о том, что политическая элита и ее роль в государстве изменяется под влиянием социальных изменений в стране и в мире: «Политиком не становятся просто в какой-нибудь стране, просто в какой-нибудь момент, но в зависимости от ситуации и от институтов, в которых он оказывается. Управление экономическим кризисом требует иных качеств, чем помощь стране при военной опасности»³⁷. Поэтому «всякий строй пытается формировать свою элиту для эффективного осуществления власти. ...Элита – не ситуационное образование, а совокупное порождение всех процессов политической социализации и политического участия»³⁸.

³⁷ Grawitz M., Leca J. *Traité de science politique*. Vol. 3. С.35.

³⁸ Ольшанский Д. В. *Политико-психологический словарь*. М., 2002. С. 552.

Во многих странах, во Франции, в первую очередь, ярко проявляется цикличность политических элит при смене руководства в зависимости от правой или левой идеологии. Левым элитам характерны приоритеты интернационализма, прогрессивизма и т. п. Правым – национализм, консерватизм и т. п. Циклы правых и левых различаются:

- по отношению к политическим, экономическим и социальным институтам,
- по стратегии политической элиты в отношении демократических институтов особенно (выдвижение на первый план парламента как органа власти, представляющего народ, децентрализация как расширение народного самоуправления),
- по акцентам экономической и социальной политики,
- по характеру деятельности государства в целом,
- по выдвижению новых когорт руководителей и по многим другим пунктам.³⁹

Внутренние качественные и функциональные изменения политической элиты – циклы – порой проявляются параллельно с процессами концентрации, централизации, деконцентрации и децентрализации власти. Они касаются всех сфер деятельности в государстве: политической, экономической, социальной и т. д., и поэтому не могут не отразиться и на характере политической элиты. В централизованных государствах политические элиты всех уровней ориентируются на выполнение решений центральной национальной элиты. Местные и региональные элиты наделены совещательными, но не решающими полномочиями. Автономию им приносит децентрализация, хотя они и «в рамках децентрализованной модели находятся на положении ограниченной автономии по отношению к центральной власти и связаны с региональным сообществом, а сфера их компетенций является достаточно зауженной».⁴⁰

Цикл характеризуется **изменением требований** к самой элите. В процессе борьбы за господство и вес в государственных структурах традиционные требования к предыдущей политической элите (ранжирование на основе материальных ресурсов, «фамильного зва-

³⁹ Желтов В. В. Французская Коммунистическая партия и буржуазное государство // Проблемы стратегии и тактики Коммунистического движения. М., 1989. С. 96.

⁴⁰ Бирюков С. В. Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы. С. 130.

ния», занимаемых ранее должностей) сменяются на более прогрессивные (высокий уровень интеллектуальной и духовной культуры кандидатов в элиту, профессиональная грамотность).

Несмотря на то, что циклы сменяют друг друга во времени, каждый цикл имеет свои характерные черты, неизбежно одинаковыми остаются устремления элитных групп: быть вновь переизбранной, иметь успех в государственных органах, не потерять льготы, доход, достаток (из практических), получить признание современников, оставить след в истории (из философских). Аргументированное объяснение схожести элит в различных циклах содержится в трудах П. Бурдьё: когда по принципу социальной мобильности происходит трансляция структуры элиты внутри поля власти, «агент может удержать положение в социальной структуре только лишь ценой реконверсии своего капитала, иначе говоря, изменением условий»⁴¹ (условия помещичьей аристократии на условия функционера, бюрократа). Агенты новой элиты часто представлены потомками старой элиты со всеми присущими этому агенту признаками (социальный престиж, финансовая устойчивость и т. п.), которые просто сохраняются во времени, приспособляясь к новым условиям, принимая более рентабельный вид. Эти реконверсии вменяются объективно в целях избежания девальвации достояния элитной группы, а субъективно воспринимаются как изменения вкуса, жизненного предназначения, интересов. Это объясняет факт схожести большого количества признаков в арсенале политических элит на протяжении многих циклов. Многочисленные исследования позволяют говорить о реконверсии элиты, или о «переодеваниях» политико-административной элиты в зависимости от изменения норм и правил властных взаимодействий. И когда эти «переодевания» радикальны – речь идет о смене цикла. Менее радикальны – о преемственности и продлении цикла.

3.4. Глобальная элита

Следствием современных мировых глобальных тенденций является образование политической системы наднационального уровня, что констатируется в исследованиях по мировой политике. Этот

⁴¹ Bourdieu P. La noblesse d'Etat. Paris, 1989. P. 394.

качественно новый этап в развитии мирового сообщества в результате усиления международной экономической интеграции объединяет отдельно взятые нации и государства в некую глобальную систему, что порождает впервые в человеческой истории глобальный рынок, глобальное производство, культуру и т. д. На фоне такой «глобальной революции» рождаются новые транснациональные акторы, в числе которых – управляющие глобальным миром. Среди исторических вызовов современности встает серьезный вопрос о феномене наднациональности, о том, является ли наднациональная политическая элита активным субъектом происходящего, вписывается ли в современность этот новый политический актор и можно ли его воспринимать в качестве нового этапа в элитологической теории? На данный момент процесс институционализации глобальной политической элиты еще находится в состоянии осознания, актуализации в огромном множестве новых аспектов и концептуализации.

В этом плане важны разработки ученых о различных проявлениях наднациональности в мировом и европейском масштабе, о проблемах европейской интеграции и руководства европейского объединения. Среди них ученые США Э. Хаас, А. Вендт, Дж. Маркс, К. Дейч, Р. Ингльхарт, Ю. Хабермас, К. Ясперс, С. Хантингтон, В. Сандхольц, Дж. Зисман; российские ученые – И. Кургинян, И. Мальковская, Б. Макаренко и др.

По канонам классических структурно-функциональных концепций, политической элитой может считаться группа, находящаяся на вершине политического администрирования и выполняющая важнейшие социально-политические функции для значительного количества людей, объединенных в некое сообщество, среди функций – выработка общего политического курса и принятие ответственных решений. Если предположить, что наднациональное образование, реально действующее, имеющее свою строгую структуру, выполняющее функции выработки стратегии развития в области политики, экономики и т.д., также имеет слой, обособленный и занимающий определенно привилегированное положение, то его возможно назвать наднациональной политической элитой.

Таким образом, в современном мире начинается поиск новых терминов для определения этого нового качественного образова-

ния, управляющего обществом в целом, выполняющего роль международного арбитра, в отдельных случаях возвышающегося над руководством отдельных государств и наций.

В современной науке все чаще и чаще встречается инновация «наднациональная», «глобальная» элита; этот термин еще не устоялся, поэтому в различных источниках встречаются инварианты. У французских ученых чаще встречается понятие «гомогенная мировая элита»⁴², которое идентифицирует элиту, состоящую из представительств разных государств, выполняющую объединенную экономическую миссию.

Удачный пример с элитой СССР. Элита Советского Союза действовала как национальная, но с 1991 года стала действовать как глобальная элита. «Связавшая свои интересы и судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, куда она в обход этого народа стремится попасть...» (А. С. Панарин). Формируется наднациональная элита, и в этом её уникальность», – говорит Г. В. Егоров⁴³.

Третье значение и термин – сверхэлита, но коннотация представляется чрезвычайно гиперболизированной. В данном случае эта элита далека от совершенства. Главная характеристика сверхэлиты состоит в том, что она находится по ту сторону социальных и экономических потрясений, независимо от перемены политических форм правления и от передела собственности. В этой идейной основе встречается термин «наднационализм», являющийся оппозирующим понятию «интернационализм». Термин связан с передачей власти новому Интернационалу, «первому в истории человечества штабу управления миром со стороны униженных и обездоленных, без этнических и почвенных различий», который не используют бюрократические государства как инструмент планетарной политики»⁴⁴. Значит, наднациональная элита в этом смысле «характеризует форму существования тех, кто свободен от проблем «земной юдоли» – бедности, болезни, неуверенности в завтрашнем дне, страха перед насилием, бесправность и т. п. – за чужой счет, за счет

⁴² Philippe P. Les variations de l'identité d'élites mondialisées. Режим доступа: http://www.cairn.info/resume_p.php.

⁴³ Понятие селекционное. Режим доступа: <http://kollektorplus.ru/article/2872/>.

⁴⁴ Джемаль Г. Манифест нового Интернационала. Режим доступа: <http://www.kontrudar.ru/material.php?id=51>.

народов, кровью и потом которых эти наднационалы (глобальные корпоративные олигархи, финансовая сверхэлита, наследственная знать, высшее международное чиновничество) питаются».

Если в мире экономики транснациональные корпорации с конкретными именами владельцев прочно понимаются как мировая экономическая элита, то в политической теории наднациональная политическая элита пока набирает силы.

Объединение национальных экономик в единую глобальную быстро подрывает авторитет и функции национальных правительств, пишет С. Хантингтон в работе «Мертвые души: денационализация американской элиты»⁴⁵. Подобное мнение преобладает среди руководителей транснациональных корпораций глобального масштаба, политических бюрократов, имеющих глобальный спрос, способных, благодаря своим профессиональным возможностям, продолжать карьеру посредством продвижения от страны к стране. Считается, что доминирование норм международного права и международных институтов снижает чувства патриотизма и национализма у политиков наднационального уровня.

В 1953 году руководитель General Motors, выдвинутый на пост министра обороны, провозгласил: «Что хорошо для General Motors, то хорошо для Америки»⁴⁶. Как бы его ни критиковали, так или иначе некоторые интересы корпорации совпадали с интересами страны. В подобных глобальных операциях расширились и обосновались и другие частные корпорации со штаб-квартирой в США. Постепенно они стали «менее американскими»: с 1990-х годов «Форд», «Этна», «Motorola», «Кимберли-Кларк» решительно и четко определились как многонациональные. По словам Адама Смита, «собственник земли неизбежно является гражданином конкретной страны, в которой находится его имущество... но собственника акций правильно назвать гражданином мира, и это не обязательно прилагается к какому-либо конкретному государству». Они превращаются в современных транснациональных бизнесменов. Резюмируя беседы с руководителями 23 американских многонациональных корпораций и некоммерческих организаций, Джеймс Дэ-

⁴⁵ Huntington S. Dead Souls: The Denationalization of the American Elite. The National Interest. Режим доступа: <http://www.freerepublic.com/focus/news/1111567/posts>.

⁴⁶ Там же.

висон Хантер и Джошуа Йетс сделали вывод: «Эти элиты являются космополитами: они перемещаются по миру, и область их ответственности все расширяется. Они считают себя «гражданами мира». Они обладают всем, что скрывается в понятии «космополит»⁴⁷. Итак, в работах С. Хантингтона, Д. Хантера и Дж. Йетс обосновывается термин «глобализирующая элита», «глобальная элита» как следствие участия этих элитных групп в транснациональных институтах, сетях и деятельности.

Глобальные наднациональные элиты по своему структурному положению и функциям находятся на уровне неправительственных и «надправительственных» структур, многочисленных межправительственных консенсусов, общемировых форумов, саммитов, конгрессов, чьи совместные коллективные решения в наши дни активно формируют «вселенский» взгляд на мир⁴⁸. Этот подход, с одной стороны, «привязан» к стратегическим национальным интересам, с другой – не сторонится глобальной политической игры. Именно в этом «вселенском» подходе к социально-политическим трансформациям есть место для дифференциации элиты на следующие уровни – местный, региональный, национальный и наднациональный.

Наднациональный уровень элиты заслуживает право на существование и с точки зрения местоположения этого субъекта в мировой институциональной структуре, и с точки зрения выполнения особых наднациональных функций. Так, в самых общих чертах, национальная элита государства (Ирана, например), получившая поддержку в своей стране только у влиятельных групп, но легитимизированная со стороны наднациональной элиты, получает значительные преимущества и признание среди населения своей страны.

Когда встречается сочетание «глобальная элита», то во многих случаях речь идет об элите, «выросшей» до мирового уровня и претендующей на мировое господство. В рамках этого подхода функционируют также понятия «мировое политбюро», «геополитический клуб», «Большая восьмерка», обозначаемая как G8. По сути, это коалиция восьми самых крупных стран с сильно развитой

⁴⁷ Huntington S. Dead Souls: The Denationalization of the American Elite. The National Interest. Режим доступа: <http://www.freerepublic.com/focus/news/1111567/posts>.

⁴⁸ Мальковская И. А. Трансформация государства и эволюция публичного администрирования в условиях глобализации (актуализация европейского опыта для России). С. 28.

экономикой и демократией. Судьбы мира решаются посредством этой организации, руководителями таких держав, как Великобритания, США, Франция, Италия, Германия, Канада, Япония, Россия. В некотором смысле они характеризуются как «правители мира».

Это собрание лидеров имеет тенденцию к расширению. «G8 превращается во что-то большее, но возникает путаница: кто правит миром, кто задает направление?» – говорит эксперт по глобальному управлению Колин Брэдфорд из Института Брукингса⁴⁹. В подобном заявлении улавливается намек на элитность, ограниченность доступа в собрание для сохранения элитных позиций и опасение, со стороны, например, Франции и Италии, что в сравнении с более мощными экономиками их влияние пропадет.

Тем не менее саммит G8 разрастается в перспективе до G8+G5 (Китай, Индия, Бразилия, Мексика, ЮАР) и G20. Встреча лидеров государств G20 состоялась в рамках обсуждения проблематики мирового экономического кризиса 2009: мировые финансы, окружающая среда, климат, бедность, безопасность, реформы в отношении новых мировых политических институтов и пр. Итак, в перспективе «большая двадцатка» – это «качественно новая единая структура, отвечающая за все», так как экономические вопросы переплетаются с политикой и стратегическими интересами⁵⁰. Как только появляется структура, возникает необходимость рассмотрения ее внутреннего устройства. Лесли Склэйр предлагает в своих работах структуру доминирующего «глобального класса».⁵¹

Л. Склэйр подчеркивает, что глобальные элиты могут задавать не только направленность и форму интеграции, но и правила вхождения в мировое сообщество. В силу специфической природы политической власти глобальная бизнес-элита является определяющей при выработке курса в отношении той или иной страны. Политические институты обычно ориентируются на рекомендации экономических агентов, поэтому игнорировать значимость мировой бизнес-элиты в процессе институционализации глобальной политической элиты невозможно.

⁴⁹ Прокопьев И. Точка G//Русский Newsweek. 2009..№ 29. С.32-33.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. таблица 1. Sklair L. Competing Conceptions of Globalization // Journal of World-Systems Research. 1999. Vol.5, No.2. P.156. Режим доступа: <http://csf.colorado.edu/jwsr>.

Таблица 1

Транснациональный капиталистический класс

Транснациональные практики	Ведущие институты	Агенты интеграции
<i>В экономической сфере</i>	<i>Экономические силы</i>	<i>Глобальная бизнес-элита</i>
Транснациональный капитал	Глобальные ТНК	
Международный капитал	Мировой Банк, МВФ, Банк международных расчетов	
Государственный капитал	Государственные ТНК	
<i>В политической сфере</i>	<i>Политические силы</i>	<i>Глобальная политическая элита</i>
Исполнительные органы ТНК, «глобализирующие» бюрократы, политики и профессионалы	Глобальные организации бизнеса, ВТО, партии и лоббистские структуры	
Региональные блоки	ЕС, НАФТА, АСЕАН	
Транснациональные корпорации**	ООН, неправительственные организации	
<i>В культурной и идеологической сфере</i>	<i>Культурно-идеологические силы</i>	<i>Глобальная культурная элита</i>
Консумеризм*	Магазины, масс-медиа	
Транснациональный неолиберализм	«Мозговые центры», элитные общественные движения	

** ТНК фактически решают не только вопросы нового экономического, но и политического передела мира. Свидетельством роли, которую играют транснациональные корпорации в мировой политике, явилось создание при ООН Центра и Комиссии ООН по ТНК. Интересы ТНК стоят за войнами и госпереворотами в странах Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, за сменами правительств в Европе и Азии. Сегодня ТНК превратились из субъектов в объекты международной политики, активно участвуя во всех глобальных процессах, происходящих в мире. ТНК широко проявляют себя в политике, экономике, в финансово-инвестиционной, информационной, научно-технической, военной, технологической, экологической сферах. Во внешней политике ТНК реализуют собственную корпоративную дипломатию.

* Консумеризм – от англ. *Consumerism* consumer- потребитель, означает движение граждан или государственных организаций за расширение прав потребителей и усиление их воздействия на продавцов и производителей. В современном мире потребление становится своего рода пагубной зависимостью, когда товары теряют собственную значимость и становятся символом причастности к некой общественной группе. Потребление становится целью и смыслом жизни. Идеология консумеризма игнорирует духовные ценности, поощряет страсти, эмоции, пороки, в то время, как основные религии призывают к их обузданию и ограничению.

Особое место в мире занимает европейская политическая элита. На тех или иных этапах европейской интеграции исследовались ее различные аспекты. Так, если в 80-е гг. повышенное внимание уделялось изучению механизма функционирования ЕС, то в 90-е гг. – политическим институтам и политическому процессу: роли групп интересов, политической зависимости между ними и сообществами внутри европейского политического процесса, роли права и Суда ЕС. Западные ученые-институционалисты пытались также уточнить, какое место в европейском политическом процессе занимает Европейская комиссия, которая участвует в формировании повестки дня и одновременно – в функционировании регулятивного механизма в ЕС. Сегодня активно изучается деятельность Европейского парламента – его полномочия при определении приоритетов и утверждении повестки дня, а также весь спектр его влияния на политическую сферу и, конечно, само понятие «наднациональность»⁵².

Крам, Д. Динан и Н. Нугент выделяют значимость и самостоятельность наднациональных органов власти для регулирования наднациональных вопросов: «Наднациональность предполагает существование политической власти над или помимо уровня национального государства, наличие некоторой степени ее автономии от национальных правительств. Таким образом, страны-члены Европейского Союза, создавая наднациональный орган, делегировали ему полномочия в решении ряда задач. Это неизбежно создает некоторые ограничения суверенитета или власти стран-членов, поскольку ими более не осуществляется полный контроль над результатами деятельности наднациональных институтов»⁵³.

В результате наднациональная элита является наиболее институционализированным субъектом европейской политической системы. К числу институтов, в наибольшей мере выполняющих наднациональные функции, относят Комиссию, Суд и Европарламент. Совет министров, который, по идее его создателей, должен был быть выразителем национальных интересов, также в некоторой степени может считаться наднациональным органом. Ведь представленные в нем национальные министры ощущают себя не толь-

⁵² Хохлов И. И. Наднациональность в политике Европейского Союза. С.19.

⁵³ Там же. С. 23.

ко представителями своего государства, но и частью того большого механизма, которым является ЕС, механизмом, который только повышает их репутацию в своих государствах. Институты Европейского Союза — это своего рода орудия наднационального процесса. Несмотря на то, что все принципиально важные положения о Европейском Союзе включаются в договоры, подлежащие ратификации в странах-членах, наднациональный процесс происходит в недрах его институтов и остается в значительной степени скрытым от непосредственного восприятия.

Наднациональные правительства не являются безликими, имперсональными, это люди, которые несут ответственность за основные решения Европейского Союза⁵⁴. Они наполняют институты, организованные по типу иерархии должностей, подобно тому, что российский элитолог О. В. Крыштановская описывает как заполнение ячеек «функционирующей матрицы» Сообщества «элементарными частицами»⁵⁵. Основа такой матрицы, институционального остова политической системы ЕС, состоит из круга лиц, осуществляющих руководство европейскими органами власти, который, по положению во власти, привилегиям и статусам, правомерно назвать наднациональной элитой.

По результатам исследований, например, 7 % наднациональной европейской элиты – выходцы из национальных элит; это бывшие члены парламента, бывший министр иностранных дел и бывший посол.

46 % наднациональной элиты занимались политической деятельностью в своей стране и являлись членами политических институтов; среди них – члены и лидеры партий, сенатор, министры.

47 % наднациональной элиты не являлись представителями национальных политических институтов в своих странах, но занимались политической деятельностью на местном или региональном уровнях. Это люди из сферы образования, космонавтики, науки, экономического сектора, бизнеса, культуры.

Подобные факты говорят о том, что, минуя национальный уровень, у политических акторов есть шанс перейти на уровень надна-

⁵⁴ Там же. С. 21.

⁵⁵ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 65.

циональный, повысив тем самым личный политический капитал и капитал элиты регионального и даже местного уровней.

Европейская наднациональная элита играет определенную роль не только в политической системе ЕС, в первую очередь, в области ее институционального устройства. Она имеет вес как политический субъект и на мировом уровне. Через ее действия мир прислушивается не к каждой отдельно взятой стране, а к Европе в значении единого политического и экономического организма. И на уровне отдельно взятых государств значимость статуса наднациональной элиты достаточно высока. Совет министров, например, который, по идее его создателей, должен был быть выразителем национальных интересов, также в некоторой степени может считаться наднациональным органом. Ведь представленные в нем национальные министры ощущают себя не только представителями своего государства, но и частью того большого механизма, которым является ЕС, этот механизм повышает их репутацию и судьбоносность в своих государствах. Представители наднациональной элиты, благодаря задействованности в европейских мероприятиях, приобретают возможность маневра у себя в стране.

Наднациональная элита отдает себе отчет в том, что сфера внешней политики и безопасности затрагивает и области национального суверенитета стран. Поэтому выработка общего политического курса – очень тонкое, деликатное дело, содержащее множество проблем. Например, принятие на наднациональном уровне решений тяготеет либо к авторитарности, либо к демократичности. Курс, вырабатываемый европейской элитой, является приоритетным и обязательным для каждой страны, решившей участвовать в интеграционном процессе. Лидеры государств оказываются «заложниками» интеграции, соглашаются на ее дальнейшее углубление. И хотя в сегодняшней практике наднациональная элита оперирует в большей степени демократическими способами реализации властных полномочий и считается, что далека от прямого подавления несогласия, в то же время соблюдение унифицированных правил контролируется, а к нарушителям могут применяться достаточно эффективные санкции. К тезису, что европейская элита – это самая демократическая элита, есть свой антитезис. В разрез с общепринятой точкой зрения, внешне лежащей на поверхности, добытой информации из

СМИ и официальных источников, в научной среде данному мнению оппонирует точка зрения известнейшего политолога и философа Юргена Хабермаса. «Политический Союз был сформирован через головы населения и до сего дня остается проектом элит – и функционирует он в условиях демократического дефицита, что объясняется внутриправительственным по своему существу и бюрократическим характером законодательства»⁵⁶. К тому же, он упрекает правительства и элиты европейских стран в том, что у них отсутствует желание сколько-нибудь глубоко и последовательно осмысливать судьбы ЕС, будущего Европы и всего мира. За ширмой официальной политики, с точки зрения американского философа, «евроскептики» и сторонники интеграции блокируют усилия друг друга. Вряд ли безосновательна такая позиция, но на данный момент понятно, что этот аспект не идет в разрез с элитарными теориями, но и подлежит дальнейшему детальному изучению.

Новые перспективы для обоснования уровня наднациональной элиты открыло избрание 20 ноября 2009 г. президента ЕС (им стал бельгийский премьер-министр Херман ван Ромпей, 62 лет), равно как и дальнейшее развитие европейских сетей: E.C.P.R. (European Consortium for Political Research)⁵⁷, T.E.P.S.A. (Trans European Political Studies Association)⁵⁸ или международная сеть I.P.S.A. (International Political Science Association)⁵⁹.

Рекомендуемая литература

1. Бадовский, Д. Система федеральных округов и институт полномочных представителей президента РФ: современное состояние и проблемы развития / Д. Бадовский // Полпреды президента: проблемы становления нового института. – М.: НИИСС: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000.
2. Бадовский, Д. В. Советская политическая элита: от «организации профессиональных революционеров» к номенклатурной системе / Д. В. Ба-

⁵⁶ Мотрошилова Н., Хабермас Ю. Что происходит с Европой? Современная Европа. 2008, октябрь-декабрь. С. 27.

⁵⁷ Европейский консорциум политических исследований. Режим доступа: <http://www.essex.ac.uk/ecpr>.

⁵⁸ Трансевропейская ассоциация политических исследований. Режим доступа: <http://www.tepsa.be>.

⁵⁹ Международная ассоциация политической науки. Режим доступа: <http://www.ipsa.ca>.

- довский // Вестник Московского университета. Серия 1 Политические науки. – 1995. – № 1. – С. 22-36.
3. Бадковский, Д. В. Политические элиты // Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д. Политическая антропология / под ред. В. В. Ильина. – М.: Издательство МГУ, 1995. – С. 207-245.
 4. Барсукова, С. Ю. Теневая экономика и теневая политика: механизм сращивания / С. Ю. Барсукова. – М., 2006. – 48 с.
 5. Лапина, Н. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор / Н. Лапина, А. Чирикова. – М., 2000. – 198 с.
 6. Лапина, Н. Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит / Аналитический доклад / Н. Лапина, А. Чирикова. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 146 с.
 7. Лебедева, М. Мировая политика: учебное пособие / М. Лебедева. – М., 2007. – 368 с.
 8. Мальковская, И. А. Трансформация государства и эволюция публичного администрирования в условиях глобализации (актуализация европейского опыта для России) / И. А. Мальковская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2006. – № 8. – С. 27–43.
 9. Мохов, В. П. Проблемы властных отношений в малых городах / В. П. Мохов // Такая разная Россия. Политические процессы и местные сообщества в малых городах. – Пермь, 2007. – С. 18-23.
 10. Мохов, В. Топология политического пространства / В. Мохов. – Пермь: ПГТУ, 2002.
 11. Воскресенский, А. Д. Политические системы и модели демократии на Востоке / А. Д. Воскресенский. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 190 с.
 12. Магомедов, А. Политические элиты российской провинции / А. Магомедов // МэиМО. – 1994. – № 4. – С. 72-79.
 13. Понеделков, А. Региональные административно-политические элиты России: Прошлое, настоящее, будущее / А. Понеделков, А. Старостин // Политические исследования. – 2008. – № 6. – С. 86–98.
 14. Пушкарева, Г. Государственная бюрократия как объект исследования / Г. Пушкарева // ОНС. – 1997. – № 5. – С. 77 - 86.
 15. Сельцер, Д. Взлеты и падения номенклатуры / Д. Сельцер. – Тамбов, 2006. – 650 с.
 16. Туровский, Р. Центр и регионы. Проблемы политических отношений / Р. Туровский // ВШЭ. – 2007. – 400 с.
 17. Туровский, Р. Итоги и уроки губернаторских выборов / Р. Туровский // Политика в регионах: губернаторы и группы влияния. – М.: Центр политических технологий, 2002. – С. 8-43.
 18. Туровский, Р. Губернаторы и «олигархи»: история отношений / Р. Туровский // Политика в регионах: Губернаторы и группы влияния. – М.: Центр политических технологий, 2002. – С. 76-107.

19. Хохлов, И. И. Наднациональность в политике Европейского Союза / И. И. Хохлов. – М.: Международные отношения, 2007. – 160 с.
20. Шемятенков, В. Г. Европейская интеграция: учебное пособие / В. Г. Шемятенков. – М., 2003. – 400 с.

Глава 4. Формирование политических элит

4.1. Формирование элит в истории политической науки

Идентификация политической элиты и создание обширной константной характеристики этой группы не означает, что она неизменчива. Теоретики политической науки один за другим подчеркивают идею о том, что сама политическая элита и ее роль в государстве меняется под влиянием социальных изменений в стране и в мире: «Политиком не становятся просто в какой-нибудь стране, просто в какой-нибудь момент, но в зависимости от ситуации и от институтов, в которых он оказывается. Управление экономическим кризисом требует иных качеств, чем помощь стране при военной опасности»⁶⁰. «Всякий строй пытается формировать свою элиту для эффективного осуществления власти. Однако элита – не ситуационное образование, а совокупное порождение всех процессов политической социализации и политического участия»⁶¹.

Пополнение правящего слоя, возможности и условия проникновения в круг управляющих всегда на протяжении человеческой истории было в центре внимания исследователей и обывателей. В древней китайской философии преобладали идеи о «благородных» **управляющих во главе с государем по праву добродетели, а не происхождения**, о низах, призванных к смирению, которых нельзя оставлять без присмотра и руководства. Возможные пути социальной мобильности рассматривались при наличии определенных способностей. По канонам древнеиндийской философии переход в высшие слои был невозможен, миром правили носители и толкователи ведической мудрости.

В 4 веке до н. э. Платон воспринимал аристократию как особую организацию души, у нее была монополия на образование и другие

⁶⁰ Grawitz M., Leca J. Traité de science politique. Vol. 3. С.35.

⁶¹ Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М., 2002. С. 552.

блага, а «демос», «чернь», «толпа» **не допускались** к государственному управлению. Через строгое разделение на классы древнегреческий философ приветствовал чистоту высших сословий. За редким исключением, в его понимании возможно повышение по социальной лестнице – «примесь золота» считалась входным билетом в «стражи». Как известно, Аристотель «дарит» миру классификацию форм правления по числу властителей. И в политике (республике) хоть бедные и остаются бедными, но и им выпадают должности, с одной поправкой – бедным, но достойным.

В Средневековом периоде мир представляется как строгая иерархия. Подданные в телесных действиях несут свой крест безропотно, а **Бог избирает** тех, кто будет править. О продвижении в разряд избранных говорить не приходится. Иоанн Солсберийский сравнивает миропорядок с человеческим организмом, доминиканский богослов Фома Аквинский (1225 – 1274) ассоциирует жизнь на Небе с жизнью на Земле. Каждый по-своему видит иерархическую структуру общества, но их объединяет невозможность перестроить уклад, раз и навсегда организованный Богом. Игумен Псковского монастыря Филофей (1465 – 1542) также писал о богоизбранности великокняжеской власти.

Н. Макиавелли (1469 – 1527) доверил бы власть только тем, кто меньше всего к ней рвется, и «все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми», он относит либо к республикам, либо к управляемым единовластно государствам, власть в которых передается по наследству. Бунт вышедших из повиновения масс, по Макиавелли, – это опасность. Но так сложилось, что вся политическая жизнь представляет собой постоянную борьбу правящей элиты и народа: элита стремится крепче держать власть и усиливать угнетение народа, а народ – не быть теснимым властью и уменьшить ее. Это делает невозможной республику, так как **народ и знать, каждый в собственных целях**, в качестве своего защитника выдвигает единоличного правителя.⁶²

Великий московский князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583) выступал за собрание Думы (мудрых советников) при царе, состоящую из бояр (аналог западноевропейской аристократии), которая бы сдерживала абсолютную, деспотическую власть

⁶² Бирюков С. В. История политических и правовых учений. С. 103.

монарха. **Совет при царе, состоящий не только из знати, но и из простых людей**, должен быть гарантией от царского произвола. Курбский был идейным противником Ивана Грозного на том основании, что придерживался идеи сословно-представительной монархии, в то время как Грозный был самодержцем, по его убеждениям, царь несет ответственность не перед людьми, но перед Богом, и «должно» карать непокорных бояр.

Политико-правовые учения Т. Гоббса (1588 – 1679), Дж. Локка (1632 – 1704), Ш.-Л. Монтескье (1689 – 1765) и др. дают анализ современных им правительств и опыта правления античных государств, развивают идеи о человеческой, а не божественной природе государства, о верховной власти, о свободе, суверенитете, равенстве и т. д. Этот период отводит много внимания народу, его согласию на организацию государства. Столь же значимы идеи о разделении властей и принципах правления. Критерии перехода из невластвующих во властвующие изменяются: **править может тот, кто соблюдает закон**, но по-прежнему знатность, интеллект и иные преимущества для попадания в слой управляющих обществом важны.

Сподвижник Петра Первого, входивший в царскую «ученую дружину», Феофан Прокопович (1681-1736) писал о преимуществах **избрания людей из народа на элитные должности** путем баллотировки. Таким способом считалось «можно в правлениях людей достойных иметь», тогда как из высокородных «много негодных в чины происходит». Демократический путь в элиту, как оказывается, рассматривался на Руси еще задолго до Г. Моски и в петровские времена даже апробировался на деле. Пожалуй, с той эпохи периодически в России говорится о народном представительстве во власти устами Александра I, русских идеологов М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева и др. Б. Н. Чичерин (1828 – 1904), университетский учитель В. О. Ключевского, также был уверен, что «парламент дает государству способных деятелей».

В этом ключе работали и А. де Токвиль, Б. Констан, Дж. Ст. Милль и многие другие. Их идеи склонялись к такому устройству, чтобы каждый индивид находил в жизни почти равные средства для реализации своих различных способностей.

Одним словом, всегда существовали определенные требования и ограничения, фиксирующие процесс формирования правящей верхушки, ее наличие в обществе не оспаривалось, хотя всегда было стремление к уравниванию прав и возможностей с различной степенью интенсивности в виде эгалитаристских идей. И если одни признавали переход в правящий класс посредством парламентской карьеры или другими способами, сопровождающимися определенными факторами (достоинством, именем, авторитетом и пр.), то другие, как Ф. Ницше (1844 – 1900), не допускали даже мысли о том, что «масса», «толпа», «стадо» могут заняться руководящей деятельностью. По Ницше, общество не более как фундамент и подмости, на которых стоят высшие существа. Главные аристократические ценности – это власть над народом, поддержание его в рабстве всеми средствами, религией, насилием, рабской моралью и т. д., а также невозможность и нежелание передавать народу и вообще кому бы то ни было свою ответственность, свои преимущества. Т. е. управление обществом и использование земных благ – это преимущество аристократов.

На «внутреннем императиве», жизненной силе, на желании быть лучше, требовательнее к себе, на интеллекте, на подлинном «призвании к самосовершенствованию» базируется возможность достигнуть элитного уровня у Хосе Ортега-и-Гассета (1883 – 1955). Но, жалеет Ортега, основное свойство существа из «массы» – физическая инертность. «Масса» конституируется не на основе какого-то определенного общественного слоя, это некий способ проживания жизни без определенного «жизненного проекта», находя смысл существования в достижении предельной идентичности с другими, стандартизации. «Человек массы» социально безответствен, готовый передоверить всю свою жизнь государственной власти. Да и **подлинная элита стремится** отгородиться от массы, обособиться, чтобы тем самым **сохранить свою элитарность** и свои ценности от «омассовления», признает испанский философ и основатель Высшей гуманитарной школы в Мадриде.

В противоположность такому видению политической реальности и перспективам проникновения в слой управляющих миром, – это неистовые устремления простых людей, пролетариев, к власти. Примечательно, что гипертрофированный классовый подход XIX

века к рассмотрению политических процессов долгое время тормозил появление теорий об элитах. Марксистская пропаганда диктатуры пролетариата предполагала преобразования в пользу воли пролетариата и отстранение от политического руководства господствующего экономического класса. Слабым местом, с точки зрения элитологов, стала смена **старого господствующего руководящего класса на новый господствующий класс**. М. Бакунин критиковал Маркса за диктатуру пролетариата, которая рано или поздно должна была вылиться в диктатуру правящего меньшинства. «Государство диктатуры пролетариата, пропагандируемое Марксом, будет представлять собой «деспотизм управляющего меньшинства», прикрываемый демагогическими фразами о том, что он – выражение народной воли. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, как только станут правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом»⁶³.

В XIX – XX веках гражданские службы становились все более иерархо- и бюрократическими, стал появляться интерес к профессиональной управленческой карьере. На роль главного политического актора все в большей степени претендовала бюрократия. В работах М. Вебера (1864 – 1920) даже встал вопрос о том, что чиновничество не является господствующим классом, а лишь инструментом власти. И так постепенно в научном мире возникла потребность разобраться объективно в проблеме властвующих элит и выявить возможности ее пополнения.

Наиболее основательными стали концепции Г. Моска (1858 – 1941) и В. Парето (1848 – 1923). Г. Моска констатирует, что господствующий класс не является чем-то стабильным, он все время эволюционирует. «С изменением баланса политических сил, когда назревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности отчасти утрачивают свою значимость или же происходят изменения в их распределении, меняется и способ формирования правящего класса. Если в обществе

⁶³ Бакунин М. Программа общества мировой революции // Анархия и Порядок. М., 1989. С. 307.

существует новый источник богатства, если возрастает практическая значимость знания, находится в упадке старая или появилась новая религия, если распространяется новое идейное течение, тогда одновременно и в правящем классе происходят далеко идущие изменения».⁶⁴ Г. Моска начинал с исследований природных явлений, а затем переносил свои знания и результаты на общество. Пополнение правящих классов происходит в двух направлениях, установил Г. Моска, и эти тенденции корнями уходят в процессы эндосмоса (процесс просачивания жидкостей и некоторых растворенных веществ из внешней среды внутрь клетки) и экзосмоса (процесс просачивания жидкостей и некоторых растворенных веществ из клетки во внешнюю среду).⁶⁵ Эти направления были названы аристократическим и демократическим путем (тенденцией).

Аристократическая тенденция выражается в стремлении элитного слоя стать наследственным, закрытым, следствием чего является его застойность и деградация. Эта тенденция ведет к окостенелости и к вырождению общества. **Демократическая тенденция** может сделать политику господствующего класса более гибкой, а его власть более прочной, на том основании, что допускает обновление этого класса наиболее способными к управлению выходцами из более низких страт общества. Эта тенденция проявляется главным образом в периоды социальных изменений, когда происходит пополнение правящего класса наиболее динамичными и способными представителями социальных низов, когда элита наиболее подвижна и продуктивна. Теоретически возможным и оптимальным для правящего класса является синтез обеих тенденций, способный обеспечить как стабильность власти, так и повышение ее эффективности.

Однако, по Моске, правящее меньшинство всегда более или менее консолидируется, имеет тенденцию превратиться в закрытый класс. Все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически. Ученый (а он был также историком, правоведом, политическим деятелем, великолепным лектором) справедливо отмечает тенденцию перехода от более закрытых правящих классов к менее закрытым, от наследственных привилегиро-

⁶⁴ Моска Г. Правящий класс. С. 196.

⁶⁵ Там же. С. 198.

ванных каст, где элита (или, как предпочитает писать Г. Моска, правящий класс) явно ограничена числом семейств, и рождение является единственным критерием принадлежности к ней, — к более открытому обществу, где, в частности, образование открывает путь к правительственным постам. Однако и тут господствующий класс обнаруживает тенденцию монополизировать... в данном случае — монополизировать образование. Элитное обучение доступно лишь немногим индивидам, и это уже им дает преимущества перед остальными. В результате Г. Моска склоняется больше к закрытости элит, к консервативной сохранности преемственности во власти, а если уж обновление, так обновление за счет лучших выходцев из масс. Таким образом, Г. Моске явно ближе концепция трансформации, а не смены элит.⁶⁶

Правящий класс существует при любой форме правления: в деспотических режимах он будет создаваться сверху — деспотом, которому необходимы посредники для управления государством, в либеральных снизу — самим народом. Хотя правящий класс и составляет меньшинство населения, но в любом случае он лучше организован, чем большинство, благодаря чему и образует достаточно стабильную, заинтересованную, замкнутую группу. Моска не принадлежал к числу кабинетных ученых, он принимал активное участие в политической жизни Италии в первые десятилетия XX века. В 1909 — 1913 гг. он дважды избирался депутатом парламента от одного из сицилийских избирательных округов; с 1914 по 1916 гг. был помощником министра колоний, а в 1919 г. стал сенатором. С приходом Муссолини Г. Моска, возглавлявший в парламенте либеральную группу (она была распущена в 1926 г. после запрещения всех партий, кроме фашистской), выразил свое негативное отношение к новой власти. Он был возмущен фашистской диктатурой, которая вела, по убеждению Моски, к тотальному контролю над гражданами общества, и призывал политических и государственных деятелей страны помнить об ответственности за осуществление на практике принципов государственного и конституционного права.

Вместе с тем Г. Моска понимал, что решения, принимаемые в парламенте, не всегда услышаны главными руководителями госу-

⁶⁶ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. С. 225.

дарства и еще более далеки от народа, «некомпетентные» массы становятся постоянно объектом манипуляций со стороны «демагогов». Все это вместе открывает дорогу к «диктатурам». Таким образом, всякая демократия – мираж, утопия, фантазия. Под лозунгом выборов во всем мире кроется самая распространенная модель формирования политической элиты, а не форма контроля масс над руководителем. Он не верил в демократию как концепцию, но только в ее отдельные составляющие. И в тот сложный для Италии период встал на защиту принципа разделения властей, за плюрализм политических сил в их конкурентной борьбе за власть.

Итак, при всей критике концепции народного суверенитета и представительного правления, Г. Моска осознавал, что власть меньшинства должна быть легитимной в той или иной степени, т. е. осуществляться с согласия большинства, иначе общество не будет находиться в стабильном состоянии. Политический класс – не сила, грубо господствующая над массой, а организованное меньшинство, которое обладает моральным превосходством перед пассивным большинством, и поэтому его власть «оправдана». Впоследствии эти идеи станут составной частью теорий политической системы в разделе «Функции политической системы»: функция легитимации политической власти, связанная с оправданием, признанием и принятием существующего политического режима гражданами государства, и функция рекрутирования политической элиты также станет одной из ведущих функций политической системы.

Независимо от Г. Моски пути проникновения в элиту исследовал В. Парето. Его объектом исследований были элиты и контрэлиты. В силу социального статуса и различного рода барьеров, контрэлитным силам трудно достичь желаемой высоты в управлении, потому что правящая элита стремится сохранять свои привилегии и передавать их по наследству, к сожалению, иногда тем, кто не обладает элитарными индивидуальными качествами. Естественно, это ведет к качественному ухудшению состава элиты и одновременно к количественному росту контрэлиты. **Контрэлита свергает правящую элиту** и устанавливает собственное господство, привлекая недовольные правительством массы. На основании таких заключений Парето сформулировал закон циркуляции элит, который, по его мнению, объясняет социальную динамику: одни элиты сменяются

другими, так как социальная система всегда стремится к равновесию и, по истечении одного социального цикла, возвращается к равновесию. Циркуляция элит сводится к рассмотрению политической жизни общества в виде постоянной смены элитных группировок, каждая из которых переживает периоды становления, расцвета и упадка, после чего сменяется контрэлитой мирным или силовым путем.

Парето получил одновременно классическое гуманитарное и техническое образование; большое внимание уделял в жизни изучению математики и физики. После окончания Политехнической школы Парето в 1869 г. даже защитил диссертацию «Фундаментальные принципы равновесия в твердых телах», разработал ряд теорий, названных его именем: статистическое Парето-распределение и Парето-оптимум, находящие широкое применение в области народного хозяйства и в других научных дисциплинах. Таким образом, идея сохранения стабильного динамического равновесия в обществе основывается не только на социологических, но и экономических, физических и математических данных.

Как связана тема диссертации В. Парето с социологическими выводами? Теория циркуляции элит объясняет, по мнению Парето, социальную динамику. Социальная система стремится к равновесию и при выходе из равновесия, по ряду причин, с течением времени возвращается к равновесию. Элиты «возникают в низших слоях общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и в конце концов вырождаются и исчезают... Этот кругооборот элит является универсальным законом истории». Так он объясняет стремление системы к равновесию.

Причина смены одной элиты другой в том, что каждый тип элит обладает определенными преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают соответствовать потребностям руководства обществом. А сохранение равновесия социальной системы требует замены одной элиты другой. Кроме того, использовать ресурсы старой системы в новых условиях практически невозможно, и смена системы предполагает соответствующую смену элит. Это, в частности, означает, что ресурсы, накопленные представителями управленческого класса при старой системе, уже не могут быть воспроизведены и использованы, – нужны новые, и преимущество

получают те, кто смог отличиться в рядах оппозиции. Так, Г. Моска и В. Парето стали не только основателями ценностного подхода в элитологии, но внесли неоценимый вклад в изучение вопроса о рекрутировании элит.

Сегодня рекрутирование элит – предмет многих и долгих дискуссий и в России, и за рубежом. Идеи о том, что элиты должны быть основаны на компетентности и высокой морали, актуальны. Критерии рекрутирования в разных политических системах и даже разных регионах одной системы модифицируются, но всегда устремляются к классическим, и в постмодернистский период эволюционируют от «крови» и «богатства» в сторону таланта и способностей. В демократических политических системах существует развитая сеть законов и подзаконных актов, в рамках которых прописаны параметры отбора в ведущие политические институты, что в идеале позволяет многим рассмотреть личную перспективу, работать в выбранном направлении и стать задействованным в сфере политического управления. Путь в элиту содержит определенные преграды:

1) личностные (социальный статус, образовательный и профессиональный уровень, особенности комбинирования социального, экономического, культурного и политического капитала в семейных рамках среди нескольких поколений и др.);

2) ближайшего окружения (потенциальные возможности поддержки и/или протекции, спонсирование, характер политической социализации и др.);

3) общественно-политические (тип общества, политической системы, жесткость иерархической структуры политических институтов, их взаимоотношения с другими институтами общества (экономическими, правовыми и пр.), уровень развития клиентелистских отношений, персонализация политических постов и приоритеты высшего руководства, значимость роли в обществе/ системе, на которую претендует кандидат и др.).

4.2. Нюансы терминологии в современных исследованиях

Основные идеи о пополнении правящих слоев и терминология этой области исследований неразрывно связаны с обоснованием со-

стояния политической системы. Вряд ли это вызывает сомнение, ведь политическая элита выступает в роли «творца» политического курса, инициатором программ национального развития и даже мирового развития, если речь идет о глобальной элите.

Заполнение высших эшелонов политических институтов, или рекрутирование элиты с целью преемственности политической власти в рамках одной политической системы, является важнейшей функцией любой политической системы. Как утверждают американские теоретики Д. Истон, Дж. Пауэлл, Г. Алмонд и другие, «три функции – социализация, рекрутирование и коммуникация – прямо не связаны с формулированием и осуществлением государственной политики, однако они крайне важны для политической системы. Мы говорим о них как о системных функциях, поскольку они определяют, сохранится ли система либо изменится (скажем, будет ли процесс выработки политического курса по-прежнему контролироваться одной авторитарной партией или военной хунтой, либо на смену им придут состязательные партии и законодательный орган). В политической социализации задействованы семья, школа, средства массовой информации, церковь и все многообразие политических структур, которые вырабатывают, закрепляют и трансформируют политически значимые установки в обществе. Политическое рекрутирование подразумевает отбор людей для политической деятельности и государственных постов. Политическая коммуникация означает движение информации в обществе и внутри различных структур, образующих политическую систему».⁶⁷

В каждой функции политической системы просматривается роль политических элит:

- и в выработке политического курса;
- и в перераспределении власти между политическими институтами в рамках одной политической системы;
- в регулировании поведения населения через информационные каналы посредством разнообразных властных инструментов;
- и в управлении отдельными сферами жизнедеятельности людей: в постановке целей, задач, путей развития общества, в разработке конкретных программ в деятельности политических институтов;

⁶⁷ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 83.

- и в мобилизации средств и ресурсов, необходимых для достижения этих целей и задач. Без огромной организаторской работы элит многие поставленные цели и задачи обречены на заведомый провал;
- и в перераспределении материальных и духовных ценностей в соответствии с теми или иными идеалами конкретного общества;
- и в интеграции общества с целью стабилизации политической системы, и в преодолении конфликтов, кризисов и устранении коллизий;
- и в политической социализации;
- и в легитимации политической власти. В политическом пространстве власть элиты как бы то ни было детерминирована в определенной степени сотрудничеством, кооперацией и, если не партнерскими, то хотя бы союзническими, отношениями с политическими институтами, сообществами, движениями, организациями особенно в периоды избирательных кампаний.

Таким образом, в результате одной из функций политической системы, рекрутирования элиты, рождается сама элита. Затем она оказывается задействованной в реализации других функций уже с высоты своего статуса, преимуществ своего положения, наличных ресурсов.

Итак, **рекрутирование** обозначает процесс, благодаря которому индивиды, обладающие соответствующими личностными качествами и занимающие специфические социальные позиции, делегируются для занятия политических должностей. Это отбор и продвижение людей в активную политическую жизнь, в том числе на руководящие должности в ведущие политические институты. Процесс рекрутирования выступает сложнейшим и неоднозначным процессом многофакторного продвижения по каналам и сетям связей в верхние этажи властной иерархии.⁶⁸

По принципу рекрутирования производится и типологизация элит. Например, А. Шопенгауэр различает три аристократии: 1) аристократия рождения и ранга; 2) денежная аристократия; 3) аристократия ума и таланта. К. Манхейм указывает на: 1) отбор по крови; 2) по принципу владения; 3) по достигнутому успеху.

⁶⁸ Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. №3. С. 14

Доминирование того или иного принципа определено формой организации власти и другими факторами, считает О. В. Гаман-Голутвина. Работы этого известного исследователя предоставляют полную типологию моделей элитообразования⁶⁹.

Процесс проникновения в политический класс в политической науке раскрывается также через такие понятия, как «производство» и «воспроизводство», «элитная мобильность», «элитный трафик», «реконверсия», «циркуляция», «инкорпорация». Сегодня значимыми представляются также проблемы выхода из элитных слоев, один из терминов, обозначающих выход, – «экскорпорация». Эти понятия достаточно часто употребляются в отечественной политической науке и практике.

Суть **производства элиты** раскрывается в концепции французского социолога, создателя теорий социального поля и теории габитуса Пьера Бурдьё (1930 – 2002). Механизм «воспроизводства», считает П. Бурдьё, начинает действовать еще до того, как индивид попадает в привилегированное общество, еще до объективного существования субординации и иерархии в образовательной системе, благодаря влиянию семьи, приобретающего многочисленные формы, – от выразительных, как объяснение и совет, до личного примера. **«Воспроизводство»** элиты продолжается в системе образования. Тезис П. Бурдьё о воспроизводстве элиты основан на предположении о сохранении непрерывности в процессе трансформации социальной системы, а также возможности конвертировать имеющийся «капитал» в новые институциональные порядки — сделать это гораздо легче, чем овладеть новым капиталом. Воспроизводству элиты способствует множество факторов, но основными П. Бурдьё признает наследование символического, культурного и других капиталов и их кумулирование через образование.⁷⁰

В демократических системах элиты могут весьма различаться по степени открытости, которые проявляются в способах отбора и репрезентативности элит. В этой связи интересен подход американского политолога Б. Рокмэна, вычленяющего две тенденции отбора элит в современных демократических системах — **гильдийную и антрепренерскую**. Для системы гильдий характерна высокая план-

⁶⁹ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. С. 9.

⁷⁰ Булдакова Л. В. Политическая элита Франции. С. 87.

ка в процессе отбора, важная роль образования, прежде всего специального, – медленный путь наверх, тенденция к воспроизведению характерных черт уже существующей элиты, небольшой, относительно закрытый селекторат. «Посредством процессов гильдий отбираются бюрократические элиты, в то время как политические элиты, как правило, функционируют в антрепренерском окружении»⁷¹. Антрепренерская система отбора исходит из того, что индивидам, стремящимся попасть в элиту, необходима поддержка не только внутри управленческой системы, в которой они и собираются делать карьеру, но и вне этой системы, и они находят эту поддержку (т.е. опираются на более широкий селекторат), и инерциальные силы организационных норм в меньшей степени тормозят их продвижение в элиту.

В системе гильдий кандидаты на продвижение должны обязательно «угодить» небольшой группе лиц наверху (которые и выполняют функции селектората) в организационной рутине, в привычных методах, в преемственности. Для антрепренерской системы, где селекторат более широкий, кандидату на элитные позиции предпочтительнее влиять не только на вышестоящих лиц, но апеллировать к влиятельным людям вне этой системы.

При продвижении вверх можно миновать карьерные ступени и рутинные процедуры.⁷² У Б. Рокмэна встречается понятие «**фильтрация**», которое означает обязательную предваряющую ступень в элиту. В странах «с ведущим марксистско-ленинским уклоном» подобным фильтром выступают коммунистические партии. В период деятельности, в коммунистических партиях например, кандидаты на высшие посты понимают идеалы марксизма-ленинизма и строят политику соответствующим образом.

Во Франции долгий период это была Национальная школа администрации (ЕНА), сейчас значение этого фильтра при рекрутировании административно-политической элиты слегка нивелируется, хотя остается по-прежнему значимым. Доминик де Вильпен, премьер-министр при Ж. Шираке, дошел до вершин власти, не проходя через выборную систему, этот министр «ни разу в жизни не встре-

⁷¹ Рокмэн Б. Политическое лидерство// Советское государство и право. 1988. № 5. С. 111.

⁷² Ашин Г. К. Смена элит. Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 26.

чал избирателя»⁷³. Такая карьера уготована всем членам Высших корпусов, выпускникам ЕНА, получающим назначение в Высший корпус. Сразу после Института политических наук и ЕНА следует назначение в дипломатический корпус или в министерство. Именно поэтому политические элиты «малочувствительны к чаяниям народа Франции, т. к. имеют мало непосредственных с ним контактов», – отмечает П. Бирнбаум⁷⁴. Этого нельзя сказать об англосаксонских элитах. В Англии обязательным этапом на пути к министерскому статусу является парламент.

Б. Рокмэн также указывает на то, что в различных политических системах рекрутационные фильтры могут быть скрытыми, неявными, что говорит о высоком антрепренерском потенциале системы. Критерии селекции разнообразны и противоречивы, и многие практики даже не могут их четко назвать. Б. Рокмэн говорит о том, что «система гильдий более предсказуема, система антрепренерства предрасположена к нововведениям и неожиданностям».

Также одним из важнейших понятий, которым оперируют современные исследователи элит, является **циркуляция элит**, предполагающая такой способ замены старой элиты, когда ее позиции занимают люди из других социальных слоев и оппозиционных политических институтов. Если в транзитном обществе властные позиции остаются в руках представителей старой элиты, то происходит репродукция элиты; если же эти позиции завоевывают представители новой элиты, которая еще формируется, то речь идет о циркуляции элит. Циркуляция элит акцентирует внимание на проблемах преемственности и интегрированности элитных групп.⁷⁵ В стабильном демократическом обществе элиты циркулируют постоянно. В целом этот процесс можно считать демократическим механизмом, который препятствует монополизации власти, ухудшению качества элиты, застою явлениям в движении людей и идей. При этом циркуляция элиты не сводится лишь к замене одной элиты на другую. Она также является путем продвижения способных, подготовленных к управлению людей из неэлиты в элиту.

Очевидно, что качество элиты во многом зависит от принципов

⁷³ Reinhard P. Après Chirac. Le bal des prétendants a déjà commencé. P. 153.

⁷⁴ Birnbaum P. Les sommets de l'Etat. P. 165.

⁷⁵ Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. С. 184.

ее формирования (рекрутирования). Еще один термин, получивший широкое распространение в области производства элит и истоков ее рождения – **элитогенез**.

Механизмы элитогенеза зависят от характера общественно-политического строя (кровнородственные отношения, принадлежность к правящему сословию, имущественный ценз, старшинство, партийная принадлежность, личная преданность лидеру, профессиональная компетентность и т. д.). Они направлены на решение стоящих перед обществом задач, на подбор на элитные позиции тех людей, которые обеспечат решение этих задач. Посредством этого процесса формируются законодательные и исполнительные органы современного государства, правительственный аппарат, руководящие кадры государственных учреждений. Исследовать процесс элитогенеза – значит понять, как люди вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие политические посты (в том числе становятся политическими лидерами), устанавливают политические контакты, как они делают политическую карьеру.⁷⁶

В научной литературе встречается сочетание **мобильность элиты**. Это не просто изменение положения, статуса индивида, но его вхождение в элиту, перемещение кадров внутри политической системы и выход из элиты. Таким образом, мобильность делится на вверх идущую, горизонтальную и вниз идущую.

Представляя Евгения Серебренникова, заместителя главы МЧС России, депутатам, глава Верховного совета В. Штыгашев заявил, что в случае его избрания республика Хакасия будет успешно и эффективно представлена в Совете Федерации.

В ходе прений в поддержку генерал-полковника Е. Серебренникова выступили фракции «Единая Россия», «Хакасия» и «Родина» и все руководители комитетов парламента. Против кандидата был только глава Совета старейшин хакасского народа В.Торосов. Ему не понравилось то, что в верхней палате российского парламента республику будет представлять житель другого региона. «В Хакасии достаточно и своих деятелей, достойных этого поста», - заявил Торосов. И хотя выступившие в прениях законодатели отмечали готовность Е.Серебренникова к работе в качестве представителя Верховного Совета в российском парламенте, позитивно оценивали не только его профессиональный опыт, но и опыт взаимодействия с федераль-

⁷⁶ Понеделков А. И. Формирование путей рекрутации административно-политических элит // Власть. 2007. № 6. С. 5.

ными структурами, традиционные оппоненты «Единой России» в республиканском парламенте попытались в ходе обсуждения отложить голосование, объясняя это тем, что на этом месте важно видеть выходца из Хакасии, известного всей республике. Но их предложение не было поддержано. Наоборот, вслед за «Единой Россией» остальные фракции поддержали кандидатуру Е. Серебrenикова.

Элитная мобильность имеет существенные отличия от мобильности других социальных групп, что связано с рядом факторов:

1. Более высокая по сравнению с другими группами конкуренция между кандидатами на должность, которая возникает на всех этапах политической иерархии.

2. Неопределенность требований к кандидатам, связанная со спецификой этой социальной группы. Мобильность элиты регламентируется не всегда трудовым законодательством, чаще внутригрупповыми нормами, претензиями и желаниями политического руководителя.

3. Элитная мобильность предполагает, что в обществе есть определенный кадровый резерв для пополнения вакантных должностей, соответствующий данной системе рекрутирования.

4. В отличие от других социальных групп, вхождение в элиту есть наделение индивида неким политическим капиталом, который ставит его однозначно выше других. Изменение норм и правил властных взаимодействий во многом произрастает из процесса **реконверсии элиты**, т. е. перевода капитала из одной формы в другую. Французским политологом Ж. Шарло было определено, что качество и количество функционеров в политическом окружении, а также «их успех в государственных верхах, когда они решают перепрыгнуть из высшей администрации в профессиональную политику, делают из V Республики, в прямом смысле, «Республику функционеров»⁷⁷. Накопление капитала происходит через «включение в подразделение, которое сохраняет место на государственной службе и дает право на продвижение, при этом оставляя возможность в случае неудачи в политике, вернуться к чиновничьему посту»⁷⁸.

В отличие от Франции, каждый высокопоставленный функционер Великобритании, претендующий на политический мандат, без-

⁷⁷ Charlot J. La politique en France. P. 227.

⁷⁸ Там же. P. 148.

возвратно снимается с государственной службы еще до начала выборной кампании. В этом случае он рискует своей государственной должностью. Во Франции большое количество депутатов – чиновники. Эта ситуация складывается из нулевого риска для функционера при вхождении в политику, и более выгодных финансовых условий: при первой же неудаче на выборах чиновнику обеспечено автоматическое возвращение на прошлую должность, его продвижение по карьере продолжается на протяжении всех политических мандатов, при выходе на пенсию положенное пособие по должности удваивается или утраивается за счет парламентского мандата, высокооплачиваемого самого по себе. При переходе к политической деятельности функционеры ничего не теряют, но приобретают: положение защищенности, большой личный состав служащих, больше средств и т. п. Капитал перераспределяется и накапливается за счет совмещения мандатов.

В связи с этим кругом вопросов во французской политической науке выделились три направления исследований: исследование реального перехода политических избранников к административным должностям; исследование широты миграции чиновников в сторону политических мандатов, министерских должностей и к борьбе внутри политических партий; ориентация третьего направления исследований – интерпретация этих двусторонних движений. Такие переходы стали рассматриваться как системные отклонения, получившие впоследствии названия – функционеризация политических деятелей и политизация функционеров.

Российский миллиардер, хозяин лондонского футбольного клуба «Челси», очень популярный политик не только на Чукотке, Роман Абрамович, в 2008 г. наконец добившийся долгожданной отставки с поста губернатора Чукотки, не прощается с регионом. Парламентарии попросили г-на Абрамовича присоединиться к депутатскому корпусу и занять пост спикера. Этот пост как раз оказался вакантным. Сразу после отставки публично заявил, что продолжит инвестиции в чукотскую экономику. Дальнейшую роль олигарха в судьбе Чукотки эксперт метафорически сравнил с другим успешным проектом г-на Абрамовича – нидерландским специалистом Гусом Хиддинком в роли тренера сборной России по футболу: «Теперь бывший губернатор станет своего рода тренером-консультантом той команды, которую он там оставил во главе с новым губернатором, продолжит помогать региону,

реализуя начатые программы и ту долгосрочную стратегию развития Чукотки, разработка которой была недавно закончена».

Г-н Бадовский также отметил, что в должности спикера местной Думы бизнесмен «останется налоговым резидентом Чукотки» и в этом качестве тоже будет подпитывать экономику региона.

Политическая история показывает, что Роман Абрамович и его преемник Роман Копин апробируют на региональном уровне систему тандемократии, при которой уходящий со своего поста лидер заранее готовит преемника, а потом перемещается на более низкую должность, сохраняя реальный контроль над ситуацией.

Под **ротацией** также понимается процесс перемещения кадров внутри политической системы. Этот термин соответствует подходу ученого О. В. Крыштановской к государству как к политической корпорации, которая является формой организации политического класса. Государство как универсальная корпорация делится на множество специализированных корпораций, образуя сегменты власти.⁷⁹ Сегодня ротация кадров признается одним из обязательных условий развития страны, но в каждой стране и регионе этот процесс имеет свои особенности и проблемы. В основном они связаны с тем, что обычно неясно, кто на самом деле принимает решение о ротации кадров: высший политический руководитель, руководитель-администратор организации, консультант или сотрудник отдела кадров и проч. Четких критериев ротации, в том числе для выдвижения наверх успешных и перспективных сотрудников, а также для увольнения некомпетентных, не определено. Ротация происходит спонтанно или намеренно, каждый случай индивидуален.

В России наблюдается слабая ротация управленцев между органами государственной власти, местного самоуправления, партийными и общественными организациями, бизнес-структурами и научными и учебными организациями. Однако существует мнение, что если бизнес-управленец идет на освобожденные должности в органы государственной власти или местного самоуправления, это значит, что он преследует свои частные интересы, возможно, для обеспечения безопасности бизнеса, для увеличения авторитета, для приобретения дополнительных ресурсов. Всегда ли это так? Нет, не всегда. Отдельные предприниматели направляются в политическую власть от «усталости» и нелогичности административных и политических

⁷⁹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 99.

чиновников или для самореализации на более высоком общественно-политическом уровне.

Нужны ли власти люди из бизнеса? По результатам множественных исследований, основные качества предприимчивых людей – это целеустремленность, настойчивость, компетентность, обязательность и оптимизм. Но самое главное, они не тратят попусту время, потому что это им дорого обходится, они умеют находить простые решения сложных задач, используя при этом минимум ресурсов, потому что тратят свои деньги. Власти легче привлечь на свою сторону людей, которые уже обладают этими качествами, чем воспитывать их в имеющихся кадрах. В действительности, есть принципиальная разница между людьми, в которых эти качества выращены искусственно, и людьми, которые воспитали себя сами, работая в реальной жизни. Кроме того, предполагается, что человек из бизнеса уже заработал достаточно денег, и коррупционная тематика ему будет мало интересна.

Вместе с тем у представителя политической элиты, «не понаслышке знакомого» с процессом принятия решения и иногда искусственно «переманенного» в бизнес, одной из ведущих мотиваций выступает лоббирование частных интересов бизнеса, влияние на принятие решений посредством личных контактов и своего опыта работы в органах исполнительной или законодательной власти.

Во французской терминологии в связи с переходами членов высшей администрации в экономику (строительство, транспорт, производство, недвижимость, банки и т. п.), государственный аппарат или другие сферы, обеспечивающие близость к легальному центру по принятию решений, появился термин «пантуфляж».⁸⁰ «Пантуфляж – это эмиграция высших функционеров в сферу предприятий, что рентабилизирует (делает доходным, рентабельным) осуществляемые ими компетенции внутри государственного аппарата»⁸¹. Пантуфлировать – по-французски значит перемещаться с одного поста на другой, из одной сферы, в другую, где есть в этом необходимость, с одной стороны, и в целях сохранения элитного статусного капитала. Этот же термин употребляется и для обозначения движения политической элиты к новым вершинам государственного аппарата с более низких.⁸²

⁸⁰ Пантуфляж – в переводе с французского языка – «надевание домашних туфель».

⁸¹ Braud P. Sociologie politique. P. 458.

⁸² Булдакова Л. В. Политическая элита Франции. С. 63.

Это явление стало распространенным в период, когда высшие функционеры, получив экономические знания в ЕНА, постарались реализовать их на деле: сначала в составе комиссий по индустриализации (План), затем в управление. Таким способом в период концентрации они еще более усиливали вес государственной власти. Руководители предприятий (PDG), если и не заканчивали ЕНА, а факультеты права или политических наук в политехнических или университетских заведениях, будучи сыновьями чиновников, имели то же видение дел, что и высшие функционеры. Это сближало их с политической и административной элитой и предоставляло возможность в любой момент пантуфлировать в политическую элиту.

Поток пантуфляжа описывается П. Бирнбаумом: «12 % руководителей первых 100 французских предприятий прошли через инспекцию по финансам или Счетную палату, 17 % из них, прежде чем занять место на предприятиях, прошли министерские кабинеты. Более того, 43 % руководителей первых 100 французских предприятий, так или иначе принадлежали к административному корпусу и 45 % из них же, часто те же самые, прошли через сферу политической деятельности»⁸³. Многие крупные предприниматели не довольствуются поиском в верхних эшелонах власти покровителей или доверенных лиц, а сами стремятся стать составной частью власти, чтобы самостоятельно курировать сферу своего бизнеса с высоты государственной должности. Это пантуфляж из экономической в государственно-политическую элиту. Отсутствие четких правовых рамок во взаимоотношениях власти и бизнеса приводит к тому, что новоиспеченный госслужащий чаще всего сохраняет реальный контроль над возглавлявшейся им коммерческой структурой, что ведет к превращению его в высокопоставленного лоббиста собственных коммерческих интересов, развивая систему клиентелизма. Члены подобных образований строят свои взаимоотношения с государством на индивидуальной основе и тщательно защищают свою автономию во взаимоотношениях с властью. Руководство крупных государственных предприятий доверяется политическим «клиентам», не имеющим никаких специальных знаний по производству, технической компетенции. Пантуфляж дополнительно провоцирует слияние политико-административной и экономиче-

⁸³ Birnbaum P. Les sommets de l'Etat. P. 142.

ской элит, становясь еще одним инструментом сохранения властных полномочий в ограниченном круге.

Внутренняя гибкость правящей элиты, как видно, провоцирует рождение множества специфичных понятий и терминов. **Элитный график**, активно использующийся в работах О. Крыштановской и означающий перемещение элиты, применяется ученым для обозначения ситуации, сложившейся во время президентства Б. Н. Ельцина. То время было сопряжено с частыми отставками, перестановками чиновников высокого ранга, которых президент сначала к себе приближал, затем разочаровывался и менял их на других. Стремительность кадровых замен привела к разрушению кадрового резерва, который должен поддерживать преемственность. Так появилась необходимость в создании неких резерваций для «выпавших» из власти высокопоставленных чиновников. В результате были созданы такие структуры, как «государственный бизнес», коммерческие организации, базирующиеся на ресурсах государства и имеющие множественные привилегии по сравнению с частным бизнесом, а также фонды, ассоциации, общественно-политические организации, руководство которыми принимали отставники.

Инкорпорация и **экскорпорация** элиты – по терминологии О. В. Крыштановской – соответствуют процессам «входа» в высшую страту общества и «выхода» из нее. Как ни странно может показаться, экскорпорация также важна для изучения внутриэлитной мобильности. Экскорпорация для элиты означает не просто увольнение, как для всех прочих категорий наемных работников, но лишение члена элиты его капитала и властных ресурсов, что бывает не только сложно, но и невозможно. «Экскорпорация – это всегда торг, всегда борьба... Проигравший уходит»⁸⁴. Изучение способов и механизмов экскорпорации из элиты важно для понимания того, какие возможности давления на принятие решений приобретали те или иные социальные группы, это дает дополнительную информацию о связях, существующих между обществом и элитой, о процессах стратификации и распространения политической культуры. Также интерес связан с проблемой цены, которую общество платит за содержание не только правящей группы, но и бывших ее членов. Независимо от того, полная или частичная экскорпорация ожидает

⁸⁴ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 175.

представителя власти, но в любом случае элитный статус удерживается, хотя и несет оттенок декапитализации. В связи с этим появилось понятие резервации или экс-элитной зоны, из которых член элиты опять может быть востребован.

Исследователи элит выделяют следующие варианты ухода из политической элиты.

1. Конвертация власти в собственность с помощью перехода в экс-элитную зону, которую можно называть «государственным бизнесом». Это своего рода спецзона в бизнесе для отставных членов элиты. Первые попытки конвертировать власть в собственность были сделаны еще в 1989 г. Идея принадлежала бывшему министру нефтяной и газовой промышленности СССР 1985 – 1989 гг. В. Черномырдину, который в августе 1989 г. преобразовал свое министерство в первый в стране государственный концерн «Газпром», председателем правления которого и стал. Еще через год концерн преобразуется в акционерное общество, контрольный пакет акций которого остается в руках бывших руководителей министерства. Идея оказалась настолько плодотворной, что тем же путем последовали и другие: например, для ухода бывшего главы президентской администрации Юрия Петрова в 1993 г. создается Государственная инвестиционная корпорация, целью которой было привлечение иностранных инвестиций в Россию; в том же году министр экономики РФ Андрей Нечаев, покидая свой пост в правительстве, становится президентом государственного предприятия «Российская финансовая корпорация».

***В. Величко** — министр энергетического и транспортного машиностроения СССР (1987–1991) — в 1992 г. становится председателем правления государственного концерна «Тяжэнергомаш», созданного на базе министерства, которое он возглавлял. После приватизации концерна Величко становится генеральным директором акционерного общества, которое теперь стало называться «ТЭНМА», а также председателем совета директоров Холдингтэмбанка, обслуживающего этот концерн.*

***А. Михальченко** — министр специального строительства и монтажных работ СССР (1989–1991) — в 1991 г. преобразует свое ведомство в государственную корпорацию «Минмонтажстрой» и становится ее президентом.*

***В. Мельников** — министр лесной промышленности СССР (1989–1991) — приватизирует свое министерство и создает государственную корпорацию «Российские лесопромышленники», которую акционирует в 1992 г.*

Н. Паничев — министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР (1986–1991) — после приватизации министерства в 1991 г. становится президентом государственного акционерного объединения «Станкоинструмент», с 1991-го — президентом частной Российской станкоинструментальной компании.

Так бывшие правительственные чиновники становятся крупными собственниками.

2. После становления крупных частных компаний появился и еще один вариант для ухода чиновников в бизнес: их приглашают стать вице-президентами, отвечающими за связи с государственными органами. Ради связей в высоких политических кругах на работу в «Газпром» приглашается бывший советник президента и вице-премьер Виктор Илюшин, в Альфа-банк — бывший вице-премьер Олег Сысуев, в международную фармацевтическую корпорацию ICN — бывший министр иностранных дел Андрей Козырев, в Монтажспецбанк — бывший председатель Госснаба СССР Леонид Воронин.

В начале 90-х гг. переход с номенклатурных должностей в бизнес приобрел массовый характер. Распространенным способом создания номенклатурной коммерческой структуры было так называемое пересаживание: бывший советский руководитель становился собственником коммерческой структуры, представлявшей собой не что иное, как приватизированное предприятие. Фабрику, завод или иное ведомство, по сути, просто переименовывали, меняли вывеску; при этом здание, оборудование, мебель и сотрудники оставались теми же. Бывший управляющий становился собственником.

3. Парламент как резервация. Постепенно на первый план выходит депутатская деятельность, которая к 2000 г. становится основным типом резерваций. Депутатский мандат для отставника нередко обеспечивался серьезной административной поддержкой властей, которые все увереннее влияли на исход выборов. Депутатство, давая достаточно степеней свободы, было и отличной возможностью выслужиться — проявить лояльность к исполнительной власти, что потом могло привести к новому назначению. Законодательная ветвь власти была одновременно и трибуной, где можно было блеснуть красноречием, проявить талант политической интриги, поддержать позицию Кремля, когда это было необходимо.

«Плановые» депутаты, направляемые в Думу и Совет Федерации исполнительной властью, обрабатывали доверие в парламенте и ждали новых должностей.

С. В. Кириенко⁸⁵ - российский государственный и политический деятель, с апреля по август 1998 года — Председатель Правительства России. 24 апреля 1998 года Указом Президента РФ Бориса Ельцина назначен Председателем Правительства РФ. 23 августа 1998 года Указом Президента РФ Бориса Ельцина правительство С.Кириенко отправлено в отставку в полном составе. В дальнейшем, это типичный пример эскорпорации.

18 декабря 1998 года в министерстве Юстиции Российской Федерации зарегистрировано Общероссийское общественное политическое консервативное движение «Новая сила», возглавленное Сергеем Кириенко. В 1999 году он становится сопредседателем и лидером избирательного блока «Союз правых сил» и избирается депутатом Государственной думы Федерального собрания РФ по партийному списку избирательного блока «Союз правых сил».

4. Наиболее распространенным способом эскорпорации элиты являются общественные организации и фонды, исполняющие ту же роль кадрового буфера при выдавливании членов элиты из корпорации. Так, каждый четвертый член правительства Н. Рыжкова 1989 г. после прихода к власти Ельцина возглавил какую-нибудь общественную организацию:

В. Бакатин — фонд «Реформа»,

Н. Губенко — Ассоциацию содействия культуре,

В. Дурасов — Международный фонд приватизации и инвестиций, С. Колпаков — Международный металлургический союз,

Н. Лаверов — фонд М.В. Ломоносова,

М.С. Горбачев, экс-президент СССР, возглавляет Фонд Горбачева, который ведет активную исследовательскую работу в созданных для этого «центрах» по направлениям: глобальные проблемы, экономическое развитие и социальные проблемы в мире, в России, в СНГ, проблемы культуры и духовной жизни на рубеже веков, европейский процесс и международная безопасность, разоружение, история перестройки. Фонд проводит крупные международные конференции и проекты с участием ученых, писателей, общественных и политических деятелей, в деятельности задействованы многие зарубежные научные центры.

⁸⁵ Информация из новостных сообщений. Режим доступа: <http://www.rian.ru>, <http://www.peoples.ru/state/minister/russia>.

5. Деятельность в международных организациях, на постах консулов и т. п.

А. Б. Чубайс после работы в правительстве с ноября 1991 г. по март 1998 г. задействован на высоких должностях, вплоть до председателя правления РАО «ЕЭС России». В 1998 г. — специальный представитель Президента Российской Федерации по связям с международными финансовыми организациями. В феврале 2000 года назначен сопредседателем Круглого стола промышленников России и ЕС с российской стороны. С 2000 по 2004 гг. — президент Электроэнергетического совета СНГ. С 2008 г. — генеральный директор государственной корпорации «Российская корпорация нанотехнологий» и находится в составе международного консультативного совета банка J. P. Morgan Chase & Co.

Многие министры иностранных дел, зная ситуацию в мире, в политических системах, охотно занимают посты в представительствах государств. В. Черномырдин – посол России в Украине.

Итак, в современном мире по рационально-легальным правилам для «бывших» членов элиты намеренно создаются VIP -резервации, ведь представители политических элит имеют немалые заслуги перед государством, с одной стороны, с другой – являются «хранителями» множественных политических тайн. Поэтому действующее руководство является лояльным и толерантным по отношению к предшественникам.

В период кардинальных трансформаций политических систем политические элиты не просто смещаются или подвергаются гонениям, а подлежат изгнанию, аресту и т. п. Пример эскорпации элит, неугодных новой власти.

Русский царь Николай II (1868—1918), старший сын императора Александра III, с приходом коммунистов расстрелян вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге.

Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, младший брат Николая II, генерал-адъютант Свиты императора, член Государственного Совета. Во время Первой мировой войны в чине генерал-лейтенанта командовал в Галиции Кавказской кавалерийской туземной (дикой) дивизией, позднее — 2-м кавалерийским корпусом. В дни Февральской революции пытался добиться уступок царя в пользу создания «правительства доверия». 2 марта 1917 г. император Николай II отрекся от престола, передав его не наследнику Алексею, а брату. На следующий день Михаил Александрович отказался

от престола и подписал манифест, согласно которому форма правления в России должна была быть определена Учредительным собранием. По постановлению Совнаркома в марте 1918 г. был выслан из Гатчины в Пермь. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. вместе с личным секретарем Н. Н. Джонсоном был вывезен чекистами из города и убит.

Павел Александрович (1860—1919), великий князь, младший сын императора Александра II, генерал-адъютант Свиты Николая II. Расстрелян в Петропавловской крепости по постановлению ВЧК в январе 1919 г. Его сын Владимир Павлович Палей был убит в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. под Алапаевском на Урале.

Николай Николаевич (1856—1929), великий князь, внук Николая I, двоюродный дядя царя, генерал-адъютант свиты императора. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, позже председатель Совета Государственной обороны; с 1914 г. по 1915 г. Верховный главнокомандующий, до 1917 г. главнокомандующий Кавказской армией и наместник царя на Кавказе. При отречении Николая II вновь назначен Верховным главнокомандующим, но вынужден отказаться от назначения под давлением Петросовета и Временного правительства. После отставки жил в имении Дюльбер (Крым), в марте 1919 г. эмигрировал из Крыма в Италию. С 1922 г. жил во Франции. Среди белой эмиграции признавался кандидатом на русский престол. С 1924 г. принял от П.Н. Врангеля руководство русскими военными зарубежными организациями, которые к этому времени сформировались в Русский общевоинский союз (РОВС).

4.3. Механизмы рекрутирования: назначение, выборы, наследование, аукцион

Чтобы разделить понятия «канал рекрутирования» и «механизм рекрутирования», следует остановиться на двух вопросах: откуда, из каких сфер, институтов, слоев являются кандидаты в элиту (канал) и как, каким образом, по каким принципам кандидат достигает элитной позиции (механизм).

Каналы рекрутирования – пути продвижения индивидов и групп в элитные эшелоны власти – институционализированы, то есть осуществляется в соответствии с тщательно разработанными процедурами, в соответствии с национальными традициями, в результате чего персональный состав элиты периодически обновляется, а сама политическая структура остается в значительной степени неизменной.

В нестабильных системах, под воздействием политических трансформаций происходит, как правило, смена элит. Люди, зани-

мавшие ключевые позиции в государственном управлении, лишаются своих постов; вакансии заполняются с нарушением традиционных норм. Элитные должности, за счет высокого статуса, привилегий, льгот, престижа занимаются и «случайными» инсайдерами.

Теоретически каналами рекрутирования выступают социальные и политические институты: органы государственной власти и местного самоуправления, партии, СМИ, профсоюзы, общественные объединения, армия, правоохранительные органы, религиозные и этнические объединения, бизнес (выходцы из которого часто выдвигаются на элитные позиции в государственном управлении), система образования (особенно элитного образования). Роль и удельный вес каждого из этих каналов различны, они зависят от традиций той или иной страны, уровня политической культуры. Например, для стран Латинской Америки армия является одним из важнейших каналов рекрутирования элит, для стран Западной Европы – это один из наименее важных каналов. Российские социологи констатируют роль армии и силовых структур в качестве ведущего канала рекрутирования в начале XXI века (в период президентства В. В. Путина). Для политической системы США одним из важнейших каналов формирования политической элиты является крупный бизнес. По традиции французский политик начинает карьеру с выборной должности на местах, советником или депутатом. Продолжая политический путь, он «оседает» в законодательных или исполнительных органах. Активная деятельность в политической партии ускоряет карьерный рост. Правительственная карьера может начинаться с поста технического советника министерского кабинета, поста государственного секретаря, затем подниматься на более высокие ступени. Кроме того, специальные учебные заведения, как ЕНА во Франции, являются серьезным каналом для строительства политической карьеры высшего ранга. Преобладание конкретных каналов рекрутирования зависит от социокультурных традиций региона, складывающихся исторически, от специфики распределения власти и влияния между институтами и акторами, от ведущей стратегии развития общества.

Высшей фазы политической карьеры Ж. Ширак достиг через политические выборы, организацию партии Объединение в поддержку Республики, постепенные завоевания мандатов от местного до национального уровня:

он возглавлял Матиньон с 1874 по 1986 год, мэрию Парижа в 1977 и Елисейский дворец с 1995 года. Дважды его кандидатура на президентский пост терпела неудачу, в 1981 и 1988 году, а в 1997 году его власть была сильно ограничена состоянием «сосуществования», т.е. «левым» премьером и законодательным большинством. Ж. Ширак стал президентом во второй раз, благодаря второму туру выборной системы. Его карьера является показательной для выявления последовательности обретения высшей политической и государственной власти через местный и региональный каналы. По такой же схеме строились карьеры всех президентов V Республики, за исключением Ш. де Голля, а также карьеры многих известных политических деятелей, в планы которых не входит остановка на министерском уровне, это Н. Саркози или руководители политических партий А. Жюппе, Ж.-М. Ле Пен и другие. Они уже достигли многих высот в государстве, политике и обществе, но они «запрограммированы на достижение вершины политической пирамиды»⁸⁶.

Механизмы могут обретать формальный или неформальный статус. Официальные (формально-правовые): выборы, назначения, победа в конкурсе на должность. Неофициальные: принадлежность к «команде», личная преданность лидеру и т. д. Рекрутирование политического класса осуществляется посредством **четырёх механизмов**, которые американский исследователь Габриэль Алмонд определяет как:

1. Назначение на государственную должность (таких представителей политического класса называют бюрократией).
2. Выборов в определенные структуры власти.
3. Аукцион.
4. Наследование.

Механизмы понимаются в современной элитологии как принципы выдвижения в состав элиты, зависящие от типа общественной системы и её модели стратификации. Механизмы могут быть традиционалистскими: кровное родство, землячество, религиозная и этническая принадлежность, владение официальным языком, имущественный и сословный ценз, личная преданность группе, протекционизм. Но они могут быть и конкурентными: характер образования, профессия и уровень квалификации, личные качества кандидата с точки зрения соответствия должности.

Через механизм *назначений* рекрутируются в основном прави-

⁸⁶ Reinhard P. Après Chirac. Le bal des prétendants a déjà commencé. P. 121.

тельственные посты. В конституциях обычно записаны все формальные требования к министерским постам с учетом отраслевого и программно-целевого принципов с тем, чтобы охватить все сферы государственного управления и все основные направления общественного развития. Пусть считается, что правительство и министерства в большей степени исполнительные органы, но функции, которые они выполняют – политические. Именно они, каждый по своему отраслевому и предметному приоритету, определяют важнейшие проблемы, от решения которых зависит эффективное развитие общества и государства, они находятся на службе политики, связывая все сферы жизни (экономику, образование, культуру и т. п.). Этот раздел знаний тщательно исследуется в рамках дисциплины типа «Государственная служба», а элитологов интересует не ранжирование «государственный министр» или «государственный секретарь», высокопоставленный чиновник или министр без портфеля, министр короны или младший министр и кто за что отвечает, а приближенность к принятию решений.

Например, в Испании структура государственной администрации включает трехуровневую систему: высший уровень – политический. Должностные лица непосредственно участвуют в принятии политических решений, составляющих основную политику государства. Второй уровень называется средним, он включает должностных лиц опосредованно участвующих в государственных решениях. Представители третьего, административного уровня, не участвуют в руководстве государством.⁸⁷

Каждый президент работает со своей командой, редко оставляя сотрудников предшественников. Но в проведенном в 80-х годах исследовании персонала, который отбирается различными президентами для назначения, отмечаются общие тенденции: малое количество женщин, к назначению подбираются выходцы с государственной службы, пропорционально одинаковое количество представителей трех ведущих корпусов (Государственный совет, Инспекция по финансам и Счетная палата). Около 60 % президентского окружения представляют дипломаты и члены префекторального корпу-

⁸⁷ Министерства и ведомства: уч. пособие / под ред. А. Н. Козырина, Е. К. Глушко. М. 2008. С. 170.

са⁸⁸. Именно эти категории занимают наиболее высокие посты в иерархии президентского окружения. Общее сходство назначаемых – средний возраст сотрудников (30 – 40 лет для технических советников Елисейского дворца, 45 – 50 лет для более высоких должностей – как генеральный секретарь).

Предпочтение президентов отдается тем, кто находится в их окружении много лет: 6 из 10 сотрудников Ж. Помпиду-президента в 1969 году составляли его кабинет, кабинет премьер-министра. Когда в 1974 году В. Жискар д'Эстен обосновался в Елисейском дворце, 8 из находящихся рядом с ним 10 человек работали до этого вместе с ним в министерстве финансов. Главный советник кабинета Ж. Ширака, Пьер Мазо, – один из старейших товарищей, с которым Ширак познакомился еще в 1967 году.

Ф. де Бэк и Ж.-Л. Кермон в труде «Администрация и политика Пятой республики» описали исследование, в котором акцент был поставлен на вопросе: как назначаются те, кто неизвестен президенту? Показательным фактом стало отношение Ш. де Голля к кандидату в его окружение. Он требовал, чтобы кандидат обладал чертой «национальности», вкладывая в эту формулировку значение «государственный дух», самоотверженность и сдержанность, чего требуют обязанности такого уровня, и главное, «национальность» – подразумевает приверженность фундаментальным президентским ориентациям. Такой подход практически не изменился.

Преимущественно кандидаты на высшие посты подыскиваются в окружении министров, среди приближенных к руководителям государства. Недостаточно быть «лучшим» в требуемом возрастном цензе, в большинстве случаев набираются люди, уже известные «кому-то из своих». Бывает, что советник просто обладает фамилией своего предшественника, но это совпадение служит хорошим подспорьем в его дальнейшем продвижении по карьерной лестнице, тем более, если на данное место есть несколько претендентов с подходящими карьерными данными⁸⁹.

Среди общих критериев при отборе кандидатов на назначаемые должности ученые отмечают тот факт, что президенты не всегда

⁸⁸ De Vaecque F., Quermonne J.-L. Administration et politique sous la Cinquième République. P. 114.

⁸⁹ Там же. С. 115.

обращают внимание на политическую карьеру претендента. Этикетка какой-либо партии снимается легко при необходимости, замещаясь идеологией главного национального интереса. Во внимание скорее берется вид образования: ЕНА, политическое, юридическое и т. д. Приоритеты от президента к президенту меняются. Де Голль например, подбирал команду с преимущественным политическим или юридическим образованием, Помпиду и д'Эстен предпочитали «энархов». Несмотря на то, что каждый из президентов окружает себя людьми по личному усмотрению, критерии выбора содержат сходства и носят названия «голлистский», «помпидульенский», «жискардистский» типы. Ж. Ширак имеет свою тактику при назначении сотрудников и соратников. Большую роль играют его личные симпатии. Президент обещает должности многим, кто может быть полезен, хотя не всегда выполняет обещания, тем самым защищая свое личное спокойствие. «Жак Ширак имеет трогательную тенденцию сохранять подле себя семейные лица, которые его делают более уверенным, даже когда он в них уже более не нуждается»⁹⁰. Эта тактика назначений в свое время будет названа «шираковской».

Не исключена зависимость судьбы назначаемых руководителей от народных выборов. Это опосредованный путь назначения. В марте 2004 года на региональных выборах партия Ж. Ширика потерпела поражение (правящая консервативная партия набрала 36,9 %, в то время как социалисты получили не менее 50,1 % голосов), правительство вынуждено было уйти в отставку, следовательно, это была пора новых назначений.

Итак, назначения зависят от образования, послужного списка кандидата и его личных данных, от лояльности высшего руководства к назначаемому, от ранга в иерархии рекомендуемого лица, роль играет и уровень должности, на которую требуется кандидат, качеств предшественника, от политической обстановки и многое другое.

Под лозунгом *выборов* во всем мире кроется самая распространенная на сегодняшний день модель формирования политической элиты. Выборы способствуют созданию относительно изолированной политической элитной группы, которая неизбежно выделяется

⁹⁰ Reinhard P. Après Chirac. Le bal des prétendants a déjà commencé. P. 31.

из общей структуры государства по классической теории, понимающей любую организацию (в данном случае – совет, парламент, партия и т. д.) «как источник рождения доминанты избранных над избирателями, обладателей мандатов над теми, кто ими наделяет, делегатов над теми, кто делегирует свои полномочия»⁹¹, – как говорил Р. Михельс. Тем не менее выборы по факту участия народа в политической жизни страны предопределяют наиболее демократическое проявление режима. В этой системе, замечает Б. Рокмэн, действительно возможно расширение участия организованных заинтересованных групп в политической системе, однако сомнения вызывает вопрос: «способствует ли это большему представительству различных интересов или же выгоде лишь некоторых из них?»⁹². С точки зрения элитистского подхода, интересы элит действительно отделяются от интересов масс. «Фактически власть избирателей над их делегатами заканчивается вместе с завершением акта избрания.... Представлять – значит выдавать единоличную волю за массовую», – вспоминается цитата из работы Р. Михельса 1911 года «Социология политических партий в условиях демократии».

В современных государствах непропорциональность в социальных характеристиках элиты и населения достаточно велика. Причем непропорциональность представительства различных слоев в политической элите обычно растет по мере повышения статуса занимаемой должности. На нижних этажах политико-управленческой пирамиды низшие слои населения представлены значительно шире, чем в верхних эшелонах власти. Вместе с тем непропорциональность в социальных показателях политических элит и всего населения еще не означает непредставительности их политических ориентаций и установок.

Более важной, по сравнению с социальным происхождением, гарантией социальной представительности элиты выступает организационная (партийная, профсоюзная и т. п.) принадлежность руководителей. Она прямо связана с их ценностными ориентациями, а ведь, как известно, именно партии имеют достаточно возможностей для воздействия на своих представителей в нужном направлении. Кроме партий, в качестве контроля за элитами в современном де-

⁹¹ Цит. по: Grawitz M., Leca J. *Traité de science politique*. P. 484.

⁹² Рокмэн Б. *Политическое лидерство*. С. 108.

мократическом обществе могут выступать государственные или общественные институты – средства массовой информации, опросы общественного мнения, группы давления и т. д.⁹³

С выборами связано несколько щепетильных вопросов, которые коррелируют с понятиями «честные» или «купленные» выборы, финансирование выборов, политические симпатии, спонсоры «партии власти» и т. д. Но при этом выборы – самый важный механизм укрепления элит на элитных местах при поддержке избирателей.

Наследование и аукцион менее демократичны, чем выборы⁹⁴.

Защищая *наследственный* принцип отбора, сторонники этого механизма ссылаются на то, что он обеспечивает правителям и системам долгосрочную перспективу. Наследование в сформировавшихся демократиях в чистом виде не встречается. Но развитие клиентарных отношений как механизмов рекрутирования – это мировая практика. Представители ведущих политических элит России, Франции, США – выдвиженцы влиятельных партий, «протезе» своих предшественников или начальников. Во всех демократических политических системах работают принципы рекомендательности, личной близости и поддержки между членами политических элит. Здесь срабатывает чисто политический закон, доказанный еще в начале прошлого века основоположниками теорий элит: «Начало формирования профессиональных вождей означает начало конца демократии... Вожди никогда не уступают «массе», они уступают только другим, новым вождям».⁹⁵

Кроме чистого наследования престола, этот механизм отражается в теме Высшего корпуса как института власти во Франции, получившего официальные функции от государства, хранящего отголоски культа государства и потенциально, и реально занимающий политический пьедестал. Французский ученый Мари-Кристин Кеслер определяет Высший корпус как автономную социальную группу, чьи связи с правящим классом являются атрибутом престижа и мощности. М.- К. Кеслер не утверждает, что со времен Наполеона I один и тот же привилегированный класс осуществляет свою власть

⁹³ Мясников О. Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка? // Полис. 1993. № 1. С. 52.

⁹⁴ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. С. 223.

⁹⁵ Михельс Р. Принципиальное о проблеме демократии: [пер. с нем. А. Н. Малинкина] // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 93.

посредством Высших корпусов. Но она четко проводит идею о преемственности определенного типа элиты посредством Высших корпусов: сложные конкурсы обеспечивают отбор и формирование элитной группы по одной и той же меритократической модели вот уже много лет. М.-К. Кеслер настаивает на том, что Высшие корпуса являются «остовом» государства, «бенефициантами интеллектуальной централизации, направленной на средоточение талантов в государстве: все, кто желает подтвердить, улучшить свое социальное положение, обрести статус элиты, направляются в сторону высшей государственной службы и подвергаются селективному отбору Высших корпусов и Высших школ»⁹⁶.

Здесь мы видим и назначение, и наследование, и элементы фокусированного образования. Видные элитологи Ж.-Л. Бодигель и Ж.-Л. Кермон констатируют факт, что не монарх, царь или король, а Национальная школа администрации играет роль «горнила элиты». «С одной стороны, образование администраторов, т. е. командный персонал министерств, с другой стороны, образование высокопоставленных чиновников или членов правящего класса, значит, мужчин и женщин, владеющих необходимыми «козырями», чтобы инвестировать высшие административные должности, а также должности политические и частные»⁹⁷.

Во Франции группа высшей политической элиты признается как концентрация символического капитала (ее «символический капитал становится тем важнее, чем эксклюзивнее его состав»⁹⁸), накопление этого капитала происходит в стенах ЕНА.

В продолжение этих тезисов – аксиома, которая заключается в том, что во все времена высшие слои стремятся укрепить свое положение и положение наследников. Даже когда официально нельзя передать пост, тогда протекция становится мощным орудием наследования. По утверждению Д. Шаньоло, профессора Университета Пантеон-Асса, некоторые политические деятели, вынужденные оставить занимаемый пост по причине совмещения, стараются «протолкнуть» на эти посты своих близких, детей, устраивая таким

⁹⁶ Kessler M.-C. Les Grands Corps de l'Etat. Paris, 1986. P. 338.

⁹⁷ Bodiguel J.-L., Quermonne J.-L. La haute fonction publique sous la V République. P. 117.

⁹⁸ Bourdieu P. La noblesse d'Etat. P. 110.

образом трансмиссию власти по типу семейного наследования.⁹⁹ Многие объясняется политической социализацией.

Луи Жискара д'Эстен, сын известного политика и президента Франции Валери Жискара д'Эстена, родился в Париже в то время, когда начиналась правительственная карьера отца. В 1995 году Луи Жискара д'Эстен обрел мандат муниципального советника Пюи-де-Дом и стал заместителем мэра города Шамальер. Его карьера началась в местах, где его фамилия была широко известна, ведь Валери Жискара д'Эстен с 1954 по 1974 год был депутатом Пюи-де-Дом, с 1967 по 1974 мэром Шамальер, а с 1958 по 1974 являлся Генеральным советником Пюи-де-Дом. В 2002 году Луи получил мандат депутата Национального собрания. Хотя политическая карьера отца началась значительно раньше и характеризовалась более радикальными взлетами, нежели карьера Луи Жискара д'Эстена, преемственность политической профессии и даже должностей является очень наглядной.

Во Франции, приобретая «династийный» характер, очень популярна своеобразная форма политического наследования: лишь 45% мэров достигают этой должности вследствие полной смены муниципалитетного состава. Чаще всего наследование осуществляется независимо от вмешательства избирательного корпуса.

Аукцион – это продажа государственного поста тому, кто предложит за него высшую цену. «Если вы хотите, скажем, стать послом США в каком-то небольшом тропическом островном государстве, лучшим способом добиться этой цели может оказаться высокий взнос в избирательный фонд победившего президента», – пишет Г. Алмонд.¹⁰⁰ Массовый аукцион является нетривиальным путем укрепления власти и имеет свои организационные причины, являющиеся бесперебойным питанием для регулярного «производства» элит под контролем «продавцов постов». Этот механизм может быть поставлен на ноги действующими властями. Тогда, как правило, он имеет форму пирамиды: денежный поток, полученный в низших частях пирамиды, автоматически течет наверх, к вершине пирамиды. На пике пирамиды в Узбекистане, например, находится президент Ислам Каримов, который и является главным инициатором создания этой пирамиды¹⁰¹. Главной «статьей доходов» Кари-

⁹⁹ Chagnollaud D. Science politique. Eléments de sociologie politique. P. 265.

¹⁰⁰ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. С. 224.

¹⁰¹ Хакназаров Усман. Сколько стоит государственное кресло в Узбекистане? Режим доступа: <http://giurza.narod.ru/uzbek.htm>.

мова и его окружения является «продажа» государственных постов. В Узбекистане нет должностей, которых нельзя или невозможно купить. В этой пирамиде есть все ведомства, однако «цены» в них различные, в зависимости от веса и значимости ведомства. Самым значимым из них является Министерство внутренних дел: стать простым заместителем министра внутренних дел стоит от 80 тысяч до 100 тысяч долларов США, пост начальника отдела МВД Узбекистана – от 40 до 50 тысяч долларов. По утверждению политических журналистов, все деньги текут в карман министра внутренних дел З. Алматова и президента И. Каримова. Аукцион сопровождается самыми настоящими торгами.

В 2000 году президент и его советник Тимур Алимов ловко обманули нынешнего хокима Андижанской области Абидова, который на свое место приходил за 250 тысяч долларов. Тимур Алимов передает Абидову, что президент Каримов хочет назначить его заместителем премьер-министра за большие успехи в хлопководстве. И назвал «цену» этого кресла – 500 тысяч долларов. Абидов согласился и быстро заплатил эту сумму. Однако через месяц его опять вернули на должность хокима, сказав, что якобы Каримов недоволен им на новом поприще. К тому же, Алимов еще попросил у него и 250 тысяч долларов за новое назначение на пост хокима Андижанской области. Так, кресло хокима Андижанской области обошлось Абидову в 1 миллион долларов.*

Кроме того, что назначение на должности стоит денег, «покупатели» кресел должны платить так называемые ежегодные «взносы» за работу на этих должностях. Размер этих взносов варьируется до 50 % от размера суммы, данной за назначение на должность. Есть и сроки «перерегистрации» на ту или иную должность, сроки повторной «уплаты» за переназначение. Это обычно конфиденциальные распоряжения организаторов аукционов. И когда за высокие

* Представительными органами власти в областях, районах и городах Узбекистана являются Советы народных депутатов, возглавляемые хокимами. Хоким области, района, города является высшим должностным лицом области, района, города и одновременно возглавляет представительную и исполнительную власть на соответствующей территории. Хоким области, г. Ташкента подотчетен Президенту Республики Узбекистан и соответствующему Совету народных депутатов. Хоким района, города подотчетен вышестоящему хокиму и соответствующему Совету народных депутатов. Совет народных депутатов и хоким обеспечивают осуществление общих для области, района и города задач социально-экономического развития.

посты открывается борьба, даже за кресло президента, неопровержимый факт заключается в том, что «кандидаты» в действительности борются не за само управление страной, не посты, а за те деньги, которые поступают на эти эшелоны власти. Но действующие элиты без боя не отдают оппозиции свою кормушку – политическую власть в стране.

В 70-е годы XX в. в Марокко была формально учреждена конституционная монархия, хотя фактически оставалась абсолютистской. В стране функционировал парламент, многопартийная система, которая ограничивала власть некогда всесильной партии «Истикляль» и позволяла королю проводить политику «разделяй и властвуй». Со второй половины 80-х годов, когда в Марокко активизировался процесс либерализации и демократизации, оппозиция осмелела, между дворцом и правительством сформировалось «соперничество». При существовании множества партий у короля было широкое поле для политических маневров и создания приемлемого для него баланса сил. Избирательные округа нарезались таким образом, чтобы в случае необходимости голоса горожан, которые более или менее осознанно принимали решение и больше были склонны к оппозиционности, растворялись среди голосов сельских, консервативных избирателей. Власти препятствовали проникновению оппозиционных партий в сельские районы, контролируемые правящим режимом. Репрессии в отношении королевской оппозиции осуществлялись дозированно, оппозиционные партии не запрещались, их лидеры, в конечном счете, меняли свою критическую позицию, желая оставаться свободными. Даже непримиримые противники правящего режима претерпевали метаморфозу, видя готовность Хасана II щедро вознаградить раскаявшегося противника в обмен на лояльность королевской власти. Кроме того, оппозиционные политические организации и деятели понимали, что благосклонностью дворца всегда могли воспользоваться и другие силы. В такой ситуации в Марокко была особенно распространена практика продажи депутатских мест и голосов, в том числе королевской администрацией, «селекционирующей» таким образом как своих союзников, так и оппонентов. На местных выборах голос можно было купить за 20 долларов, в то время как место в парламенте могло стоить до 50 тыс. долларов. Политологи использовали при этом выражения «приватизация выборов», «экономизация» марокканского политического поля, что означало широкое использование денег и перемещение борьбы за власть из политического пространства в экономическое. Такой аукцион совершается с негласного «дозволения» официальных политических элит, но другой вопрос, когда аукцион составляет неофициальный, противозаконный, недопустимый со всех точек зрения акт.

В 2008 на совещании по формированию резерва управленческих кадров президент России Д. А. Медведев констатировал факт, что государственные посты в стране можно купить за деньги: «Решение о замещении должности порой принимаются по знакомству, по принципу личной преданности или, что наиболее отвратительно, – за деньги, то есть, должности продаются»¹⁰². Подобная ситуация является явлением сегодняшнего дня, несмотря на то, что «российское общество – это демократия, а не средневековая деспотия». Именно поэтому Президент России и его команда высказали свое намерение побороть традицию купли-продажи должностей, в этих целях в России должна создаваться «президентская квота», или кадровый резерв, полностью очищенный от коррупции.

*По мнению политиков, не продаются в России лишь не больше пяти кресел: президентское, премьер-министра и нескольких особо приближенных. Все другие доступны любому обладателю толстого кошелька. По подсчетам наблюдателей, за последние 10 лет цена чиновничьих постов выросла в 150 раз. Депутат Госдумы, лидер ЛДПР В.Жириновский считает, что торговля чинами - это национальная традиция России, и расценки на некоторые должности таковы: пост губернатора и место в совете федерации ~ 5 – 7 миллионов евро, более низкие инстанции, например начальник департамента или руководитель Федеральной службы, ~ 3 – 4.*¹⁰³

В начале июля 2008 президент Башкирии Муртаза Рахимов освободил от занимаемой должности главу своей администрации Радия Хабирова. Этот высокопоставленный чиновник занимался продажей государственных постов: за пять лет он превратил должность и власть в высоколиквидный инструмент. По негласному прайс-листу, «через Хабирова» стать депутатом Госдумы РФ стоило 30 млн. рублей, депутатом местного парламента – Курултая РБ – 6 млн. рублей, начальником отдела администрации президента РБ – 5 млн., специалистом в отделе – 1,5 млн. На продажу выставлялись должности глав районов, городов, мировых судей, нотариусов. Больше того, «покупки» зачастую навязывались, в чистом виде вымогательство, а если кандидат отказывался платить, то на его карьере ставился крест. Оказалось, что чиновники в ходе и после избирательной кампании в Курултай требовали от кандидата около 15 млн. рублей, «как вознаграждение за якобы оказанное содействие в получении депутатского мандата». Деньги тре-

¹⁰² Интернет-журнал «Новая политика». Режим доступа: <http://www.novopol.ru/material13717.html/>.

¹⁰³ Официальный сайт юриста В. Ю. Родионова. Режим доступа: <http://hotlaw.ru/index>.

бовали и после избрания. Пострадавшие обращались к президенту, но жалобы поступали в администрацию, и система до последнего времени работала безотказно.

Итак, механизмы рекрутирования элиты оказывают значительное влияние на социальную представительность, качественный состав элиты, на способы осуществления власти, на тип политического режима и состояние политической системы в целом. Эти механизмы определяют, кто, как и из кого осуществляет отбор в элиту, каковы его порядок и критерии, круг селектората и побудительные мотивы его действий. Как показывает опыт многих стран, существующие пути оптимизации системы рекрутирования политико-административной элиты не действуют одинаково во всех политических системах, огромное влияние оказывает политическая культура и цивилизационные особенности страны.

Выборность и конкурсы претендентов на государственные посты, квалификационные экзамены и работа с «резервом», конструктивное взаимодействие с политическими партиями, профсоюзами и другими общественными организациями – эти «идеальные» процедуры характерны для демократически организованных систем. Аукцион, наследование в чистом или опосредованном виде, аферы, махинации с привкусом бесконечной коррупции и ожесточенной денежной схватки – для авторитарных политических систем, хотя встречается и в демократических системах в аспекте нарушения конституционных установок. Назначение как механизм рекрутирования на высшие государственные посты практикуется во всех типах систем и является приоритетным в тоталитарных политических системах.

4.4. Два типа рекрутирования: открытый/закрытый

Взглянув глобально на разделение общества, можно подумать, что элиты различных стран и цивилизаций одинаковы. Они всегда на верхушке социальной иерархии, всегда имеют средства к личному существованию и реализации власти, им поклоняются, ими восхищаются и т. д. И географически (будь то элита Индии, Франции или Скандинавии), и во времени (средневековые бояре или советская номенклатура) элита поражает своим статусом, положением, и

устремление к ее высотам – постоянное и повсеместное явление, своего рода вневременная категория, но не внегеографическая. Например в Японии, стране с конфуцианскими традициями, не принято устремляться к элитным вершинам власти, если нет на то реальных оснований, японский менталитет под влиянием идеалов, этических норм, обычаев и институтов, восходящих к основаниям японской культуры и истории не позволяет заглядываться на власть имущих. В России же претендовать на высший политический пост – «признак хорошего тона», вчерашний криминальный авторитет мечтает о карьере губернатора или депутата. Так, элита каждой цивилизации имеет свою специфику рекрутирования, на пути к вершинам власти в каждой стране есть свои преграды со своими формами и содержанием. Однако в ходе рекрутирования всех стран есть нечто, что позволяет систематизировать общие направляющие этих процессов. Элитологи говорят о двух типах, двух системах рекрутирования, которые получили названия «открытый тип» или «закрытый тип». Следовательно, каждому типу соответствует открытая или закрытая элита.

Открытая элита характеризуется широкими возможностями на пути вертикальной социальной мобильности для наиболее активных, образованных, способных к инновациям людей из всех классов и слоев общества. Открытая элита стремится быть лучше, эффективнее выполнять свое социальное предназначение. Этот тип рекрутирования элиты основывается на отборе, в виде «честного конкурса», при котором решающим моментом являются личные качества человека, его способности, его образованность, нравственные характеристики, а не его (или его родителей) социальное положение, принадлежность к определенной социальной группе (привилегированному сословию, классу, национальности или группировке).

И соответственно, закрытые, непрозрачные элиты – элемент «закрытого общества», где социальная мобильность низка или даже отсутствует. Данный тип рекрутирования элиты имеет узкую социальную базу, препятствует занятию элитных позиций наиболее способными людьми из низших страт общества, он обрекает политическую систему на застой, элита неминуемо вырождается, утрачивает способность к эффективному управлению.

Закрытый тип рекрутирования элиты является исторически первым, открытый тип является результатом развития политической системы, так как требует для своей реализации высокого уровня политической культуры. Закрытая элита – это господствующий класс, слой, сословие, который монополизировало политическую власть, и все элитные позиции заняты его ставленниками. Если в обществе превалирует именно принцип выдвижения на элитные должности не самого умного, способного, честного, но зато «своего» человека, доказавшего преданность социальной группе, клану, лидеру — это определенно означает закрытый тип селекции, ведущий к негативным последствиям для общества и в конечном счете к деградации элит. Принципиально, что стремительное образование контрэлит, превосходящих правящую элиту по своим интеллектуальным и другим показателям, выпадает как раз в моменты особого застоя в правящих элитах.

Таким образом, модель закрытой элиты – древнеиндийская кастовая система, в которой касты кшатриев и брахманов отделены практически непроницаемой перегородкой от низших каст, а также большинство древневосточных деспотий, тоталитарные государства типа Советского Союза при И. Сталине. Такой принцип рекрутирования сохраняется во многих регионах России, его называют еще номенклатурный принцип. Он означает продвижение в административную элиту либо финансово-промышленные группы на основе формальных и (чаще) неформальных связей, негласных правил поведения. Способы рекрутирования элит почти целиком зависят от личных предпочтений руководителя, т. е. основаны на патрон-клиентарных отношениях¹⁰⁴, что, в общем-то, доказывается многими исследователями.

Считается, что закрытый тип рекрутирования элиты характерен для политической системы традиционного общества, а по отношению к современным политическим системам – для авторитарных и тоталитарных политических режимов. Однако существование абсолютно закрытого общества, где отсутствует вертикальная мобильность, так же как и общество, в котором вертикальная мобильность абсолютно свободна, ставится под большим вопросом. Г. К. Ашин,

¹⁰⁴ Попонов Д. В. Процесс формирования региональной политической элиты в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2004. С. 26-34.

доктор философских наук, профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ, изучив тенденции в рекрутировании, соглашается с П. Сорокиным и констатирует, что «подобное общество было бы абсолютно бесструктурным».¹⁰⁵ Можно добавить – немобильным, и в обществе всегда есть индивиды, которые найдут «лазейки» в своих ярых устремлениях во власть (будь то ложь, открытая борьба, интрига и т. п.).

Открытая модель элиты характерна в основном для традиционных демократий. Такая система рекрутирования имеет исключительную важность в обеспечении более или менее равных возможностей доступа к власти всем гражданам. Однако есть поправки — в этих политических системах выходцы из высших страт общества, обладающие деньгами, социальными связями, возможностями для получения дорогостоящего образования, обладают лучшими стартовыми возможностями для элитной карьеры.¹⁰⁶

Социальная база элиты в демократических странах более широкая даже при существовании в них господствующего класса, который цепко держит в своих руках основные нити государственного управления, выходцы из низших страт оказываются более представленными в политической элите. Это не означает, что в классово-дифференцированном обществе элита превращается в бесклассовую группу. Как убедительно показал Р. Михельс, избрание в парламент, назначение на значительную государственную должность выходца из низшей социальной страты обычно меняет его образ жизни, он перенимает стиль жизни и привычки представителей более высокой социальной страты, интегрируясь в существующую социально-политическую систему. В результате существующие демократические политические системы явно имеют дефекты, и модель открытой элиты представляется скорее идеалом, нормативом.

Французскому политологу Ж. Бузино принадлежит высказывание: «Демократия без элит не может реализовать никакой программы справедливого общества; элиты без демократии приходят только к раздорам, конфлик-

¹⁰⁵ Ашин Г. К. Рекрутирование элиты // Власть. 1997. № 5. С. 12.

¹⁰⁶ Титов В. Н. Политическая элита и проблема политики // Социс. 1998. № 7. С. 23.

там, обострению напряженности, бунтам, социальному порядку беззакония, нестабильности и деспотизму»¹⁰⁷.

Как самая компетентная и активная часть общества, наделенная должностными полномочиями в государстве, политическая элита является ответственной за совершенствование демократии как формы правления с ее противовесами и механизмами взаимодействия между различными общественными слоями, но при условии ее собственного совершенствования. «Однако оказывается, что французский политический класс «страдает от собственной невозможности обновляться, – констатирует в начале 2004 года политический журналист и лучший знаток современного политического микроскопа Ф. Рейнхард. – ...Наша политическая система запрещает всяческое обновление, любую форму смены. Молодежь встанет на путь карьеры только тогда, когда старшего поколения там уже не будет»¹⁰⁸. Политический класс теоретически следует определенным демократическим процедурам отбора, гласности правления, контроля, но реально нарушает принцип чередования элиты у власти. Подобная ситуация провоцирует новую интерпретацию представительной демократии: осуществление демократических норм с минимальной вовлеченностью народа.

В связи с недостаточным обновлением политического персонала, высоким процентом политиков пожилого возраста в руководстве страной и многими другими факторами, в современной прессе фигурирует понятие «угроза демократии».

Профессор старейшего французского университета Сорбонны, яркий представитель классической политической философии Ж. Бешлер издал труд, полностью посвященный искажениям и дефицитам демократии, он пишет: «Обмен совершается между частной и государственной сферами. Частные интересы, которые нуждаются в привилегиях, освобождении от налогов, протекции, субсидиях, выступают в роли стороны в обмене и предлагают партнеру свои голоса и содействие в ходе выборов. Их партнерами являются политики, которым нужны голоса и поддержка, чтобы быть избранными и переизбранными, и которые предлагают со своей стороны законы, регламенты и финансирование, благоприятствующие частным интересам»¹⁰⁹. Лоббирование частных вопросов на политическом уровне стало привычным и естественным в современных демократиях, но Ж. Бешлер усматривает в этом заговор в верхних

¹⁰⁷ Busino G. Elites et Elitisme. P., 1992. P. 11-12.

¹⁰⁸ Reinhard P. Après Chirac. Le bal des prétendants a déjà commencé. Paris, 2004. P. 307.

¹⁰⁹ Бешлер Ж. Демократия. М., 1994. P. 175.

эшелонах власти, называет его искажением демократии и концом свободы.

По теории Ж. Бешлера, элита, сплоченная и закрытая, может быть причислена к обстоятельствам, которые мешают демократии приблизиться к своему идеалу.

В отличие от Ж. Бешлера, ученые В. Меркель и А. Круассан считают беспочвенными сравнения современной демократии с «идеальными» или «совершенными» формами. «Дефектность» демократии они относят к недостаткам или ограничениям институционных механизмов¹¹⁰. Они, проводя анализ видов демократии в различных странах мира, утверждают, что необходимый минимум для реализации демократии возможен при наличии трех критериев, или измерений: политическое участие, политическая конкуренция и конституционно-правовой механизм. Таким образом, «дефектная» демократия – это демократия, имеющая повреждения в одном из измерений.

Итак, с одной стороны, в стране установлена демократия официально, предполагающая свободный доступ к управлению, с другой стороны, наблюдаются постоянные вторжения на территорию демократии в виде отработанного механизма воспроизводства властных структур посредством Высших корпусов и ЕНА, совмещения мандатов и т. д., что делает элиту закрытой.

При опросах обычных граждан о природе демократической системы, в которой они живут, выясняется, что решения принимают граждане, но каждый гражданин отмечает, что «власть захвачена избранными, политиками, которые осуществляют ее в замкнутом круге, не слишком заботясь о настоящих интересах граждан»¹¹¹.

Ученые, занимающиеся исследованиями региональных политических элит в России, отмечают наличие открытости/закрытости как тип рекрутирования по различным признакам. По степени конкурентности А. Н. Медушевский выделяет открытую, закрытую и переходную элиты. Открытая элита имеет черты: плюрализм группировок, консенсусные методы принятия решений. Закрытая элита имеет жесткую иерархию, единую структуру и соподчинение лиде-

¹¹⁰ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис : политические исследования. 2002. №1. С. 10.

¹¹¹ D'Estaing, G. V. Les Français. Réflexions sur le destin d'un peuple. P. 283.

ру; над контрэлитами установлен жёсткий контроль (Калмыкия, Башкортостан, Татарстан). Переходная элита сочетает черты противоположных типов (Саратовская, Кемеровская области, Хабаровский край).¹¹²

При определении типа рекрутирования учитывается и тип политической культуры. В противовес закрытому типу, характерному для государств с патриархальной культурой, является открытое, конкурентное и гласное рекрутирование элит, проявляющееся в странах с высоким уровнем урбанизации и развития культурно-образовательного комплекса, с партисипаторным типом политической культуры.

Итак, важной сущностной характеристикой закрытого типа рекрутирования является то, что данный процесс обеспечивает преемственность элиты по крови, идеалам. Переход к открытой элите – рискованный момент – предполагает и смену курса, и смену механизмов функционирования элит и т. д. Процесс рекрутирования элиты в любом государстве и характер сложившихся общественных отношений взаимозависимы.

При сравнительном анализе типов рекрутирования элит легче говорить о некоторых общих тенденциях. В процессе становления демократий в США, Франции, России на начальном этапе всегда прослеживается тенденция движения от закрытого типа рекрутирования к более открытому. Степень приближения к открытой системе формирования элит Франции, России и США различны.

Считается, что американская модель в исторической ретроспективе явно ближе к модели открытого рекрутирования, это определяется историческими особенностями развития страны. Начальный колониальный период истории Северной Америки был периодом преимущественно закрытых элит. Но целый ряд объективных условий благоприятствовал движению к более открытому рекрутированию элит. Известно, что Соединенные Штаты миновали стадию феодализма (точнее, у них имелись лишь пережитки этой системы), развивались в условиях отсутствия разрушительных войн.

Анализ процессов рекрутирования политических элит в США показывает, что важнейшей характеристикой этих процессов явля-

¹¹² Лапина Н. Ю. Формирование современной российской элиты: (проблемы переходного периода). М.: ИНИОН РАН, 1995. С.55-59.

ется политический приоритет экономически доминирующих групп. К вершине политической иерархии французский политик проходит через систему образования, успешное прохождение жесткого конкурсного отбора в процессе вступительных экзаменов в ЕНА – гарантия вхождения в высший слой управленцев и престижное трудоустройство в государственном аппарате. Официальный путь фактически маловероятен или требует невероятных усилий. Более чем для тысячелетней истории России характерен закрытый тип элит: определяющим принципом рекрутирования элиты было местничество. Назначение на высшие должности (например на воеводство) определялось не столько заслугами, сколько знатностью, родовитостью. В Советской России в политическое руководство страны можно было попасть только коммунистам.

Итак, каждая элита обладает своими социально-культурными характеристиками. Элиты различны и по численности, и по социальному составу, и по образованности и кратическому поведению. На элиту каждой страны оказывают влияние религиозные и цивилизационные традиции, элиты способны заимствовать друг у друга многие элементы рекрутирования и функционирования, но многое остается характерным только для конкретной элиты. Наукой уже получен огромный пласт знаний об элитах, но еще многое нужно познать. Так что дело за молодыми исследователями.

Рекомендуемая литература

1. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учеб. пособие / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон ; сокр. перевод с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной ; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 536 с.
2. Афанасьев, М. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит / М. Афанасьев // Политические исследования. – 1994. – № 6. – С. 59 – 66.
3. Ашин, Г. К. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий: учеб. пособие для вузов / Г. К. Ашин, Э. Д. Лозанский, С. А. Кравченко. – М.: Экзамен, 2001. – С. 457 – 507.
4. Ашин, Г. К. Рекрутирование элиты / Г. К. Ашин // Власть. – 1997. – № 5. – С. 25 – 31.

5. Ашин, Г. К. Формы рекрутирования политических элит / Г. К. Ашин // *Общественные науки современность*. – 1998. – № 3. – С. 85 – 96.
6. Бабаева, Л. Элита России: о настоящем и будущем страны / Л. Бабаева, Е. Таршис, Л. Резниченко // *Социологические исследования*. – 1996. – № 4. – С. 40 – 49.
7. Бирюков, С. В. История политических и правовых учений / С. В. Бирюков. – Кемерово, 2006. – 447 с.
8. Булдакова, Л. В. Политическая элита Франции: учебное пособие / Л. В. Булдакова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 148 с.
9. Бурдые, П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые // *Вопросы социологии*. – Т. 1. – М.: Адапт, 1992. – С. 53 – 98.
10. Бурдые, П. Рынок символической продукции / П. Бурдые // *Вопросы социологии*. – Вып. 5. – 1994. – С. 50 – 62.
11. Бурдые, П. Политическое представление: элементы теории политического поля / П. Бурдые // *Социология политики*. – М., 1993. – С. 179 – 230.
12. Дискин, И. Россия: трансформация и элиты / И. Дискин. – М., 1995. – 64 с.
13. Коновалов, А. Б. Исторический опыт кадрового обеспечения региональной партийной элиты (вторая половина 40-х – середина 60-х гг.) / А. Б. Коновалов // *Социально-политическое взаимодействие на территории: механизмы, трансформации, регулирование: материалы Респ. науч. конференции 9-11 декабря 1998 гг.* – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 186 – 193.
14. Коновалов, А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943 -1991) / А. Б. Коновалов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 492 с.
15. Лысенко, В. Н. Парламентаризм и формирование политического истеблишмента в России / В. Н. Лысенко // *Политические исследования*. – 1994. – № 6. – С. 134 – 142.
16. Михельс, Р. Принципиальное в проблеме демократии: [пер. с нем.] А. Н. Малинкина / Р. Михельс // *Социологический журнал*. – 1994. – № 3. – С. 89 – 93.
17. Макаркин, А. В. Региональные политические элиты: смена поколений / А. В. Макаркин // *Полития: анализ. Хроника. Прогноз*. – 1998. – № 1. – С. 33 – 49.
18. Медушевский, А. Н. Формирование правящего класса / А. Н. Медушевский // *Социологический журнал*. – 1995. – № 4. – С. 36 – 49.
19. Михельс, Р. Социология политических партий в условиях демократии [Текст] / Р. Михельс // *Диалог*. – 1990. – № 3.
20. Острогорский, М. Я. Демократия и политические партии. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 640 с.
21. Рокмэн, Б. Политическое лидерство / Б. Рокмэн // *Советское государство и право*. – 1988. – № 5. – С. 106 – 116.

Краткая хрестоматия

М. С. Восленский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза

Михаил Сергеевич Восленский (1920-1997), доктор исторических и философских наук, в 1953- 1955 гг. работал во Всемирном совете мира (в Праге и Вене), в 1955-1972 гг. – в АН СССР. Долгие годы жил и работал в ФРГ. В 1976 году был лишен советского гражданства, а в августе 1990 года восстановлен.. Исходный тезис М. С. Восленского таков: уже революция создала в рамках партии монополистический привилегированный слой советского общества. В ходе дальнейшего процесса, состоявшего из ряда фаз, этот слой укрепил и узаконил свое положение. Он не только отгородил себя от общества, от народа и от всего мира, даже внутри него самого была воздвигнута иерархия чинов и социальных барьеров. М. Восленский одним из первых обосновал термин «номенклатура», хотя его предшественники называли этот слой «партократией», «кастой», «новым классом», «политической (или партийной) бюрократией», хотя и писали об одном и том же объекте. Под номенклатурой понимался установившийся иерархический режим советской партбюрократии и связанных с ней бюрократий.

Глава 1. Советское общество – тоже антагонистическое

Развитое человеческое общество делится на классы. Деление общества на классы было открыто задолго до Маркса. Более того, вопреки распространенному мнению, не Марксу принадлежит и открытие классовой борьбы. Прочитаем, что пишет об этом сам Маркс: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что *классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*».

«...В основе деления на классы лежит закон разделения труда», – писал Энгельс. – Однако нельзя смешивать классы с профессия-

ми. Нет класса счетоводов и класса бухгалтеров, класса судомоек и класса водителей такси. Класс – не профессиональная группа и не профсоюз, а крупный слой общества, вбирающий в себя много профессий. Деление между классами – не профессиональное, а социальное».

Вот ленинское определение: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства». Ленин добавлял, что классы различаются между собой и по тем интересам, которые определяются обстановкой жизни их членов.

Интересы классов, как и отдельных людей, всегда в той или иной степени расходятся. Это естественно, ибо положение классов в обществе различно. Энгельс писал: «Общество разделяется на классы – привилегированные и обездоленные, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные...». А советский учебник для системы партийной учебы поясняет: «... В пределах одной формации классы отличаются друг от друга по их месту в системе производства: один класс заведует производством, другой – непосредственно осуществляет производственный процесс; один – трудится, другой – присваивает себе результаты его труда.

Ясно, что в таких случаях компромисс между классами невозможен. Классовые интересы противоположны или несовместимы. В этих случаях речь идет об антагонистических классах, а общество, в котором они действуют, является антагонистическим».

Между классами-антагонистами разворачивается классовая борьба. Маркс и Энгельс дали отчетливую формулировку: «Вся предшествующая нам история есть история борьбы классов». Это объясняется тем, что классовый антагонизм в обществе – не редкость, а правило. Все существовавшие до сих пор классы общества были, как подчеркивает марксизм, антагонистическими.

Счастливым исключением из этого правила, с точки зрения марксизма-ленинизма, должно составить лишь общество реального социализма.

Теория Джиласа

В советской литературе часто цитируются патетические ленинские слова: «...Мы вправе гордиться, и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса...». К этой формулировке Ленин возвращался не раз. Например: «Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии...». Или в одной из последних работ, в августе 1921 года: «Всякий знает, что Октябрьская революция на деле выдвинула новые силы, новый класс...».

«Новый класс» – так и назвал свою книгу югославский политик, бывший член Союза коммунистов Югославии, ученый и писатель Милован Джилас, постаравшийся теоретически осмыслить вопрос: кто такие «управляющие»? Личный жизненный опыт – незаменимое сокровище – открывал ему для этого уникальные возможности. Джилас не только был ряд лет в числе «управляющих», он возглавлял их, будучи членом Политбюро ЦК – святая святых любой Коммунистической партии. «...Я прошел, – пишет он, – весь путь, открытый для коммуниста: от низшей до самой высокой ступени иерархической лестницы, от местных и национальных до международных органов, и от образования Коммунистической партии и подготовки революции до установления так называемого социалистического общества».

Сущность разработанной Джиласом теории сводится к следующему. После победы социалистической революции аппарат компартии превращается в новый правящий класс. Этот класс партийной бюрократии монополизировать власть в государстве. Проведя национализацию, он присваивает себе всю государственную собственность. В результате новоявленный хозяин всех орудий и средств производства – новый класс становится классом эксплуататоров, попирает все нормы человеческой морали, поддерживает свою диктатуру методами террора и тотального идеологического контроля.

Происходит перерождение: бывшие самоотверженные революционеры, требовавшие самых широких демократических свобод, оказавшись у власти, превращаются в свирепых реакционеров - душителей свободы. Положительным моментом в деятельности нового класса в экономически слабо развитых странах является проводимая им индустриализация и связанное с ней по необходимости известное распространение культуры; однако его хозяйничание в экономике отличается крайней расточительностью, а культура носит характер политической пропаганды. «Когда новый класс сойдет с исторической сцены, – а это должно случиться, – резюмирует Джилас, – люди будут горевать о нем меньше, чем о любом другом классе, существовавшем до него»...

...Но пути подхода к элите ясно намечены Джиласом. Он не только отбросил идиллическую сталинскую схему структуры социалистического общества, но не остановился и на делении этого общества на управляемых и управляющих. Джилас объявил, что в социалистических странах правящая элита – это новый господствующий класс партийной бюрократии. Джилас выдвинул научную теорию, принесшую ему известность во всем мире и тюремный приговор в Югославии; как будто когда-нибудь удавалось приговорами остановить развитие науки!

Классовое господство

Хотя именно Джилас впервые выступил с разработанной теорией, в разных странах уже в 20-х годах стал подниматься вопрос о том, что в СССР возник новый господствующий класс.

Начнем с одного из ранних высказываний на эту тему. Вот как характеризует «управляющих» и «управляемых» в СССР И. Е. Штейнберг, нарком юстиции в первом правительстве Ленина после вхождения в него левых эсеров: «На одной стороне – опьянение властью: наглость и безнаказанность, издевательство над человеком и мелкая злоба, узкая мстительность и сектантская подозрительность, все более глубокое презрение к низшим, одним словом, *господство*. На другой стороне – задавленность, робость, боязнь наказания, бессильная злоба, тихая ненависть, угодничество, неустанное обманывание старших. Получаются два новых класса, раз-

деленных между собой глубочайшей социальной и психологической пропастью».

Любопытная картина! Как видим, здесь – отнюдь не два сталинских дружественных класса рабочих и крестьян, а антагонистические классы управляющих и управляемых. Подобные утверждения стали вскоре раздаваться со стороны самых различных политических группировок.

В 1936 году долголетний московский корреспондент немецкой газеты «Франкфуртер Альгемайне» Перцген писал, что в СССР произошло «новое классовое образование, развитие ныне господствующего привилегированного слоя».

В те же годы находившийся в эмиграции русский философ Николай Бердяев отмечал: «Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит...». Югославский коммунист Анте Силига, после ряда лет работы в СССР, а затем ссылки писал в своей книге, опубликованной в Париже в 1938 году: «В Советском Союзе правит «совершенно новый класс – бюрократия коммунистов и специалистов».

В 1939 году диссидент в лагере троцкистов итальянец Бруно Рицци опубликовал во Франции книгу «СССР: бюрократический коллективизм», первую часть задуманной им трилогии «Бюрократизация мира». Как свидетельствует само название, автор рассматривал развитие в СССР лишь как частный случай якобы всемирного явления прихода к власти бюрократии.

Применительно к западному миру идея о «революции менеджеров» была развита Бернхэмом. Его исследование показало, что руководящая роль управляющих (в противоположность роли владельцев средств производства) ограничивается на Западе сферой экономики и не связана с политической властью. Следовательно, это феномен иного порядка, чем возникновение нового правящего класса в СССР. Полемизируя с рассуждениями Троцкого и его учеников о том, будто в Советском Союзе государство является «пролетарским», Рицци выдвинул ряд интересных тезисов. Он подчерк-

нул, что не рабочий, а другой правящий класс, бюрократия, поднялся из Октябрьской революции. Сделавшись собственницей всех орудий и средств производства в стране, она стала классом еще более эксплуататорским, чем буржуазия. Однако Рицци весьма туманно обрисовал границы класса бюрократии. В одном случае он писал, что новый правящий класс состоит из «функционеров и техников», в другом случае включает в этот класс также полицейских, офицеров, журналистов, писателей, профсоюзных боссов, наконец, «всю коммунистическую партию в целом».

В 1943 – 1944 годах английский писатель Джордж Оруэлл в получившем широкую известность на Западе рассказе «Скотский хутор» в обобщенном виде обрисовал так, как он его понимал, процесс создания общества реального социализма; не как розовую утопию, а как историю формирования нового господствующего класса. Аллегория Оруэлла повествует о том, как на одном хуторе животные устроили революцию против господства людей (кстати, в рассказе отнюдь не идеализированного) и сами стали хозяйничать. Но республика освободившихся было животных быстро оказалась под властью свиней и их свирепых охранников – сторожевых псов. Уделом остальных животных хутора стал беспросветный труд по выполнению составляющихся свиньями планов, сдабриваемый свинской демагогией, что-де животные отныне работают не на людей, а на самих себя. Под шумок этих разговоров свиньи стали владельцами хутора, причем, как с завистью констатировали люди, «низшие животные на скотском хуторе работали больше, а еды получали меньше, чем какие-либо еще животные в графстве».

Рассказ Оруэлла был запрещен в коммунистических странах. Тот же строгий запрет был наложен там на его роман «1984», рисующий жизнь и судьбы людей в Англии в случае установления в ней строя реального социализма. Изображаемое им общество делится на три слоя: внутренняя партия, то есть партийно-полицейский аппарат, превратившийся в господствующий класс; внешняя партия – подчиненная этому классу интеллигенция; пролетариат – низший класс общества.

Отнюдь не менее остро, чем буржуазные авторы, говорили о наличии классовых антагонизмов в Советском Союзе сторонники мировой пролетарской революции. Троцкий указывал на процесс

обюрокративания партийного аппарата в СССР и на то, что в результате вместо диктатуры пролетариата создалась «диктатура над пролетариатом». После того, как убийца из НКВД Рамон Меркадер ликвидировал Троцкого, приверженцы последнего, в частности Эрнест Мандель, продолжали писать о развитии бюрократии в Советском Союзе.

По мнению троцкистов, еще в двадцатые годы бюрократия «политически экспроприировала» рабочий класс и сделалась привилегированным общественным слоем; теперь необходима антибюрократическая революция в интересах рабочего класса, чтобы действительно построить социализм.

Таким образом, мысль о наличии в СССР нового классового господства, причем отнюдь не господства рабочего класса, стала высказываться на Западе задолго до появления книги Джиласа.

Подведем итог. Мы без всякого предубеждения начали со сталинской концепции советского общества как неантагонистического, состоящего из двух дружественных классов и прослойки интеллигенции. Впервые мы усомнились в ее правоте потому, что в Советском Союзе существует мощное государство, по теории же Ленина всякое государство есть машина для поддержания господства одного класса над другими, а существование государства доказывает, что в обществе наличествуют непримиримые классовые противоречия. Поэтому-то мы и стали анализировать сталинскую схему, затем искать в литературе отражение ощенной нами реальности. Оказалось, что, даже по мнению официальных советских изданий, в советском обществе есть группа профессиональных «управляющих», осуществляющая «управление», иными словами, – власть во всех сферах общественной жизни. Это правящая социальная группа. Она находится в составе так называемой «прослойки интеллигенции», следовательно, ее «особое положение» никак не может быть отождествлено с официально провозглашаемой «руководящей ролью» рабочего класса при социализме.

Таким образом, различные аргументы подводят к заключению, что «управляющие» в обществе реального социализма – класс. Чтобы сделать окончательный вывод, необходимо применить имеющийся у нас критерий – определение класса. Подходит ли социальная группа «управляющих» в СССР под это определение?

В полном соответствии с ленинским определением класса, это большая группа людей, отличающаяся от других групп по своему – господствующему – месту в исторически определенной системе общественного производства, тем самым по отношению к средствам производства, по своей (организующей) роли в общественной организации труда, а следовательно, по способу получения и размерам той (непомерной) доли общественного богатства, которой она располагает. Значит, группа «управляющих» целиком подходит под ленинское определение класса, причем класса господствующего. Вот мы и пришли к выводу.

«Управляющие» – это господствующий класс советского общества. В обществе реального социализма есть господствующий класс и есть угнетаемые им классы. Вот что увидит путешественник из-за рубежа, приехавший в СССР посмотреть на историческое будущее. Такова правда о советском обществе.

«Диктатура над пролетариатом»

...После Октябрьской революции Ленин уже в полный голос стал настаивать на «воспитании новой дисциплины» у трудящихся, называя это новой формой классовой борьбы [70]. Наименование было зловещим: в классовой борьбе большевики расправлялись с врагом сурово. Кто рассматривался в качестве потенциального классового врага? Речь шла уже не о капиталистах и помещиках, а о *пролетариях*. Ленин отвечал на этот вопрос недвусмысленно; «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего *класса* от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, — содрать с «него» денег побольше». Ну, слова об «интересах рабочего класса» здесь — привычный эвфемизм для обозначения интересов «авангарда» и его «Советского государства». А остальное все правильно: классовый враг для Ленина — те рабочие, которые не хотят, чтобы их это государство эксплуатировало...

...Ленин сознает, однако, необходимость пополнения рядов этого «авангарда». «Чем глубже переворот, тем больше требуется активных работников для свершения работы замены капитализма

аппаратом социализма», — констатирует он менее чем через полтора месяца после Октябрьской революции и ставит задачу: «...Сейчас не должно думать об улучшении вот в этот момент своего положения, а думать о том, чтобы стать классом господствующим». Призыв этот обращен, разумеется, к «народным массам», но фактически к ним относится лишь первая его часть — не думать об улучшении своего положения. Господствующие же позиции предназначены не для самой массы, а для «активных работников», для тех, кто отличится в деле подавления противника и выполнения поставленных ленинцами задач. «Вот на какой работе, — писал Ленин в январе 1918 года, — должны *практически* выделяться и выдвигаться наверх, в дело общегосударственного управления, *организаторские таланты*... Им надо помочь развернуться. Они *и только они*, при поддержке масс, смогут спасти Россию и спасти дело социализма».

Глава 2. Рождение господствующего класса

Создание номенклатуры

Вождь революции Ленин изобрел организацию профессиональных революционеров. Глава аппарата Сталин изобрел номенклатуру. Изобретение Ленина было рычагом, которым он перевернул Россию; оно, как писал Шульгин, сдано в музей революции. Изобретение Сталина было аппаратом, при помощи которого он стал управлять Россией, и оно оказалось гораздо более живучим.

Латинское слово «номенклатура» обозначает буквально перечень имен или наименований. Этимологический смысл термина в общем соответствует его содержанию в странах реального социализма.

Первоначально этим термином обозначили распределение функций между различными руководящими органами. Но постепенно этот смысл утрачивался и вытеснялся другим. Поскольку при распределении функций были расписаны между руководящими органами и те «высокопоставленные должности» на которые эти органы должны были производить назначение, именно этот кадровый аспект, оказавшийся исключительно важным, и вместил в себя все содержание термина «номенклатура». Номенклатура — это: 1) пе-

речень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган, 2) перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения.

Почему, кем и как была создана номенклатура? Как уже говорилось, ленинская организация профессиональных революционеров была слишком малочисленной, чтобы в условиях огосударствления всей жизни и монопольного положения правящей партии в огромной стране обеспечить занятие всех ответственных должностей в стремительно разраставшемся партийном и государственном аппарате.

В образовавшийся вакуум в различных звеньях власти рвалась лавина карьеристов. Для того, чтобы получить шансы на успех, требовалось в сущности немного: быть не дворянского и не буржуазного происхождения и вступить в уже победившую и прочно усевшуюся у власти правящую партию (а для молодежи — в комсомол). В качестве революционных заслуг засчитывалось пребывание в годы Гражданской войны в рядах Красной Армии, куда были мобилизованы миллионы людей. Но даже если этого не было, в существовавшей неразберихе заслуги можно было легко придумать. Одним словом, путь наверх был открыт. Необходимость отбора людей была неоспорима. Вставал вопрос о критериях в системе отбора. Казалось бы, поскольку речь шла не о синекуре, а о работе, естественным критерием были максимальная пригодность и способность к выполнению данного дела, по советской кадровой терминологии — «деловые признаки». Однако вместо них были безоговорочно сделаны главным критерием «политические признаки». Это означало примерно то, что, если бы на пост директора физического института претендовали беспартийный буржуазный спец Альберт Эйнштейн и братишка с Балтфлота партиец Ваня Хрюшкин, отдавать предпочтение надо было Ване. Очевидная глупость такого подхода вовсе не свидетельствует о недомыслии тех, кто его декретировал. Когда ленинскому правительству действительно важно было иметь на руководящих постах подлинных специалистов, оно это делало: в Гражданскую войну красными войсками командовали «военспецы» — бывшие царские генералы и офицеры.

Но в целом «политические признаки» стали твердой и неизменной основой назначений на все ответственные посты в СССР. Так остается и поныне. На XXVII съезде партии в 1986 году второй секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев отметил: «В ряду важнейших критериев подбора кадров мы на первое место ставим политические качества работника».

Торжество «политических признаков» объяснялось следующей закономерностью, мало понятной в условиях капиталистической конкуренции: при реальном социализме считается целесообразным — хотя об этом не принято прямо говорить — назначать на посты людей, которые для работы на этих постах не очень подходят, а в ряде случаев совсем не подходят. Это на первый взгляд нелогичное явление, с которым, однако, сталкиваешься на каждом шагу в любой социалистической стране, имеет вполне рациональное объяснение. Каждый должен чувствовать, что он занимает место не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, он легко может быть заменен другим. На этом основывается известный сталинский тезис, охотно повторяемый и поныне: «У нас незаменимых людей нет». Поскольку этот руководящий тезис применим к Эйнштейну в меньшей степени, чем к Хрюшкину, назначать надо Хрюшкина. Как видите, логика здесь есть. За многие годы в Советском Союзе мне лишь в редких случаях доводилось встречать людей, действительно подходивших к своим постам,— и обычно у них всегда бывали неприятности: так как общий признак подбора кадров был иным, объективно получалось, будто именно они занимали не свои места. Этот принцип кадровой политики порождал у счастливых назначенцев не просто покорность воле начальства, но бурное стремление выслужиться, чтобы хоть таким путем стать незаменимыми. При этом выслужиться — не значит хорошо работать, а значит хорошо делать то, чего желает назначающее и соответственно могущее сместить с поста начальство.

Такой результат, ощутимый, даже если речь идет о мелких служащих, сулил неопределимые политические возможности на уровне руководящих чинов партийного и государственного аппарата. Произвольно назначенные по «политическим признакам» и весьма легко заменимые, эти чины готовы были всячески выслуживаться

перед назначавшими их, чтобы удержаться и получить еще более высокие посты.

Кто был этим назначавшим и, следовательно, потенциальным хозяином быстро разраставшейся номенклатуры?

Все дело назначения руководящих кадров в стране Сталин сосредоточил в руках своих и своего аппарата. Так, под прикрытием примата «политических признаков» при отборе кадров, Сталин создал ситуацию, в которой автоматически вся новая номенклатура оказывалась преданной лично ему.

Западные биографы Сталина не раз делали превратившееся постепенно в общее место противопоставление: Троцкий, Бухарин, Зиновьев и другие, с их позерством и любованием собственным красноречием,— и неуклюжий плебей Сталин, молчаливо и упорно работающий в партийном секретариате.

Ситуация, может быть, и выглядела так. Но главное было не в этой внешней коллизии. Главным было существо той работы, которую делал Сталин. Недалекие острословы называли его тогда «товарищ Картотеков». Он и вправду вместе со своими сотрудниками постоянно возился с карточками, заведенными на руководящих работников. «Кадры решают всё»,— сформулирует он впоследствии свою установку. Эти кадры он старательно изучал, просеивал через сито своих интересов и расчетов, размещал их на различных уровнях номенклатуры, как композитор ноты на нотной линейке, чтобы возникала нужная ему симфония. Как мне рассказывали, картотеку на наиболее интересовавших его по тем или иным соображениям людей Сталин с первой половины 20-х годов вел сам, не допуская к ней даже своего секретаря.

Однако было бы наивно представлять себе работу по формированию номенклатуры в образе Сталина с парой помощников, роющихся в картотеке. Сталин создал систему подбора руководящих кадров в партии и государстве. Она привела его к власти и осталась его главным свершением. Некоторые общие соображения об этой системе Сталин впервые изложил на XII съезде партии в 1923 году, представляя делегатам организационный отчет ЦК: «...Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить

в жизнь. В противном случае, политика теряет смысл, превращается в маханье руками»,— говорил Сталин. Основная идея состояла, таким образом, в том, чтобы на ответственные политические посты в стране посадить ретивых исполнителей директив. Для этого, пояснял Сталин, «необходимо каждого работника изучить по косточкам», необходимо «знать работников, уметь схватывать их достоинства и недостатки».

Вот как функционировала на практике сталинская система создания номенклатуры...

...Сталин так, по-военному, характеризовал «командный состав партии»: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3 – 4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, – генералитет нашей партии. Далее идут 30 – 40 тысяч средних руководителей. Это – наше партийное офицерство. Дальше идут около 100 – 150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство». Будущий генералиссимус включил, очевидно, в первую группу всех членов ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, обкомов и крайкомов; во вторую — членов районных и городских комитетов партии; в третью — секретарей первичных парторганизаций, членов их комитетов и бюро. Таким образом, речь шла только частично — в первых двух группах — о номенклатуре, причем значительная часть партийного аппарата вовсе не была учтена. Как нередко бывало, приведенные Сталиным цифры ни о чем не говорили. Но иерархическое мышление, пронизывавшее процесс создания номенклатуры, отразилось в этих словах очень ясно.

Глава 3. Номенклатура – правящий класс советского общества

Главное в номенклатуре – власть

Живя в условиях капитализма, Маркс объявил основой классов собственности. Но является ли обладание собственностью важнейшим признаком номенклатуры?

Мы видели, что номенклатура возникла как историческое продолжение организации профессиональных революционеров, сделавшихся после победы революции профессиональными правите-

лями страны. Номенклатура — это «управляющие». Функция управления — стержень номенклатуры.

С точки зрения исторического материализма, речь идет об управлении общественным производством. Во всех формациях господствующий класс осуществляет такую функцию. Но было бы неверно игнорировать существенную разницу в этом отношении между классом номенклатуры и классом буржуазии, управляющим общественным производством при капитализме.

Буржуазия руководит, в первую очередь, именно экономикой, непосредственно материальным производством, а уже на этой основе играет роль и в политике. Так пролегал исторический путь буржуазии от ремесла и торговли, от бесправия третьего сословия к власти.

Иначе проходит исторический путь номенклатуры. Он ведет от захвата государственной власти к господству и в сфере производства. Номенклатура осуществляет, в первую очередь, именно политическое руководство обществом, а руководство материальным производством является для нее уже второй задачей. Политическое управление — наиболее существенная функция номенклатуры.

В своей совокупности номенклатура обеспечивает всю полноту власти в обществе. Все действительно подлежащие выполнению решения в стране реального социализма принимаются номенклатурой. Эта особенность делает необходимым четкое разделение политико-управленческого труда в номенклатуре.

Такое разделение существует, и правила его неукоснительно соблюдаются. Это ведь лишь посторонние наблюдатели полагают, что вся власть в СССР принадлежит Президенту, Политбюро ЦК или — что еще наивнее — всему ЦК КПСС. В действительности же, хотя власть этих инстанций огромна, она введена в определенные функциональные рамки. «Функциональные» потому, что такое ограничение власти не имеет никакой связи с демократией или «либерализмом», а целиком определяется разделением труда в классе номенклатуры.

Так, Политбюро, разумеется, может назначить — или, как принято говорить, «рекомендовать» — председателя колхоза. Но это было бы вопиющим нарушением установленных правил и было бы встречено молчаливым недоумением номенклатуры (если, конечно,

речь не шла бы о разжаловании в председатели колхоза кого-либо из высокопоставленных лиц, входящих в номенклатуру Политбюро). При повторении нарушения недоумение правящего класса быстро переросло бы в столь же молчаливое, но интенсивное неодобрение. Поэтому, казалось бы, всемогущее Политбюро таких экспериментов не проводит, и председателей колхозов уверенно назначают бюро райкомов партии.

Ясное осознание номенклатурой принципа разделения в ее рамках политико-управленческого труда нашло отражение и в номенклатурном жаргоне. На этом косноязычном, но всегда точно выражающем понятия, волапюке принято говорить, что вышестоящие в номенклатуре не должны «подменять» нижестоящих.

Каждый номенклатурщик имеет свой отведенный ему участок властвования. Здесь заметно сходство режима номенклатуры с феодальным строем. Вся номенклатура является своеобразной системой ленов, предоставляемых соответствующим партийным комитетом — сюзереном его вассалам — членам номенклатуры этого комитета. Известно, что на заре средневековья эти лены состояли не обязательно из земельных наделов, но, например, и из права собирать дань с населения определенных территорий. Не кто иной, как Маркс, писал о «вассалитете без ленов или ленах, состоящих из дани». Номенклатурный «лен» состоит из власти.

Даже термин, применяемый в партжаргоне к номенклатуре, соответствует средневековому русскому термину, применявшемуся по отношению к вассалам: «посадить». О князе говорили в феодальной Руси, что сам он «сел на княжение», своих же ленников «посадил» в различные города и области; отсюда и термин «посадник» (княжеский уполномоченный). В сегодняшней советской номенклатуре вы тоже то и дело слышите, что товарища такого-то «посадили на министерство», «посадили на область», «посадили на кадры».

Главное в номенклатуре — власть. Не собственность, а власть. Буржуазия — класс имущий, а потому господствующий. Номенклатура — класс господствующий, а потому имущий. Капиталистические магнаты ни с кем не поделятся своими богатствами, но повседневное осуществление власти они охотно уступают профессиональным политикам. Номенклатурные чины — сами про-

фессиональные политики, и даже когда это тактически нужно, боятся отдать крупницу власти своим же подставным лицам. Заведующий сектором ЦК спокойно относится к тому, что академик или видный писатель имеет больше денег и имущества, чем он сам, но никогда не позволит, чтобы тот ослушался его приказа...

Путь наверх, или как формируется номенклатура

Давая в предыдущей главе определение номенклатуры, мы говорили, что это перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган, и соответственно перечень лиц, которые такие должности замещают или находятся в резерве для их замещения.

Что же, принцип довольно ясен и логичен, нечто подобное есть и в несоциалистических государствах. Давайте все же проверим, насколько мы хорошо его поняли. Значит, так: в соответствии с Конституцией министры СССР избираются Верховным Советом СССР или назначаются его Президиумом с последующим утверждением ближайшей сессией Верховного Совета; посол Советского Союза назначается непосредственно Президиумом Верховного Совета СССР (а ныне — Президентом СССР); заместитель министра назначается Советом министров СССР; директор института Академии наук СССР на основании устава академии избирается ее общим собранием. Следовательно, министр — это номенклатура Верховного Совета СССР, заместитель министра — Совета министров СССР, посол — Президиума Верховного Совета СССР, директор института — общего собрания Академии наук СССР. Правильно? Нет, неправильно. Министр и посол — номенклатура Политбюро ЦК КПСС, заместитель министра и директор института — номенклатура Секретариата ЦК КПСС. Без их соответствующего решения не будет ни голосования в Верховном Совете, ни указа его Президиума, ни постановления Совета министров, ни выборов в почтенном общем собрании Академии наук.

Номенклатура в СССР, как и в других социалистических странах, — это номенклатура не формально назначающих государственных или общественных органов, а фактически назначающих бюро и секретариатов руководящих партийных комитетов. Таково абсолютное правило. Его надо твердо осознать для того, чтобы не

делать ошибки и понимать: избираемый собором Русской православной церкви Патриарх Московский и Всея Руси состоит в номенклатуре ЦК КПСС.

Как сложилась система, приводящая к столь оригинальному результату? Исторически она берет свое начало, как и сам класс номенклатуры, от ленинской организации профессиональных революционеров. В эту организацию принимали — или, поскольку речь идет о профессионалах, точнее будет сказать, что в ее штат зачисляли, — по решениям ее руководящих органов. Изобретатель номенклатуры, в ее ныне существующем виде, Сталин формализовал этот порядок, превратив его из импровизированного действия подпольной организации в бюрократическую рутину правящего аппарата. На смену устному поручительству товарищей, принимавших в свою среду человека, с которым им предстояло делить тяготы и опасности нелегальной работы, появились пухлые номенклатурные дела, заполненные анкетами, автобиографиями и фотокарточками, характеристиками с подписью треугольника и справками КГБ. Подверглись характерной трансформации и мысли, высказанные Лениным о подборе руководящих кадров. Ленин предвосхитил сталинскую идею создания номенклатуры, заявив: «Теперь «хозяйном» является рабоче-крестьянское государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично и *открыто* дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба». Дело подбора руководителей разных масштабов Сталин действительно поставил «широко, планомерно, систематично». Только проводится оно не открыто, а совершенно секретно, и не государством, а руководящими органами номенклатуры, так как именно она, а не «рабоче-крестьянское государство» является хозяином в стране. Укоренился и введенный Сталиным принцип подбора людей прежде всего по политическим признакам. Ленин в свое время писал, что руководящие кадры следует подбирать «а) с точки зрения добросовестности, б) с политической позиции, в) знания дела, г) администраторских способностей...». Как видим, и он считал знание дела второстепенным моментом по сравнению с политической благонадежностью. Однако

на самый первый план Ленин выдвинул добросовестность назначаемого руководителя.

Сталину этот критерий явно показался излишним и уже не выдвигался при утверждении номенклатурных работников. После Сталина возврата к ленинским нормам в этом вопросе не произошло. XXIV съезд КПСС записал в своей резолюции: «Партия придает первостепенное значение тому, чтобы все участки партийной, государственной, хозяйственной, культурно-воспитательной и общественной работы возглавляли политически зрелые, знающие свое дело, способные организаторы». Добросовестности от номенклатуры по-прежнему не требуется.

Зато требуется другое: стремление занять руководящий пост и готовность сделать все, чтобы заслужить дальнейшее продвижение по иерархической лестнице. В прежних уставах КПСС традиционно красовались слова: "Партия очищает себя от карьеристов". В горбачевском уставе формула исчезла. Ограничились фразой в части IV Программы КПСС: "Попытки проникновения в партию по карьеристским соображениям должны решительно пресекаться". А как доказать, что именно данный товарищ вступил в КПСС по карьеристским соображениям, — ведь все вступают именно так! Это в партию, а уж в номенклатуру — тем более.

Всем хорошо известно, что карьеризм — главная психологическая черта всех номенклатурщиков. Оказавшись, таким образом, признаком номенклатуры, карьеризм твердо стал негласным критерием подбора номенклатурных кадров. Такая установка начала проникать даже в советскую печать, например, в следующей формулировке: «Для обеспечения нормального функционирования системы управления немаловажное значение имеет своевременное выдвижение работников на руководящие должности, а также продвижение перспективных руководителей на более высокие посты. Своевременно заметить *интерес специалиста к руководящей работе*, его организаторские способности, вовремя поддержать *его стремления* — важнейшая задача руководителя». Автор цитируемой статьи с похвалой отзывается о практике создания в различных организациях группы резерва из «способных для работы на более высокой должности и заслуживающих дальнейшего продвижения».

В данном случае в номенклатурном жаргоне употребляется слово «обойма». Об удачливом карьеристе, включаемом начальством в группу для продвижения, говорят: «вошел в обойму». В каждом значительном советском учреждении можно встретить такие «обоймы» людей, объединяемых, по выражению одного моего московского знакомого, «пристальным отношением к своей биографии» и благоволением начальства. Именно из такой «обоймы» и совершается прыжок в номенклатуру.

Модель номенклатуры

Современная наука широко применяет метод моделирования. От модели технических изобретений она пришла к моделям пространства, а теперь — к моделям общественных явлений, правда, не стереометрическим, а описательным.

Можно ли хотя бы в основных чертах смоделировать ту социальную конструкцию, какой является класс номенклатуры? При всей условности подобной модели предпринять такую попытку не бесполезно, потому что она позволит нагляднее отразить существенные черты этого класса.

Если попробовать дать стереометрическую модель номенклатуры, то получится конус с конической же сердцевиной. На поверхности параллельными основанию окружностями будут отмечены границы: от номенклатуры райкомов внизу до номенклатуры ЦК на верху внешнего конуса и от райкомов внизу до ЦК КПСС на верху сердцевины (самая ее верхушка обозначает Политбюро, а вершина конуса — Генерального секретаря ЦК).

Однако монолитными частями модели являлись бы не параллельные срезы (комитет плюс его номенклатура), а сами два разномающихся конуса. Классотворная сердцевина номенклатуры сделана как бы из особого материала, отличного от сравнительно рыхлого тела внешнего конуса. Это тело не только создано сердцевинной — различными ее отрезками, но и держится, как на стержне, на сердцевине в целом. Вернемся теперь от тригонометрии к политике. Было бы ошибкой думать, что находящаяся на верху конуса номенклатура ЦК гордо взирает сверху вниз на райкомы. Нет, так она взирает только на их номенклатуру, а на руководителей райкомов партии смотрит с любезной предупредительностью, видя в них

пусть не непосредственных, но все же своих сюзеренов. Есть ли для этого объективное основание? В самом деле: почему, скажем, министр, член правительства СССР, входящий в номенклатуру Политбюро ЦК, должен считаться с секретарем периферийного обкома и даже райкома партии, которые в эту номенклатуру не входят? Казалось бы, учинить им, как принято, по-министерски грозный разгон, привычно наорать на них из Москвы по правительственной телефонной линии ВЧ так, как он орет на своих начальников главков, — и дело с концом. Ни за что не сделает этого министр, а будет говорить с товарищами по тому же ВЧ любезным, чуть ли не вкрадчивым голосом, который работники его министерства слышат только во время приемов иностранных гостей (заискивающего лепетания министра, когда он по «вертушке» докладывает высшему начальству, не слышит в министерстве вообще никто: в таких случаях принято выгонять всех сотрудников из кабинета, а в приемной загорается соединенная с «вертушкой» красная лампочка: входить запрещено). Министр знает: без санкции обкома он не сможет ни назначить, ни сместить директора находящегося в данной области предприятия, без согласия секретаря райкома не сможет послать его даже в самую краткую командировку в социалистическую страну, не говоря уже о капиталистической. А если эти секретари разозлятся на министра, то они смогут сделать жизнь всех его ставленников в области или районе совершенно невыносимой. Он же им ничем не сможет отплатить, потому что высшие органы не станут «подменять» секретарей. При профессиональной злопамятности секретарей и их мастерстве в интригах любые трения министра с ними могут нанести ему ощутимый ущерб в ЦК. Было бы ошибкой умиляться этому как проявлению — хотя бы и своеобразному — «внутрипартийной демократии». Речь идет не о демократии, а, наоборот, — о поощрении диктаторских замашек номенклатурных хозяев страны. Конус сердцевины оказывается двухслойным: внутри — слой решающих органов (бюро и секретариаты), снаружи — слой предрешающего партаппарата. Но слои эти связаны неразрывно и отделить один от другого невозможно.

В западной литературе распространено мнение, что в Советском Союзе имеются три руководящие силы: партия, полиция и ар-

мия. Такое мнение возникло явно по аналогии со сложившимся на Западе взглядом на структуру власти в нацистском рейхе.

Как обстоит дело в действительности? То, что на Западе подразумевают в данном случае под словом «партия», это, конечно, не вся многомиллионная масса КПСС, а партийные комитеты и партийный аппарат, то есть внутренний стержень нашей модели класса номенклатуры. Эта социальная группа, как мы видели, не только относится к господствующему классу, но составляет его сердцевину и, безусловно, осуществляет власть.

Несколько иначе обстоит дело с полицией. Полиция в СССР, как и в гитлеровской Германии, неоднородна: есть тайная политическая полиция КГБ и есть органы МВД, к которым относится и охрана лагерей, и милиция с уголовным розыском и Государственной автомобильной инспекцией (ГАИ), и известный за границей ОВИР (Отдел виз и регистрации), выдающий — или не выдающий — паспорта советским гражданам для так называемых частных выездов за границу (эмиграция, а также поездки по приглашению родственников и знакомых).

Аппарат КГБ входит в партийную номенклатуру (подобно аппарату дипломатической службы) и, таким образом, составляет часть господствующего класса. Что касается МВД, то там, как и в других министерствах, имеются и номенклатурные чины, и обычные служащие. В целом органы МВД находятся под присмотром КГБ, а по линии партийной иерархии — в ведении отделов административных органов ЦК и нижестоящих комитетов КПСС.

А как с армией? Вооруженные силы во главе с Министерством обороны СССР являются таким же ведомством, как и Министерство внутренних дел, и другие министерства. В Вооруженных силах точно так же есть номенклатурное начальство — маршалы, генералы и адмиралы и другие чины, занимающие номенклатурные (генеральские) должности; и есть служащие и рабочие, включая рядовых солдат. Конечно, военное ведомство в СССР огромно, оно обладает колоссальным персоналом и бюджетом. Главное же — оно действительно может представлять собой опасность для власти номенклатуры, следовательно, для самого существования этого, основанного не на собственности, а на власти, класса. Такую потенциаль-

ную угрозу номенклатура учла и приняла необходимые меры предосторожности.

Первая категория этих мер была чисто военной. Были сформированы дивизии внутренних и пограничных войск, полностью отделенных от частей Советской Армии и находящихся в ведении КГБ и МВД СССР...

Вторая категория мер была, пожалуй, еще более важной: меры социальные, преследующие цель обеспечить полную благонадежность военного руководства. Номенклатура в Вооруженных силах была поставлена в особо привилегированные условия, чтобы военные номенклатурщики не завидовали партийным чинам. ... Военные номенклатурщики твердо усвоили, что путь продвижения в иерархии господствующего класса — выслуживание перед начальством и интриги против конкурентов, а не путчи.

Для страховки в Вооруженных силах заведен такой порядок, что в номенклатуру отбираются люди, политикой не интересующиеся. Исключение составляет номенклатура, работающая в политорганах, но она-то и является надзирающим глазом партаппарата. Это был до начала 1991 года и ее официальный статус: Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота числилось одновременно Военным отделом ЦК КПСС, который просто был пересажен со Старой площади на Гоголевский бульвар в Москве. Сидели там псковские номенклатурщики, которым присвоены высокие воинские звания, чтобы в войсках их не воспринимали как «шпаков» (уничижительное армейское прозвище штатских). Такими же аппаратными номенклатурщиками являются находящиеся в войсках политработники — причем не только генералы, но и офицеры. Политорганы Вооруженных сил СССР — это переодетая в военные формы часть партаппарата и, следовательно, часть класса номенклатуры.

Есть в Вооруженных силах и другое представительство класса номенклатуры — особые отделы. Но и в этом отношении военное ведомство не отличается от всех остальных: во всех советских учреждениях обязательно есть спецчасть или «1-й отдел» — представительство КГБ. За последние 20 лет во всех ведомствах, имеющих контакты с границей, открыты также иностранные отделы, а в министерствах — управления внешних сношений. Это представи-

тельства разведки и контрразведки КГБ (в некоторых учреждениях также Главного разведывательного управления Вооруженных сил СССР — ГРУ).

Подчиненное положение армии и органов МВД по отношению к аппарату партии и КГБ совершенно закономерно: это подчинение господствующему классу номенклатуры. Не иначе было, вероятно, и в нацистской Германии: там тоже хозяйничали партийные бонзы и тайная полиция, генералитет же находился в подчиненном положении и был свирепо разгромлен, когда попытался совершить путч 20 июля 1944 года.

И все же КГБ и номенклатура Вооруженных сил действительно занимают несколько особое положение в классе номенклатуры — положение опоры власти этого класса. Такое явление следует отразить в модели номенклатурного класса. При этом к военной надо причислить и номенклатуру оборонной промышленности, подчиненной Военно-промышленной комиссии (ВПК) при Президиуме Совета министров СССР. В номенклатурной среде оборонную промышленность часто называют «девяткой» — по числу девяти важнейших министерств, на режимных предприятиях которых производятся вооружения и технические средства для армии. Например, Министерство общего машиностроения создано специально для производства ракет, а за маловразумительным названием «Министерство среднего машиностроения» скрывался огромный промышленный комплекс по производству ядерного оружия (в 1989 году это министерство было слито с другим ядерным комплексом — Министерством атомной энергетики СССР и теперь называется Министерством атомной энергетики и промышленности СССР). Не нужно, однако, думать, будто оборонная промышленность, «оборонка», сводится лишь к девяти главным министерствам — военные заказы размещаются в любой отрасли, и им отдается приоритет. Например, даже безобидный с виду Государственный комитет по стандартам — Госстандарт, вроде бы призванный следить за качеством продукции, содержит в своей структуре несколько секретных предприятий, работающих по заказам военных. На предприятиях Министерства угольной промышленности производится графит для ракетных сопел и т. д. Разделение промышленности на оборонные и необоронные в СССР в значительной степени

условно — государство принадлежит номенклатуре, а она рассматривает все хозяйство страны как единый комплекс своей собственности.

В модели правильнее всего, видимо, представить кагебистскую военную номенклатуру в виде гребней у основания конуса, непосредственно отходящих от центрального стержня — партаппарата. Третьим таким гребнем, меньшим по значению и, следовательно, по размеру, в модели будет номенклатура органов пропаганды (печать, радио, телевидение, так называемые творческие союзы, общество «Знание» и т. д.).

Четвертый гребень, примерно такого же размера, — номенклатура внешнеполитической службы. Сюда относятся аппарат Министерства иностранных дел СССР и номенклатура Союза обществ дружбы, комитетов (защиты мира, за безопасность и сотрудничество в Европе, советских женщин, молодежных организаций, ветеранов войны, солидарности с народами Азии и Африки и другие), а также внешнеполитических институтов.

Главная опора класса номенклатуры — полицейский террор и военная сила, но пропаганда и внешнеполитическая служба тоже призваны оказывать поддержку.

Дополненный таким образом в нашей модели конус номенклатуры приобретает очертание ракеты с четырьмя стабилизаторами: двумя большими и двумя поменьше. Но находится эта ракета не в безвоздушном космическом пространстве. Наоборот, тело номенклатурного организма окружено питательной средой — многомиллионной массой членов КПСС. Эта масса — часть управляемого номенклатурой народа: интеллигенции, рабочих, служащих и колхозников. Именно в таком качестве она и нужна классу номенклатуры. Но, как мы уже говорили, эта партийная масса стремится хоть немного подняться над народом и тихо мечтает попасть в номенклатуру. В партийной массе все время происходит движение: отдельные частички — индивидуумы и целые группы — пытаются подобраться поближе к кажущемуся им столь привлекательным телу номенклатурного конуса, другие выталкиваются прочь из партийной массы, третьи, боясь быть вытолкнутыми, довольствуются своим местом. Наиболее удачливые плотно облепили тело номенклатуры и ищут возможности просочиться в него. Это секретари

парторганизаций и члены их бюро и комитетов, замы и помы номенклатурных чинов. Все вместе они составляют в партийной массе верхний слой, который можно назвать «предноменклатурой».

Сконструированная выше коническая модель номенклатуры, конечно, условна. Социальные тела не имеют четких очертаний геометрических тел. Если бы на основании точных статистических данных о составе и количестве номенклатуры вычертить соответствующие кривые и вылепить по ним пространственную модель, получилось бы уродливое бугристое тело с неравномерно-многоступенчатым заостренным стержнем. Однако в принципе и само тело, и его стержень были бы конусообразными.

Описанный выше конус — лишь модель второй степени, геометрическая модель пространственной модели номенклатуры. Но для понимания структуры этого класса она дает больше, чем дало бы созерцание углублений и вздутий более точной пространственной модели, ибо, не отвлекая внимания на частное и случайное, она дает представление об общем и закономерном в структуре номенклатурного класса.

Номенклатура — правящий класс, класс-ракета. На какой курс легла она в своем полете во времени? Может быть, несмотря на карьеризм, на интриганство, на старание сделаться наследственным, класс-ракета следует курсу, провозглашенному Марксом и записанному в программах, речах, статьях? Может быть, летит она к бесклассовому коммунистическому обществу, к отмиранию государства, к равенству всех без исключения, к светлому будущему всего человечества? Последующие главы должны дать ответ на этот вопрос.

Глава 6. Диктатура номенклатуры

Номенклатурный лжепарламентаризм

Какова государственная форма диктатуры номенклатуры? Лжепарламентаризм. Ленинские Советы именовались «пролетарской демократией», сталинский парламентаризм был назван «социалистической демократией».

Как получилось, что диктатура, которая себя вначале так и называла, именуется теперь демократией? Ленин провозгласил:

«Пролетарская демократия в *миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики».

Не называя миллионных коэффициентов, номенклатурная пропаганда заявляла с тех пор, что государство реального социализма — самое демократическое в мире.

Маневр, стоящий за такими формулировками, читателю полезно знать. Первым этапом маневра было: затуманить в представлении людей понятие «диктатура». Для этого, уже задолго до революции, Ленин и ленинцы стали твердить, ссылаясь на Маркса: всякое государство — диктатура правящего класса; тут нет разницы между либеральнейшей республикой и свирепейшей деспотией: и то и другое — классовая диктатура. Диктатура — это значит: власть *диктует* гражданам, что они должны делать, а так поступает любая власть, любой правящий класс. Следовательно, диктатура может быть и демократической и не иметь ничего общего с полицейским режимом. Такой демократической и свободной будет диктатура пролетариата.

Второй этап наступил после прихода Ленина к власти. Когда была установлена не некая воображаемая диктатура пролетариата, а подлинная диктатура организации профессиональных революционеров, щедро подкреплённая массовыми арестами и расстрелами, обескураженным энтузиастам разъяснили: удивляться нечему, удивляться могут только мелкие буржуа; речь всегда шла о диктатуре, а кто же не знает, что это такое? В таких условиях энтузиастам ничего не оставалось, как верноподданически поддакивать диктаторам.

Но пойдём дальше. Если несостоявшаяся диктатура пролетариата была, по словам Ленина, в миллион раз демократичнее любой буржуазной республики, то уж общенародное Советское государство — очевидно, подлинный апофеоз свободы? Это государство действительно принято было в советской печати характеризовать как «невиданный расцвет социалистической демократии».

Начался такой «расцвет» при товарище Сталине, в короткий промежуток между первым и вторым московскими процессами. Именно тогда и была принята Конституция, оформившая сталин-

ский лжепарламентаризм и провозгласившая всевозможные права и свободы граждан СССР.

Зачем это было сделано? Принятая в декабре 1936 года, накануне разгула ежовщины, Конституция, конечно, не могла убедить советских граждан в том, что и впрямь наступило провозглашенное основоположниками марксизма «царство свободы». Цель была внешнеполитическая. Советское руководство лихорадочно пыталось тогда сколотить антигитлеровскую коалицию в Европе; именно в предвидении разгула ежовского террора оно хотело уравновесить неблагоприятное впечатление, которое ежовщина должна была произвести на Западе, демонстративным переходом к якобы парламентским формам правления. Конституция должна была решить и другую задачу: подсластить горькую для антикапиталистических сил на Западе пилюлю ежовщины сахарином слов о «власти трудящихся» в СССР. ...

Что касается советских граждан, то церемониться с ними было, конечно, нечего. Как раз в эти годы в НКВД родилось известное выражение «девять грамм свинца в затылок», четко обрисовавшее перспективу для непослушных. Перед лицом такой перспективы гражданам ничего не оставалось делать, как громко славить сталинскую Конституцию и распевать, введенную тогда в моду, «Песнь о Родине»: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

А. В. Дука. Перспективы социологического анализа

ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ

Работы А.В. Дуки представляются фундаментальными в теоретическом плане, отражают многие элитологические категории. Под редакцией А.В. Дуки вышло множество книг и сборников: «Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации», 2000 год, «Власть и элиты в современной России», 2003, «Коррупция и взяточничество: аннотированная библиография российских изданий 1869-2002 гг. (составители: А.С.Быстрова, М.В.Сильвестрос), 2004, «Власть и элиты в российской трансформации», 2005 год и другие.

...Язык, дискурс, являясь средством объективации, выступает важным инструментом и аспектом идентификации и институционализации.... Употребляя определенный термин инструментально, мы вынуждены использовать его в том же смысле, что и другие люди, иначе невозможна эффективная коммуникация и взаимодействие. Так он становится общепринятым, и то, что он означает, — само собой разумеющимся, типичным для данного времени и места. Рутинизация употребления слова связывается с обычностью и естественностью обозначаемых им явлений. Одновременно происходит минимизация уровня неопределенности, в чем и заключается одна из важнейших функций любого института. В этом отношении лингвистическая объективация может быть представлена, кроме всего прочего, и как субинститут того института, на который она направлена.

Вместе с тем понятно, что непосредственная номинация, произведенная здесь и сейчас, не создает институт. «Институты предполагают историчность... Взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории». В этом смысле название и самоназвание элитой властных групп современной России может и не предполагать наличия данной страты, но лишь указывать на интенции определенных социальных групп или, по крайней мере, на *начавшийся и не завершившийся процесс институционализации*. Тем более, что большинство членов социальных групп, которые исследователи идентифицируют как элиты, не считают себя элитой.

Элита как институт

Что же должно институционализироваться? Другими словами, какой институт может или должен возникнуть? Или иначе — какая сфера социетальных отношений дестабилизировалась? Ибо любой институт — это прежде всего специфический социальный «фиксатор». Карл Манхейм отмечал, что «элита в области политики и организации создает интеграцию многочисленных волевых импульсов». Элита препятствует (во всяком случае, такова ее основная функция как института) дезинтеграции общества вследствие неконтролируемых действий различных социальных групп. Обычно такого рода деятельность связывается с осуществлением властных полномочий. С этим связана и основная характеристика противо-

поставления «элита – массы»: организованное меньшинство и неорганизованное большинство. Здесь также имеет смысл обратиться к представлениям Ханса Герта и Чарльза Райта Миллса о социальной структуре.

Согласно их взглядам, общество организовано вокруг институциональных властных структур. Институт — «общественная форма определенной совокупности социальных ролей». Роли институализированы и выполняются постольку, поскольку санкционированы той или иной властью. Каждый институт «стабилизирован лидером», обладающим правом контроля и наложением санкций на всех партнеров по институту, выполняющих ту или иную роль. Классификация институтов проводится в соответствии с основными целями их деятельности. Схожие по выполняемым функциям институты образуют «институциональный порядок». Комбинация институциональных порядков составляет социальную структуру. В современных государствах существует пять институциональных порядков: политический, экономический, военный, родственник (семейный), религиозный. Наибольшее значение имеют три из них: экономическое, военное и политическое сообщества. Каждый институциональный порядок стабилизируется своей властной структурой, заполняемой представителями высшей иерархии (или элиты).

... Для нас важно, что деятельность элиты не только может выполнять стабилизирующую функцию в отношении всего общества или его подсистем, но может и дестабилизировать его состояние.

Можно предположить, что в рамках своей стабилизирующей и дестабилизирующей функции элита институционально полагает пределы существования других институтов и индивидов, т. е. является институционализирующим институтом. Но здесь она (или ее доминирующая часть) выступает, скорее, в форме политической институции, использующей правовые механизмы.

Институциональное определение пределов происходит в рамках следующих категорий.

Во времени. Прежде всего это проблема физической смерти. Определение институционализированной и отчужденной смерти максимально осуществляется в политике. Власть над жизнью, возможность положить предел существованию — выражение мощи института и институции, освоения ею публичного и частного про-

странства. Второе — публичная смерть — признание индивида или группы более не существующими в публичном пространстве, лишение или существенное ограничение их прав.

В пространстве. Определение пределов своего и чужого. Это связано с функцией идентификации и демаркации — своя земля и сопредельные страны. Одновременно это структурирование и определение своей территории (например, административное деление, наименование населенных пунктов и географических объектов). Ландшафтные изменения (повороты рек и пр.).

В социальном взаимодействии. Разграничение своих и чужих, друзей и врагов. Враг может быть как внешним, так и внутренним. Для политической элиты эта функция оказывается ключевой.

В состоянии. *В социальной сфере* — это акты гражданского состояния. *Внутриполитически* — это обозначение социально-политических позиций и границ между ними. Современное государство фиксирует гражданские состояния не столь всеобъемлюще и жестко, как в сословном обществе, но не менее определенно. *Во внешней политике* — это право прекращать мир и объявлять войну.

Субъектом отчужденного институционального полагания является прежде всего государство. Поэтому контроль над этим главным для элиты и контрэлиты институтом является основополагающим. Для внешнего же наблюдателя государственные органы и властвующая элита часто являются синонимами.

Когда мы говорим о стабилизирующей по отношению к обществу деятельности элит, мы фиксируем то, что можно было бы назвать объективным оправданием существования элит, т.е. то, что они должны были бы делать, если бы исходили из представлений об общественном благе. Но очевидно, что субъективные целеполагания членов элитных групп могут быть иными. Дуглас Норт в связи с этим отмечал: «Институты не обязательно — и даже далеко не всегда — создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил».

Но это не означает, что возможен произвол. Существуют достаточно сильные институциональные ограничения деятельности элит. Более того, они институционально задают условия существо-

вания элит. Очень важен исторический и социальный фон: традиции, обычаи. Этот фон может быть назван «общеинституциональным фоном», «принципами институционального воспроизводства» или «базовыми институтами». Торстейн Веблен вполне справедливо утверждал, что «институты — это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» и далее, еще более радикально: «Существующие в наши дни институты — принятая в настоящее время система общественной жизни — не совсем подходят к сегодняшней ситуации»...

...Важной для институциональной деятельности элиты является согласованность ее членов. Эта проблема особо рассматривается исследователями элит. Классики элитологии подчеркивали, что элита внутренне однородна, едина и осознает себя как таковая. Джеймс Майзель сформулировал это положение следующим образом: «three C's» — group consciousness, coherence, and conspiracy (in the sense of common intentions) — групповое сознание, согласованность, сговор (заговорность) (в смысле общей устремленности). Глубинно это связано с существованием специфического для элиты смыслового подуниверсума, придающего объективный смысл деятельности этой специфической группы, а также, одновременно, придающего этой группе внутреннее единство. С представлениями о необходимости согласования основополагающих принципов деятельности в политической и экономической сферах связана и концепция конституционного выбора Джеймса Бьюкенена, в которой консенсус при принятии решения — норма, а «остальные возможные правила рассматриваются лишь как его варианты»...

Элиты и роли

Поскольку институт репрезентируется в ролях, то, с институциональной точки зрения, персонифицированная совокупность ролей и представляет собой элиту в ее «человеческом» измерении. Роли связаны с определенной закрепленностью и значимо коррелируют с формальными позициями. Другими словами, элита как институт актуализируется в деятельности персон, занимающих определенные позиции. Позиции связаны с различными функциями

элиты. В этом отношении проблема идентификации элит в рамках институционального подхода скорее всего решается в пользу позиционной идентификации. Ч. Р. Миллс в данном случае вполне логичен.

Часть элитных позиций обладает символическим представительством того или иного института. Некоторые символические роли имеют стратегическое значение, поскольку обеспечивают целостность, интегративность иерархической реальности и ее восприятия (например президент, премьер-министр и т. п.). Сьюзан Келлер вообще рассматривает символическое значение элиты как одну из форм ее существования: «Стратегические элиты одновременно являются и коллективными агентами, и коллективными символами». Здесь подчеркивается важная роль элиты — символическое интегрирование сообщества...

Институционализация элит(ы)

Процесс институционализации элит(ы) связан с необходимостью в новых условиях снижать уровень неопределенности, создавать заново предсказуемый мир. Причем это может быть связано как с *принципиальным* общественным переустройством, так и с возникновением новых общественных потребностей и становлением отношений, взаимодействий по их удовлетворению, а также появлением индивидов и групп, осуществляющих эти взаимодействия, что требует новой типизации взаимоотношений и создания нового «заднего плана рутинных действий». Причем эти индивиды и группы могут выполнять и аналогичные прежним, но качественно иные действия.

...Надо отметить, что взаимопереплетение различных сфер социальной жизни в индустриальном обществе происходит на основе уже произошедшего на ранней стадии перехода от традиционности отделения политики от социальной и экономической сфер. Для постсоветского общества задачи общественного переструктурирования оказываются во многом схожими с добуржуазными социумами — необходимость разгосударствления и деполитизации общественной жизни и становления гражданского общества. Но имеются и существенные отличия, связанные с тем, что социалистическое общество уже не было традиционным, и в этом отношении

взаимосвязанность сфер общественной жизни является структурно-функциональным свойством индустриального общества. Таким образом, требования диверсификации общественных секторов и властных структур сосуществуют одновременно с необходимостью их взаимопереплетения.

Рационализация властных отношений связана с их деперсонификацией. Для традиционного общества весьма характерны патрон-клиентские отношения. Элита институционализируется, когда властные группы деперсонифицируются.

Другой аспект революционной власти как нового типа публичной власти, о котором пишет Р. Нисбет, – ее массовая база. Для элиты чрезвычайно важно, что она может представить себя выразителем интересов всего народа, причем не в силу принципа субсидиарности – функциональной взаимодополнительности различных социальных групп в обществе, а в силу связи с интересами народа, который через структуры гражданского и политического общества артикулирует свои интересы и доносит их до властных структур. Это связано с изменением принципа легитимности в индустриальном обществе. Механизмами связи между политической элитой и населением являются такие политические институты массовой политики, как массовые партии, всеобщие выборы и т. п. Но потребность элиты представлять себя выразителем интересов населения является отражением потребности общества доносить свои нужды до властных структур. Именно поэтому элита легитимна.

...Можно говорить о трех тесно взаимосвязанных характеристиках современности: открытость общества, открытость власти и открытость политики. В этом смысле появление элит(ы), связанное с макросоциетальными изменениями — ответ на вызов времени, так как именно такой тип контроля и взаимодействий при осуществлении властных полномочий и распределения ресурсов соответствует новому индустриальному обществу. Институционализация элит(ы) в социетальном масштабе связана, с одной стороны, с необходимостью интегрировать общество в условиях его социального переструктурирования и резкого увеличения уровня радикальной социетальной неопределенности (непредсказуемости и неконтролируемости действий индивидов и групп). С другой стороны, институционализация связана с потребностью старых властных групп

сохранить на новых началах свои иерархические позиции, а новых групп, — оказавшихся способными (или вытолкнутыми историческим развитием) занять позиции, связанные с контролем за распределением общественных ресурсов, — конвертировать их во властные полномочия.

Одновременно становятся, институционализируются не только элиты, — происходит всеобщая (пере)институционализация. На первых порах данный процесс может сопровождаться рассогласованием норм и разрушением старого институционального порядка настолько, что может создаваться впечатление полного разрушения государства. Причем новая власть, не чувствуя достаточной легитимности и стремясь завоевать максимально большое число сторонников, идет на явное свое ослабление. Важно иметь в виду, что сами элиты в процессе своего становления и развития одновременно являются активными агентами процесса новой институционализации, выступая в качестве институализирующих институтов.

....Одним из индикаторов незавершенности институционализации постсоветских властных элит является незавершенность общественных и политических скандалов. Они в большинстве случаев ничем не заканчиваются. Разоблачения высокопоставленных лиц в нарушении норм (в том числе уголовных) не приводят к разбирательствам, наказанию, той или иной ответственности. С одной стороны, сами скандалы приоткрывают власть. Она становится видимой для публики. В борьбе друг с другом соперничающие фракции властных групп вынуждены апеллировать к общественности, а дискредитация противника возможна лишь тогда, когда существует некое общее представление о нормах поведения, которое разделяют разные социальные группы, и с мнением этих групп они вынуждены считаться. Осуществляется общественный контроль власти. Но, с другой стороны, незавершенность скандалов говорит о естественности происходящего для самих властных групп и для общественности. По большому счету, спроса с нарушителей нет. Происходит замалчивание, и сама его возможность свидетельствует о происходящей в определенной форме институционализации власти и властных групп...

Ч. Райт Миллс. Властвующая элита

Чарльз Райт Миллс (1916-1962), доктор социологии и антропологии, критично относился к существующей системе власти в Америке, за что его не очень-то и восприняли в научных и политических кругах того периода. В то время буржуазные социологи по-разному понимали термин «институт», «социальная структура». У Миллса на все было свое видение: «Суть моей концепции сводится к утверждению, что стечение исторических обстоятельств привело нашу особую эпоху к образованию современной властвующей элиты; что люди, принадлежащие к кругам, образующим элиту, принимают в наше время (каждый в отдельности и все вместе) важнейшие решения и что, вследствие усиления и централизации имеющихся ныне орудий власти, решения, которые они принимают, или их отклонение от известных решений влекут за собой более серьезные последствия и затрагивают более значительную массу людей, чем когда-либо раньше на протяжении всей истории человечества». Согласно его теории, власть в США узурпирована руководителями основных социальных институтов общества, которые и составляют властвующую элиту.

Глава I. Высшие круги

...Властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия. Принимают ли они эти решения или нет – это менее важно, чем самый факт владения такими ключевыми позициями; их уклонение от известных действий и решений само по себе является действием, зачастую влекущим за собой более важные последствия, чем решения, которые они принимают. Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества. Они руководят крупными корпорациями, они управляют механизмом государственной власти и претендуют на ее прерогативы. Они направляют деятельность военного ведомства. Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых ныне сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются.

Властвующая элита не состоит из людей, правящих в одиночку. Их наиболее важные идеи и решения – это зачастую идеи и решения, подсказанные советниками и консультантами, трибунами и творцами общественного мнения. Ступенькой ниже властвующей

элиты располагаются на общественной лестнице профессиональные политики из средних звеньев власти, принадлежащие к кругам конгресса и другим влиятельным группам, а также к богачам старой и новой формации, проживающим в крупных и мелких городах и в сельской периферии. С ними переплетаются в самых причудливых формах (которые мы покажем) те профессиональные знаменитости, которые постоянно живут рекламой и вместе с тем всегда жаждут (пока они остаются знаменитостями) еще более широкой рекламы. Эти знаменитости не стоят, правда, во главе какой-либо господствующей иерархии, но они зачастую наделены способностью отвлекать внимание публики или давать выход влечению масс к захватывающим переживаниям ли же более прямым путем завоевывать расположение тех, кто стоит непосредственно у власти. Более или менее независимые в своих ролях толкователей основ общественной морали, специалистов по делам государственного управления, представителей Бога на Земле, людей, формирующих чувства и настроения народных масс, эти знаменитости и консультанты непосредственно причастны к той сцене, на которой элита показывает публике творимую ею историческую драму. Но творится эта драма в иерархических верхах главенствующих социальных институтов.

* * *

Правда о природе элиты, о ее могуществе не является неким секретом, который властимущие знают, но таят про себя. Эти люди имеют самые различные представления о своей роли в происходящих событиях и принимаемых решениях. Нередко они не имеют на этот счет твердого мнения, а еще чаще к их оценкам своего собственного могущества примешиваются их опасения и надежды. Каковы бы ни были подлинные размеры их власти, они обычно точнее представляют себе сопротивление, оказываемое другими в процессе ее использования, чем ее природу и размеры. Вдобавок к этому большинство власть имущих американцев основательно овладели официальной фразеологией, которой прикрываются политические отношения, — и в некоторых случаях овладели настолько основательно, что пользуются ею и в своем кругу, и сами, таким образом, начинают верить в нее. Личные представления самих действующих

лиц – это лишь один из нескольких источников, которые необходимо изучить для понимания социальной роли американских высших кругов. А между тем многие из тех, кто отрицает существование элиты или, во всяком случае, ее общественную значимость, опираются в своих доводах на представления власть имущих людей о себе или, по крайней мере, на их публичные высказывания.

Существует, однако, и другая точка зрения. Те, кто чувствует, хотя бы и смутно, что в Америке имеется теперь сплоченная и могущественная группа, оказывающая огромное влияние на жизнь страны, часто обосновывают это ощущение ссылкой на исторические тенденции нашего времени. Они, например, чувствовали на себе исключительное значение военных факторов, и из этого они непосредственно делают вывод, что генералы, адмиралы и те государственные деятели, которые находятся под их влиянием, должны, очевидно, обладать безмерным могуществом. Они слышат, что конгресс снова передоверил кучке людей право принимать решения, заведомо связанные с вопросами войны и мира. Они знают, что атомная бомба была сброшена на Японию именем Соединенных Штатов Америки, хотя никто и никогда не советовался с ними по этому вопросу. Они чувствуют, что живут в эпоху крупных решений, но знают, что сами они их не принимают. Вот почему, рассматривая исторические особенности современной жизни, они приходят к выводу, что в центре ее должна, видимо, находиться могущественная элита, принимающая решения или воздерживающаяся от них.

Люди, у которых крупные исторические события вызывают подобные ощущения, предполагают, что элита существует и что ее власть велика. Но, с другой стороны, те, кто внимательно прислушивается к отзывам людей, несомненно причастных к высокой политике, часто не верят в существование элиты, наделенной решающей властью.

Обе эти точки зрения следует принимать во внимание, но ни та, ни другая не выражают всей истины. Ключ к пониманию могущества американской элиты надо искать не только в изучении поверхностных аспектов исторических событий и не только в личных оценках, сообщенных нам людьми, от которых явно зависят политические решения. За отдельными людьми такого пошиба и за ис-

торическими событиями кроется то, что связывает их воедино: важнейшие институты современного общества. Эти иерархические институты – государство, корпорации, армия – образуют собой орудия власти; как орудия власти они сейчас имеют такое значение, какого они никогда еще не имели на протяжении всей истории человечества; на вершинах этих иерархий находятся командные пункты современного общества, выявление которых дает нам социологический ключ к пониманию роли американских высших кругов.

В современной Америке основная движущая сила развития страны сосредоточена в экономических, политических и военных институтах. Все другие социальные институты оказались на задворках современной истории и вынуждены в соответствующих случаях подчиняться первым трем. Нет такой семьи, которая могла бы оказывать такое же прямое влияние на государственные дела, как любая крупная корпорация; никакая церковь не в состоянии оказывать ныне такого же прямого влияния на жизненный путь молодых американцев, как военное ведомство; ни одно высшее учебное заведение не в состоянии столь решительно влиять на важные события, как Национальный совет безопасности. Религиозные, просветительные и семейные институты не представляют собой самостоятельных центров национального могущества; напротив, особенности этих децентрализованных сфер жизни все в большей мере формируются «большой тройкой», внутри которой совершаются ныне события, влекущие за собой решительные и немедленные последствия.

Семья, церковь и школа приспособляются к современной жизни; правительство, армия и корпорации формируют ее. И в процессе формирования современной жизни они превращают эти более слабые институты в орудия осуществления своих целей. Церковь поставляет армии своих священников, где их используют для усиления эффективности пропаганды морального «права» убивать. Школа отбирает и обучает людей для работы в корпорациях и для выполнения специальных функций в армии. Институт «большой семьи» исчез, конечно, давно: его разрушила промышленная революция; а в наши дни отцов и сыновей разлучают с семьями (в принудительном порядке, если нужно) каждый раз, когда армия при-

зывает их в свои ряды. И вместе с тем ореол, окружающий все эти второстепенные институты, используется для того, чтобы узаконить власть и решения «большой тройки».

Судьба современного человека зависит не только от семьи, в которой он родился или в которую вошел посредством брака, но все больше и больше и от корпорации, где в самые лучшие свои годы он расходует свои лучшие силы; не только от школы, где он воспитывается ребенком и юношей, но и от государства, которое не оставляет его в покое на протяжении всей его жизни; не только от церкви, где он порой слушает слово Божие, но и от армии, где его муштруют.

Если централизованное государство не было бы уверено в том, что частная и государственная школа будут насаждать патриотические чувства, то его руководители незамедлительно постарались бы изменить децентрализованную систему народного образования. Если бы процент банкротств среди пятисот крупнейших американских корпораций был так же высок, как общий процент разводов среди 37 млн. американских супружеских пар, то это привело бы к экономической катастрофе международного масштаба. Если бы военнослужащие отдавали армии не больше времени и сил, чем верующие отдают церкви, к которой они принадлежат, то наступил бы военный кризис.

Внутри каждого из трех главенствующих социальных институтов мы замечаем, что типичная для него структурная единица ныне разрослась, управление ею приобрело авторитарный характер и, если иметь в виду диапазон влияния выносимых ею решений, – стала централизованной.

Эти особенности современного развития главенствующих институтов обусловлены баснословно мощной техникой, ибо они, как социальные институты, объединили эту технику и управляют ею так же, как она, в свою очередь, формирует их особенности и определяет темпы их развития.

Сфера экономики, состоявшая когда-то из великого множества малых и самостоятельных производственных единиц, подпала под власть 200 – 300 гигантских корпораций, связанных между собой как в административном, так и в политическом отношении. Они-то

и держат в своих руках ключи ко всем важным решениям, связанным с экономикой.

Система государственного управления, некогда децентрализованная совокупность нескольких десятков слабо связанных между собою штатов, стала централизованным исполнительным аппаратом; она вобрала в себя множество ранее раздробленных функций и проникает ныне во все поры общественного строя.

Военное ведомство, некогда хилое учреждение, окруженное атмосферой недоверия (поддерживавшейся милицией отдельных штатов), превратилось в крупнейший и самый дорогостоящий правительственный орган. Несмотря на видимость добродушия, проявляемого им в пропагандистских выступлениях перед широкой публикой, оно приобрело теперь всю жестокость и грубость разбухшего бюрократического аппарата.

В каждой из этих главенствующих областей современной жизни орудия власти, находящиеся в распоряжении правящей группы, стали неизмеримо более мощными. Ее командные позиции усилились. Внутри каждой из этих сфер была разработана и туго завинчена современная авторитарная система управления.

По мере того, как все эти три сферы расширяются и централизуются, последствия их деятельности приобретают все больший размах и их взаимные связи все возрастают. Решения горстки крупных корпораций определяют не только экономическую, но и военную и политическую обстановку во всем мире. Решения военного ведомства связаны с политической жизнью и самым чувствительным образом сказываются на ней, равно как и на самом объеме экономической деятельности. Решения, принимаемые в политической сфере, определяют экономическую деятельность и военные программы. Прошло то время, когда, с одной стороны, существовала сфера экономики, а с другой – сфера политики, включавшая в себя военное ведомство, деятельность которого не влияла на политическую и деловую жизнь. Теперь существует пронизанная политикой экономика, связанная тысячью нитей с военными институтами и их решениями. Если государство вмешивается в ту область, в которой господствуют корпорации, то и последние, в свою очередь, вмешиваются в вопросы управления государством. С точки зрения объективных тенденции развития, именно в этом треугольнике вла-

сти лежат истоки образования блокированной системы социального господства, которая составляет важнейшую историческую особенность нашего времени.

Факт взаимопереплетения трех основных сфер общественной жизни ясно обнаруживается при любой критической ситуации в развитии современного капиталистического общества: экономическом крахе, войне, буме. Во всех этих случаях правящие круги убеждаются в тесной взаимосвязанности основных социальных институтов. В XIX в., когда масштабы всех институтов были значительно меньше, их свободная интеграция достигалась в сфере саморегулирующейся экономики в результате свободной игры рыночных сил, а в саморегулируемой системе государственного управления – в результате голосования и политического торга...

Дело в том, что последствия решений, принятых или непринятых в каждой из этих областей, столь велики и обширны, что они распространяются и на другие области, и потому существует стремление к координированным директивным решениям или к согласованному воздержанию от директивных решений. Это не всегда было так. Когда в народном хозяйстве преобладали многочисленные мелкие предприниматели, то, например, банкротство даже многих из них все-таки могло иметь чисто местное значение; политические и военные органы в эту область не вмешивались. Но теперь, при существующих политических расчетах и военных обязательствах, могут ли они допустить, чтобы важнейшие частнокапиталистические корпорации, занимающие ключевые позиции в экономической системе, рухнули во время экономического кризиса? Политические и военные органы все больше и больше вмешиваются в экономические дела, и, в меру того как они это делают, важнейшие решения, принимаемые в каждой из трех иерархий, контролируются представителями двух других. Таким образом, экономические, военные и политические институты оказываются теснейшим образом связанными друг с другом.

В каждом из этих необычайно разросшихся и централизованных институтов пришли к руководству те высшие круги, которые образуют собой экономическую, политическую и военную элиты. В верхах экономики вместе с богачами из мира корпораций подвизаются руководящие администраторы крупнейших корпораций; в

верхах политической системы – официальные руководители государства; в верхах военного ведомства – элита, состоящая из политических деятелей, облаченных в военные мундиры, сосредоточенная в Объединенном совете начальников штабов, в его непосредственном окружении и в среде высшего генералитета.

Так как каждая из этих областей сомкнулась с остальными, так как последствия принимаемых в них решений имеют тенденцию стать всеобъемлющими, то руководящие деятели каждой из трех областей – военная знать, главари корпораций, официальные руководители государства – сплачиваются воедино, образуя тем самым властвующую элиту Соединенных Штатов.

* * *

Американские высшие круги, то есть те, кто находится на указанных командных постах, и их ближайшее окружение, часто рассматриваются с точки зрения того, чем они владеют; а владеют они большей, чем другие люди, долей наиболее высоко расцениваемых благ и источников наслаждений. В представлении людей, рассматривающих дело с этой точки зрения, властвующая элита попросту состоит из лиц, имеющих максимум того, что вообще можно иметь, а сюда обычно относят деньги, власть, престиж, а также образ жизни, определяемый обладанием этими благами. Но люди, составляющие элиту, – это не просто те, кто имеет больше всех; они не имели бы «больше всех», если бы они не занимали свои особые позиции в важнейших социальных институтах, ибо эти институты являются неременными основами власти, богатства, престижа и в то же время главным орудием осуществления власти, приобретения и сохранения богатства, реализации самых высоких притязаний на престиж.

Под могущественными людьми мы, конечно, подразумеваем тех, кто имеет возможность осуществлять свою волю даже в том случае, когда другие сопротивляются ей. Никто, следовательно, не может быть по-настоящему могущественным, если он не имеет доступа к управлению важнейшими социальными институтами, ибо власть подлинно могущественных людей заключается прежде всего в том, что они распоряжаются этими общественными орудиями власти. Ими распоряжаются высокопоставленные политические

деятели, крупнейшие сановники; ими распоряжаются адмиралы и генералы; ими распоряжаются главные акционеры и руководители крупнейших корпораций. Правда, не вся власть коренится в таких институтах и не вся она осуществляется через их посредство, но только в них и через них власть может быть более или менее длительной и значительной.

Богатство тоже приобретается и удерживается в этих институтах и через их посредство. Пирамида богатства не может быть правильно понята, если считать, что она складывается только из огромных личных состояний; могущество семейств, обладающих огромными наследственными капиталами, усиливается в настоящее время, как мы увидим, современными корпорациями: каждое из этих семейств было и сейчас тесно связано с какой-нибудь архибогатой корпорацией, и эта неизменная юридическая связь с корпорацией нередко дополняется и прямым участием в управлении ею.

Главный источник богатства – это современная корпорация; но на нынешнем этапе развития капитализма государственный аппарат тоже открывает и закрывает множество путей к богатству. Не только размер, но и источник дохода, не только возможности приобретения потребительских товаров, но и возможности распоряжения производительным капиталом определяются позициями, занимаемыми данным лицом в сфере политики и экономики. Если наш интерес к крупнейшим богачам не сводится только к вопросу об их расточительном или скарредном потреблении, то мы обязаны изучить их взаимоотношения с современными формами корпоративной собственности, а также с государством, так как именно этими взаимоотношениями определяется ныне возможность сохранения крупной собственности и получения высокого дохода.

Высокий престиж окружает ведущие звенья социальных институтов, и этот престиж все повышается. Совершенно очевидно, что престиж зависит, и часто в решающей степени, от доступа к механизму рекламы, использование которого является ныне важнейшим и нормальным признаком, присущим деятельности всех крупных институтов современной Америки. И к тому же одна из особенностей трех главных иерархий – властвующих в мире корпораций, в государственном аппарате, в военном ведомстве – состоит в том, что в наше время все чаще и чаще совершается переход людей из

одной в другую. В результате происходит своего рода «накопление» престижа. Притязания на престиж могут сначала основываться, скажем, на высоком положении данного лица в военной сфере, затем (в возросшем размере) на его деятельности в просветительском учреждении, управляемом заправилами корпораций, и реализоваться, наконец, в области политики, где в лице, например, генерала Эйзенхауэра и тех, кого он представляет, власть и престиж сливаются, достигнув наконец предельно высокого накала. Подобно богатству и власти, престиж обладает кумулятивным свойством: чем больше престижа вы имеете, тем больше вы можете его приобрести. Эти ценности могут также размениваться одна на другую: богатому легче, чем бедному, обрести власть; тем, кто занимает высокое положение в обществе, легче заполучить в свое распоряжение средства, ведущие к богатству, чем тем, кто не имеет этого преимущества.

Если мы возьмем сотню наиболее могущественных американцев, сотню самых богатых, сотню самых знаменитых и лишим их позиций, которые они занимают в главенствующих социальных институтах, отнимем у них людские и денежные ресурсы, которыми они распоряжаются, средства массовой рекламы, которые ныне работают преимущественно на них, то они сразу окажутся безвластными, безвестными и бедными. Власть не коренится в природе, богатство не заложено в личности богача, известность не есть внутреннее свойство, присущее определенному лицу. Чтобы быть знаменитым, богатым, властью имущим – для этого требуется доступ к главенствующим институтам, ибо командные позиции, которые люди в них занимают, определяют в значительной мере их шансы на получение и удержание этих высоко ценимых жизненных благ.

* * *

Возможна и такая трактовка людей из высших кругов, при которой они предстают как члены высшей социальной прослойки, как ряд групп, члены которых знают друг друга, встречаются в обществе, связаны деловыми отношениями и потому считаются друг с другом при вынесении известных решений. Согласно этой концепции, элита сама ощущает себя и воспринимается другими как цен-

тральное ядро, образовавшееся внутри «высших социальных классов». Она составляет более или менее компактное социальное и психологическое целое; люди, принадлежащие к элите, сознают себя членами определенного класса общества. Одни допускаются в их круг, другие не допускаются; грань, отделяющая элиту от прочих людей, сводится скорее к качественным, чем к чисто количественным различиям. Элита в большей или меньшей степени сознает себя как социальный класс, и члены ее ведут себя по отношению к своим иначе, чем по отношению к членам других классов. Они благожелательно относятся друг к другу, понимают друг друга, заключают между собой браки, стремятся к тому, чтобы действовать и думать, если не совместно, то, по крайней мере, одинаково.

Мы не хотим пока предрешать вопрос о том, являются ли действительно люди из элиты, занимающие командные посты в описанных нами главенствующих институтах, членами подобного общественно признанного класса, или вопрос о том, происходит ли значительная часть членов властвующей элиты из такого четко выраженного особого класса. Этот вопрос еще предстоит исследовать. Но для того, чтобы яснее очертить предмет исследования, надо остановиться на одной особенности, ясно выступающей в биографиях и мемуарах людей богатых, власть имущих и именитых: лица, принадлежащие к высшим кругам, в какой бы области они ни подвизались, являются членами взаимопереплетающихся «партий» и связанных между собой самым различным образом «клик». Среди тех, кто «сидит на одной и той же террасе», существует нечто вроде взаимного притяжения, – хотя часто бывает так, что это становится ясно им самим и другим только в такие моменты, когда они чувствуют необходимость отмежеваться от других, только в тех случаях, когда в процессе совместной обороны они добираются до сознания того, что их объединяет, и тем самым теснее смыкают свои ряды против «чужаков».

Представление о существовании такой правящей прослойки связано с предположением, что большинство ее членов отличаются общностью социального происхождения, что на протяжении всей их жизни они поддерживают неофициальные связи друг с другом и что существует известная взаимозаменяемость людей на командных ролях в иерархиях, распоряжающихся богатством, властью,

славой. Следует, безусловно, сразу же отметить, что если такая элитная прослойка действительно существует, то по своей социальной внешности и форме она, в силу весьма важных исторических причин, резко отличается от тех аристократических родов, которые некогда управляли различными европейскими странами.

То обстоятельство, что американское общество не прошло через феодализм, оказало решающее влияние на характер американской элиты, так же, как и на историю американского общества в целом. Ибо это означает, что в США не было дворянства или аристократии, возникших еще в докапиталистическую эпоху, которые находились бы в серьезной оппозиции к крупной буржуазии. Оно означает, что американская крупная буржуазия монополизировала не только богатство, но и власть, и престиж. Оно означает, что никакая группа дворянских семей не занимала здесь командных позиций и не монополизировала те блага, которые обычно высоко ценятся, и что здесь, безусловно, не нашлось такой прослойки, которая бы это совершила открыто на основе унаследованных прав. Оно означает, что здесь не было ни высших сановников церкви, ни придворной знати, ни лендлордов в доблестных доспехах, окопавшихся в своих замках, ни лиц, имеющих монопольное право на занятие высоких постов в армии, – не было тех элементов, которые сопротивлялись бы разбогатевшей буржуазии и препятствовали бы ее социальному возвышению во имя своих прирожденных прав и прерогатив.

Но это обстоятельство *не* означает, что в Соединенных Штатах не существует высших слоев. То, что они произошли из «среднего класса», не имевшего признанных атрибутов аристократического превосходства, вовсе не означает, что они так и остались средним классом, когда огромный рост их богатства дал им возможность самим добиться социального превосходства. Их происхождение и их историческая молодость могли сделать высшие слои в Америке менее заметными, чем в других странах. Но в Америке фактически существуют в наши дни такие разряды и масштабы богатства и власти, о каких люди из средних и низших слоев населения знают очень мало и даже не могут себе представить. Существуют семьи, полностью огражденные своим богатством от каких бы то ни было экономических неурядиц и потрясений, переживаемых просто пре-

успевающими людьми и низшими классами. Существуют также могущественные люди, которые в совершенно келейном порядке принимают решения, чреватые огромными последствиями для низших слоев населения.

Американская элита вступила в современную историю как элита такой буржуазии, которая, в сущности, не имела исторических соперников. Ни в одной стране буржуазия ни до, ни после этого не располагала такими благоприятными возможностями и преимуществами. Не имея вооруженных соседей, она легко прибрала к рукам изолированный континент, изобиловавший естественными ресурсами и необычайно заманчивый для рабочей силы, ищущей применения. Остов политического строя и идеология для его оправдания уже существовали. Против меркантилистских ограничений буржуазия выдвинула заимствованный у Европы принцип «laissez-faire», против южных плантаторов – принцип индустриализма. Революционная война положила конец притязаниям на знатность, существовавшим в колониальную эпоху, ибо лоялисты покинули страну, и многие имения были разрушены. Джексоновский переворот, вызвавший целую революцию в системе соотношений общественного веса различных слоев населения, положил конец притязаниям старинных семей Новой Англии на общественную исключительность, основанную на высоком происхождении. Гражданская война уничтожила власть, а, следовательно, со временем и престиж воинственных южных плантаторов, претендовавших до войны на особое уважение. Темп всего капиталистического развития исключал возможность развития и упрочения родовой аристократии в Америке.

В Америке не существовало прочно утвердившегося правящего класса, связанного с землей и расцветшего в блеске военной славы, который мог бы сдерживать стремительное историческое развитие торговли и промышленности или подчинить себе капиталистическую элиту, как это было, например, в Германии и Японии. И ни один подобный правящий класс в мире не мог сдерживать поступательное движение американского правящего класса в те времена, когда ход мировой истории начал определяться насильем, опирающимся на современную индустрию. Об этом свидетельствует судьба Германии и Японии в двух мировых войнах XX в. и даже

судьба самой Англии и ее образцового правящего класса, между тем как Нью-Йорк неминуемо должен был стать и стал экономической столицей западного капиталистического мира, а Вашингтон – его политической столицей.

* * *

Элита, занимающая командные посты в обществе, может трактоваться по-разному: ее можно рассматривать как совокупность лиц, обладающих властью, богатством и известностью; ее можно рассматривать как высший слой капиталистического общества. Можно определить ее также, пользуясь психологическими и моральными критериями, как некий вид избранных личностей. При таком определении дело выглядит совсем просто: элита – это люди исключительной силы воли и энергии.

Теоретик, склонный выводить социальные явления из свойств человеческой природы, может, например, подразумевать под элитой не какой-либо социальной слой или социальную категорию, а отдельных, ничем не связанных друг с другом индивидуумов, стремящихся превзойти самих себя и, стало быть, более благородных, более энергичных, сделанных из более добротного материала, чем прочие люди. Неважно при этом, бедны ли они или богаты, занимают ли высокое положение или низкое, славят ли их или презирают – они являются избранными просто в силу особенностей своей личности. Все остальные представляют собой массу, которая, согласно этой концепции, постепенно, через ряд переходов, сливается в унылую посредственность.

Такую концепцию, игнорирующую социальную природу элиты, пытались развить в последнее время некоторые американские писатели консервативного направления. Но в большинстве своем моральные и психологические концепции, относящиеся к элите, гораздо менее утонченны и имеют дело не с отдельными личностями, а с прослойкой в целом. Представления об «избранных натурах» всегда, собственно, возникают в обществе, где некоторые люди владеют в большей мере, чем другие, тем, чем можно владеть. Люди, обладающие такими преимуществами, не хотят думать, что их преимущества достались им совершенно случайно. Они охотно приходят к выводу, что достойны владеть тем, чем они владеют, в

силу внутренне присущих им качеств. Они считают, что они «по природе своей» являются элитой, и действительно воображают, что их богатство и привилегии являются естественным продолжением их избранной личности. В этом смысле определение элиты как группы людей, обладающих высокими нравственными качествами, есть идеологическое оружие элиты как привилегированной правящей прослойки, независимо от того, создана ли эта идеология самой элитой или создана для нее другими.

В эпохи, когда риторические фразы о всеобщем равенстве пользуются популярностью, наиболее умные и развитые люди из низших и средних классов, а также «кающиеся» люди из высших классов, порою придерживаются концепции «контрэлиты». В самом деле, в западных странах существует давняя традиция воспевать бедных, эксплуатируемых и угнетенных как истинно добродетельных, мудрых и счастливых людей; там создана целая галерея подобных образов. Уходящая своими корнями в христианские традиции, эта моральная идея контрэлиты, состоящей из индивидуальностей высокого типа, обреченных на самое низкое общественное положение, может быть использована и действительно была использована низшими классами для суровой критики правящих элит и для прославления утопических образов новой элиты, которая должна прийти на смену старым.

Но представление об элите как о группе выдающихся личностей не всегда является только лишь идеологической формулой особо привилегированных классов или контридеологической формулой социально обойденных классов. Оно часто соответствует действительности: будучи хозяевами своей жизни и обладая особыми привилегиями, многие лица из высшего слоя общества действительно обретают со временем душевные качества, приближающиеся к тем, носителями которых они себя объявляют. Если мы даже откажемся от представления, будто мужчины или женщины, принадлежащие к элите, являются от рождения избранными натурами (а мы должны от такого представления отказаться), то нельзя все же упускать из виду, что весь их жизненный опыт и тренировка вырабатывают у них специфический душевный склад.

В наши дни приходится вносить поправки в представление об элите как о группе, состоящей из индивидуальностей высшего по-

рядка, ибо люди, удостоившиеся занять командные позиции в обществе (формирующие, в свою очередь, их характер), окружены теперь множеством идейных вдохновителей, советников, «негров» и гримеров, которые изменяют их представления о самих себе, создают их общественное лицо и оказывают определяющее влияние на многие их решения. Не все, конечно, члены элиты в этом отношении одинаковы, но, вообще говоря, в Америке сегодняшнего дня было бы слишком наивно судить о природе любой из главных групп элиты только под углом зрения личных свойств тех ее представителей, которые находятся на авансцене. Американская элита часто представляется не столько совокупностью конкретных личностей, сколько совокупностью людей, наделенных общими душевными свойствами, которые в значительной степени выдуманы и рекламируются как идеальный тип человеческой «личности». Даже самая, на первый взгляд, независимая, свободно царящая, профессиональная знаменитость обычно представляет собой своего рода синтетический продукт, еженедельно перерабатываемый вышколенным персоналом, систематически придумывающим и заранее взвешивающим эффект экспромтных вставок в старые номера, которые знаменитость затем воспроизводит «по наитию».

Но справедливо и то, что до тех пор, пока элита живет и процветает как социальный класс или как группа лиц, занимающих командные позиции, она будет отбирать для себя и формировать людей определенного склада и отвергать других. То, чем становится человек, его моральный и психический облик, в значительной мере определяется воззрениями и взглядами, влиянию которых он подвергался на своем жизненном пути, и той общественной ролью, которую ему предназначают и дают возможность добиться. С точки зрения биографа, специфические особенности человека, принадлежащего к высшим классам, формируются в результате общения с людьми аналогичного общественного положения в целом ряде интимных кружков, в которые он вхож и которые доступны ему на протяжении всей его жизни. В таком понимании элита представляет собой ряд высших кругов, члены которых специально подбираются, обучаются, апробируются и получают свободный и неофициальный доступ к тем, кто управляет безличными иерархическими институтами современного общества. Если существуют какие-

нибудь объективные причины возникновения такой концепции элиты, которая сводит все дело к психологической общности ее членов, то они лежат в том, что, наряду с осведомленностью в делах публичных, относящихся к высокой политике, люди из элиты действительно отличаются общим строем личных чувств и привязанностей. Чтобы понять элиту как общественный класс, нам надлежит изучить целый ряд мелких интимных ячеек, в которых формируется классовая общность ее членов; самой очевидной из них была в прошлом гостиная знатной, богатой семьи, а в наши дни самой важной из них является аристократическая средняя школа и столичный клуб.

* * *

Утверждать, что в современном обществе существуют очевидные градации власти и возможностей принимать решения, еще не значит утверждать, что власть имущие объединены, что они вполне сознают то, что они совершают, что они сознательно сплотились в некоем заговоре. Чтобы получше разобраться в подобного рода вопросах, целесообразно будет заняться, в первую очередь, анализом общественных позиций власть имущих и последствий их решений, а не анализом степени сознательности их действий или чистоты их побуждений. Нам надлежит заняться тремя ключевыми обстоятельствами, ведущими к пониманию природы властвующей элиты.

I. Одно из этих обстоятельств, которое мы будем подчеркивать во всем ходе анализа каждого из высших кругов, сводится к психологическим особенностям людей из различных групп элиты, проявляющимся в их собственной среде. Так как властвующая элита состоит из людей приблизительно одинакового происхождения и воспитания, так как их карьера и образ жизни обнаруживают определенное сходство, то единство этих людей имеет под собой психологические и социальные основы; их принадлежность к примерно одинаковому социальному типу приводит к тому, что различные элитные группы легко смешиваются между собой. Этот род единства находит свое предельное, хотя и не самое важное, выражение в том факте, что общественный вес, связанный с известностью, приобретаемый одним из них, умножает общественный вес других; более существенным выражением этого единства является то, что эти

люди в состоянии заменять друг друга на командных постах каждой из трех главенствующих иерархий и переходить из одной иерархии в другую.

II. Это психологическое и социальное единство, как мы можем убедиться, коренится в структуре и механизме тех главенствующих иерархий, которые в наши дни возглавляют официальные руководители государства, богачи из мира корпораций и военные заправилы. Чем крупнее масштаб этих бюрократических сфер, тем могущественнее власть отдельных элит, распоряжающихся в каждой из них. Структура этих иерархий и система их взаимоотношений в значительной степени определяют взаимоотношения их главарей. Если эти иерархические образования отличаются раздробленностью и разобщенностью функций и власти, то соответствующие элиты, их возглавляющие, тоже будут отличаться раздробленностью и разобщенностью. Если же между этими иерархиями есть множество взаимных связей и пунктов совпадения их интересов, то их элиты обнаружат стремление к тому, чтобы сплотиться в объединенную группу.

Единство элиты не является простым отражением единства возглавляемых ею институтов, но люди и институты всегда связаны между собой, и наша трактовка природы властвующей элиты побуждает нас раскрыть эту связь. В современной Америке имеются различные существенные пункты совпадения коренных интересов основных иерархий, включая такие явления, как создание частной экономикой, управляемой корпорациями, постоянного военного ведомства, функционирующего в условиях политического вакуума.

III. Однако единство элиты основывается не только на психологическом сходстве и социальном сращивании и не только на совпадении коренных интересов людей, занимающих командные позиции в основных иерархиях. Порой это единство принимает форму более явно выраженной координации действий. Но сказать, что эти три высших круга все в большей мере координируют свою деятельность, что это является одной из основ их единства и что порой (как, например, в военные времена) такая координация носит радикальный характер,— это еще не значит утверждать, что такая координация имеет всеобъемлющий или длительный характер, или даже, что она является чем-то вполне устойчивым. И еще меньше это

значит, что такая сознательная координация является единственной или главной основой их единства, или же, что властвующая элита возникла в результате заранее разработанного плана. Но мы имеем право утверждать, что, по мере того как современный механизм управления основными социальными институтами открывал новые пути для людей, преследующих свои разнообразные интересы, многие из них начали понимать, что эти интересы легче реализовать в том случае, если они будут действовать сообща – официально и неофициально, и стали поэтому действовать подобным образом.

* * *

...Сама ли элита определяет свою роль или же могущество элиты определяется теми функциями, которые предоставлены ей в возглавляемых ею институтах? Общий ответ (а всякий общий ответ не может быть исчерпывающим) должен быть таков, что зависимость элиты от предоставленных ей функций в разные времена и при разной структуре общества глубоко различна; ни в природе элиты, ни в природе истории мы не находим материала для определенного ответа. Верно и то, что если большинство людей берут на себя те роли, которые им позволяют брать, и разыгрывают их так, как от них ожидают в силу их положения, то для элиты как раз подобный образ действий не обязателен, и она часто поступает иначе. Она может изменить структуру институтов, в которых она действует, свое положение в них или формы выполнения присвоенных ей функций.

Никто не предлагал и не разрешал Наполеону разогнать 18 брюмера парламент, а затем превратить свою консульскую власть в императорскую. Никто не предлагал и не разрешал Адольфу Гитлеру провозгласить себя в день смерти президента Гинденбурга «фюрером и канцлером», упразднить и узурпировать соответствующие должности, соединив президентство с канцлерством. Никто не предлагал и не разрешал Франклину Д. Рузвельту принять ряд решений, которые привели к вступлению Соединенных Штатов во Вторую мировую войну. Не «историческая необходимость», а человек, по имени Трумэн, принял вместе с несколькими другими лицами решение сбросить бомбу на Хиросиму. Не историческая

необходимость, а только дискуссия в узком кругу людей привела к провалу предложения адмирала Редфорда бомбардировать вьетнамские войска у Диен-Биен-Фу. Отнюдь не связанные структурой тех или иных институтов, современные элиты могут легко сломать одну структуру и создать другую, в которой они затем будут играть совершенно иные роли. Подобное разрушение старых и создание новых структур основных институтов со всеми их орудиями власти и есть как раз то, что именуется «великим руководством», когда развитие событий кажется благоприятным, и «великой тиранией», когда их развитие кажется неблагоприятным.

Для некоторых членов элиты роли обычно заранее определены, но другие сами иногда определяют свои роли. В наше время они определяют не только ту роль, которую играют сами, но и роли миллионов других людей. Создание новых державных ролей и их державное исполнение происходит главным образом тогда, когда социальные структуры подвергаются эпохальным изменениям. Не подлежит сомнению, что превращение Соединенных Штатов в одну из двух «великих держав», наряду с появлением новых средств уничтожения и новых методов административного и идеологического господства, дали возможность США в середине XX в. взять на себя именно такую ведущую эпохальную роль.

Мы не находим в истории ничего такого, что говорило бы, что властвующая элита не в состоянии творить подобные вещи. Разумеется, воля таких людей всегда имеет границы, но никогда ранее границы эти не были так широки, ибо никогда ранее орудия власти не были столь громадны. Именно это делает наше положение таким опасным; именно это придает еще большее значение познанию характера и границ власти американской элиты. Изучение вопроса о природе и могуществе элиты – это единственная реальная и серьезная возможность вновь поднять вопрос об ответственном правительстве...

Суть моей концепции сводится к утверждению, что стечение исторических обстоятельств привело в нашу особую эпоху к образованию современной властвующей элиты; что люди, принадлежащие к кругам, образующим элиту, принимают в наше время (каждый в отдельности и все вместе) важнейшие решения и что, вследствие усиления и централизации имеющихся ныне орудий власти,

решения, которые они принимают, или их уклонение от известных решений влекут за собой более серьезные последствия и затрагивают более значительную массу людей, чем когда-либо раньше на протяжении всей истории человечества.

Я утверждаю также, что на средних этажах государственно-политического здания образовался тупик – наполовину искусственно созданный – и что на нижнем его этаже возникло политически бесформенное общество, мало похожее на тот тип общества, в котором ключи власти находятся в руках добровольных ассоциаций и народа, наделенного свойствами, изображенными в классических теориях народовластия. Американские верхи гораздо более сплочены и могущественны, а низы гораздо более разобщены и бессильны, чем обычно предполагают люди, внимание которых отвлечено средними органами власти, не выражающими воли низов и не определяющими решений верхов.

Глава II. Провинциальное светское общество

В каждом американском провинциальном городе и городишке имеется избранная группа семей, занимающих в обществе более высокое положение, чем люди из средних классов, и недостижимо возвышающихся над низшими слоями населения, состоящими из рабочих и служащих. Из всех богатств, которыми люди владеют в данной местности, на долю каждой такой семьи приходится больше, чем на долю любой семьи из других групп населения. Эти семьи оказывают решающее влияние на местные общественные дела; их имена и фотографии часто появляются в местной прессе; они фактически являются владельцами местной газеты и радиостанции; немногие крупные заводы, обычно имеющиеся в данной местности, и большинство торговых предприятий, расположенных на главной улице города, также принадлежат им; они управляют банками. Тесно связанные друг с другом, они отлично сознают, что принадлежат к ведущей группе главенствующих семей.

Все юноши и девушки из этих семей учатся в колледжах; до этого они зачастую учатся в частных школах. Затем они вступают в брак друг с другом или с юношами и девушками из таких же примерно семей, проживающих в таких же примерно городах. Выгодно женившись, они вступают в жизнь, чтобы владеть, занимать командные позиции, решать... Вот перед нами человек, принадлежа-

щий к одной из этих старинных семей: к неудовольствию отца и возмущению деда, он является ныне руководителем местного филиала всеамериканской корпорации... Вот видный врач, обслуживающий именитые семейства провинциального города. У него два сына: к одному из них переходит сейчас отцовская практика; другой сын, который вскоре женится на дочери владельца второго по величине местного завода, будет, вероятно, преемником окружного прокурора... Так оно издавна велось в маленьких американских городах, так оно ведется и теперь.

Классовое самосознание не в одинаковой мере присуще всем слоям американского общества: наиболее явственно оно проявляется у высшего класса. Среди низших слоев американского населения мы везде находим весьма путаные и расплывчатые представления о социальных гранях, о приличествующих данному общественному положению затратах на одежду и жилье, о приличествующих ему способах зарабатывать деньги и тратить их. В результате различий в доходах люди, принадлежащие к низшим и средним классам, бесспорно отличаются друг от друга по своим взглядам на жизнь, материальным условиям жизни и жизненному опыту, но они часто не имеют сознательного представления об этих различных взглядах на жизнь и их классовой основе.

У людей же, принадлежащих к высшему слою, имеется гораздо больше возможностей (хотя бы в силу их меньшей численности) приглядываться друг к другу, поддерживать в своей среде общие традиции и сознавать себя как особый класс. У них есть деньги и время, необходимые для того, чтобы поддерживать свой общий жизненный уклад. Класс этот не только богат, но и представляет собой более или менее обособленную группу людей, постоянно общающихся друг с другом и образующих сплоченные кружки, объединенные одинаковыми притязаниями на то, чтобы их признавали главенствующими семьями в тех городах, где они проживают.

* * *

И романистам, и социологам, изучавшим жизнь американских провинциальных городов, особенно бросалась в глаза коллизия между богачами старой и новой формации. Борьба за главенствующее положение в обществе, которую они наблюдали в этих городах, ве-

лась на протяжении всей новой истории западного общества, ибо целые столетия выскочки и снобы из среды новой знати не ладили со «старой гвардией». В отдельных районах имеются, конечно, свои особенности, и все же для страны в целом общество провинциальных богачей – явление удивительно стандартное. В провинциальных городах существуют в наши дни две прослойки социальных верхов: одна из них состоит из рантье и из семейств, завоевавших свое высокое общественное положение сравнительно давно; другую прослойку образуют семейства, выдвинувшиеся сравнительно недавно и проявляющие себя в социальной и экономической сфере как люди более предприимчивого типа. Члены этих двух верхушечных групп сознают существующие между ними различия, хотя каждая группа имеет свою собственную точку зрения на эти различия.

Не следует думать, что старая прослойка высшего класса непременно «аристократичнее» новой или что новая прослойка – это просто нувориши, всячески старающиеся прикрыть новоиспеченное богатство аристократическим плащом общественного почета, который так непринужденно носят старинные богачи. У новой знати свой стиль жизни, и хотя ее представители, в особенности женщины, многое заимствуют у старой знати, они в то же время (это особенно относится к мужчинам) развенчивают стиль жизни старой знати во имя утверждения своих собственных взглядов и устремлений. В борьбе за общественный престиж обе группы соперничают друг с другом во многих областях, и это соперничество в некоторой степени заставляет каждую из них оспаривать достоинства, которые приписывает себе противная сторона.

...На Юге неприязненные отношения между старой и новой знатью часто принимают более острый характер, чем в других районах, потому что здесь экономической базой старинных семей является земельная собственность и сельское хозяйство. Процесс слияния новой прослойки богачей с более старой знатью – а со времен Гражданской войны такой процесс, бесспорно, происходит – ускорился после экономического кризиса 30-х годов и Второй мировой войны. Старинные семьи из среды южной аристократии зачастую пребывают в печальном состоянии упадка, что нашло отражение в художественной литературе и специальных исследова-

ниях. Если старинная аристократия южных штатов не объединится с восходящим торгово-промышленным классом, то как аристократия она неминуемо исчезнет, ибо в тех случаях, когда знатность перестает сочетаться с богатством, она по истечении надлежащих сроков вырождается в эксцентричную претенциозность, с которой никто не считается. Если у человека нет достаточного количества денег, то его спокойное достоинство и надменное уединение начинают казаться чем-то нездоровым и даже извращенным.

Преувеличенное значение, придаваемое в таких семьях родословной, и уход от общественной жизни обостряет у людей старшего поколения (и в особенности у тех старых женщин, которые становятся строгими судьями поведения молодежи) их чувство социальной исключительности. Такое положение вещей не способствует заключению браков между дочерьми старой знати и сыновьями нового, но напористого класса богачей. И все же процесс промышленного развития маленьких городов упорно ломает прежние социальные формации и ведет к возникновению новых; возвышение разбогатевших промышленников и торговцев неизбежно влечет за собой упадок влияния землевладельческой аристократии. На Юге, как и везде, возрастание массы капитала, необходимого для внедрения новых форм сельскохозяйственного производства в оправдывающем себя масштабе, а также система налоговых льгот и специальных субсидий, предоставляемых «фермерам», приводит в результате к тому, что в деревне, как и в городе, формируется новая знать.

Новая и старая знать в маленьких городах взирают, стало быть, друг на друга со смешанным чувством, в котором проскальзывают изрядная неприязнь, известное презрение и завистливое восхищение. Богач новой формации был бы не прочь обладать престижем «старика», но в то же время считает последнего старым чудаком, мешающим людям ворочать крупными коммерческими и политическими делами, провинциалом, ограниченным чисто местными рамками, лишенным стремления двигаться вверх и вперед. «Старик», в свою очередь, смотрит на новичка, как на человека, который придает слишком большое значение деньгам, который нажил много денег и стремится нажить еще больше, но не приобрел ни социальных корней, ни культурного стиля жизни, соответствующих

его финансовым возможностям; как на человека, который фактически интересуется городскими общественными делами лишь в той мере, в какой он может использовать их в личных и чуждых городу целях.

Сталкиваясь с авторитетом старой знати в делах коммерческих, гражданских или политических, люди из новой знати часто объясняют этот авторитет обаянием «старины», связанной в их представлении с застойным, «старомодным» образом жизни, медленным темпом гражданской жизни и отсталыми политическими взглядами. Они считают, что старая знать, в отличие от новой, не умеет пользоваться своим общественным влиянием для того, чтобы «делать деньги». Богачи новой формации не рассматривают общественный престиж как самодовлеющую ценность; он интересует их как политическое и экономическое орудие: отсутствие такового мешает их преуспеванию.

* * *

То обстоятельство, что экономические противоречия между богачами старой и новой формации выступают одновременно и как политические противоречия, не везде еще обнаруживается с полной ясностью. И тем не менее это факт, который со времен второй мировой войны имеет тенденцию превратиться в общенациональное явление.

Провинциальная знать – новая и старая, политически заметная и незаметная, активная и пассивная... образует не только социальную, но и политическую иерархию. На верхних ступенях этой политической лестницы мы находим несколько клик или «партий», члены которых обсуждают и решают важнейшие местные вопросы, а также многие более важные дела, связанные с политической жизнью штата или страны в целом, «часть которой составляет данная территориальная община». Обычно, хотя отнюдь не всегда, эти клики состоят из лиц, принадлежащих к богачам старой формации; в них входят наиболее крупные промышленники и торговцы и те, в чьих руках находятся банки; последние обычно связаны с крупными владельцами недвижимостей. Каждая из этих неофициально существующих клик часто состоит из людей, действующих в одной и той же экономической сфере: есть клика промышленная, торго-

вая, банковская. Они смыкаются друг с другом, и мы находим обычно несколько человек, осуществляющих связь между ними и координирующих их мнения и решения. К услугам этих клик имеются также адвокаты и управляющие, обслуживающие семейства солидных рантье; используя свои полномочия и те многочисленные связи и сцепления деловых интересов богачей старой и новой формации, которые им приходится осуществлять, они связывают воедино силу денег, кредита и организованного действия и нацеливают ее на определенное решение.

На ближайшей после этих клик ступеньке провинциальной политической лестницы стоят общественно активные дельцы, преимущественно из богачей новой формации, которые проводят в жизнь решения и планы, выработанные верхушкой. Они всегда стараются заранее угадать эти решения, и это им подчас удается. В эту группу входят люди «действия»: вице-президенты банков, идущие в гору мелкие бизнесмены, крупные чиновники, подрядчики и высшие служащие местных предприятий. Эта второразрядная прослойка незаметно переходит в третью группу. Ее составляют лица, возглавляющие всякого рода гражданские учреждения, должностные лица различных организаций, мелкие общественные лидеры, журналисты. И наконец, на четвертой ступени политической лестницы пребывают ничем не выделяющиеся лица свободных профессий, рядовые бизнесмены, духовные лица, видные учителя, деятели благотворительных и просветительных организаций, заведующие отделами личного состава местных учреждений и предприятий.

При обсуждении или решении почти любого важного вопроса одна какая-нибудь из главенствующих клик (а то и отдельный воротила) берет на себя инициативу в деле подготовки предстоящего решения и организации негласного сговора между влиятельными кликами в защиту этого решения. В подобной роли выступает либо лицо, осуществляющее обычно связь данной клики с губернатором штата, либо банковская клика, или же, наконец, человек, пользующийся популярностью как среди рядовых членов Ротари-клуба, так и среди рядовых членов торговой палаты, как в местном благотворительном обществе, так и в ассоциации адвокатов.

Истоки власти лежат не в этих второразрядных организациях, не от массы их членов исходят важнейшие решения. Местные за-

правила входят в эти организации, но редко принимают активное участие в их специальной деятельности. Как организованные сообщества, ассоциации эти помогают проводить в жизнь политическую линию, выработанную правящими кликами; для молодых дельцов из высших слоев они являются тренировочными школами общественной деятельности, в которых они пробуют свои силы; иногда, особенно в мелких городах, из среды членов этих организаций рекрутируются новые члены правящей верхушки...

* * *

Борьба между старой и новой знатью за главенствующее положение в обществе, классовая структура, лежащая в основе этой коллизии, система политического господства верхушечных клик – из всего этого складывается в наши дни довольно стандартная, хоть и не совсем простая, картина жизни высших слоев провинциального общества. Но мы не поймем этой картины или тех явлений, которые с ней связаны, если забудем, что все эти провинциальные города, безусловно, составляют звенья общегосударственной системы общественного престижа, власти и богатства.

Глава VI. Ведущие администраторы из мира корпораций

Многие из тех, кто склонен прославлять американскую экономику, исходят в своих суждениях и оценках из целой уймы смешных и путаных представлений о ведущих администраторах крупных корпораций. В системе свободного частного предпринимательства, говорят нам, появилась группа хозяйственных руководителей, совершенно отличных от «неотесанных предпринимателей старого закала», применявших в своей настойчивой борьбе за свои собственные, корыстные интересы беспощадные средства, характерные для той формы капитализма, которая уже давно отмерла. Эти руководители, занявшие командные позиции в сфере экономики, выступают ныне как доверенные управляющие, беспристрастные посредники и сведущие маклеры, защищающие множество экономических интересов, в том числе интересы миллионов мелких собственников, владеющих акциями крупных американских предприятий, и интересы наемных рабочих и потребителей, извлекающих пользу из великого современного потока товаров и услуг.

Этим администраторам, говорят нам, американцы обязаны холодильниками, стоящими у них в кухнях, и автомобилями, находящимися в их гаражах, а также самолетами и бомбами, которые охраняют их теперь от угрозы внезапного нападения. Все они, или почти все, уверяют нас далее – поднялись из самых низов; это либо деревенские парни, сделавшие карьеру в большом городе, либо бедные иммигранты, приехавшие в Америку и теперь наслаждающиеся фантастическим успехом, который возможен только в этой стране. Это знающие и толковые люди, сделавшие Америку великой страной. Ведущим администраторам корпораций – часто говорят нам, – этим одаренным, прямодушным, честным людям следовало бы доверить управление государством, ибо только в том случае, если бы власть находилась в руках подобных людей, в США не было бы коррупции, растрат, проникновения корыстных и преступных элементов в государственный аппарат. Словом, политика превратилась бы из грязного ремесла в пристойное занятие.

Однако в кругах, умеющих несколько более критически судить об общественных явлениях, об администраторах из мира корпораций, говорят довольно нелестные вещи. Нельзя отрицать в конечном счете, что они могущественные люди и притом довольно необычного типа, но на чем основано это могущество? Они не являются собственниками корпоративных предприятий – и все же вершат их дела. Если их интересы полностью отличаются от интересов подлинных собственников, то в чем они заключаются? Не совершили ли эти ведущие администраторы незаметную революцию сверху, революцию управляющих, и не изменила ли их революция само содержание категории собственности? Короче говоря, не случилось ли так, что старые экспроприаторы экспропрированы ныне своими наемными управляющими? Допустим, что главные администраторы – это доверенные лица, защищающие самые разнообразные экономические интересы, но какие инстанции проверяют, насколько честно и удачно они осуществляют доверенные им функции? И почему им, а не государству, находящемуся под контролем свободных избирателей, должна принадлежать роль доверенного управителя, беспристрастного посредника, опытного маклера, примиряющего противоречивые интересы и противоборствующие силы?...

* * *

Корпорации – это организованные центры системы частной собственности; их ведущие администраторы выполняют функции организаторов этой системы. Как хозяйственные деятели, они одновременно являются и творением и творцами корпоративной революции, которая, если говорить коротко, превратила собственность из орудия, находящегося в руках работника, в сложный инструмент, при помощи которого осуществляется власть над трудом работника и из труда этого извлекается прибыль. Мелкий предприниматель уже не является решающей фигурой в экономической жизни Америки; и во многих секторах народного хозяйства, где еще существуют мелкие производители и торговцы, они изо всех сил борются (и должны бороться, чтобы не погибнуть) за создание торгово-промышленных ассоциаций или добиваются, чтобы правительство ограждало их интересы, подобно тому как корпорации ограждают интересы крупной промышленности и крупных финансовых учреждений.

Американцы склонны считать себя самым индивидуалистическим народом в мире, а между тем обезличенные корпорации достигли у них ведущие администраторы из мира корпораций наивысшего развития и проникают в настоящее время во все области, во все мелочи повседневной жизни. Менее чем 0,2 % всех компаний, действующих в обрабатывающей и добывающей промышленности США, предоставляют ныне работу половине всех людей, занятых в этих основных сферах промышленной деятельности. Вся история американской экономики со времен Гражданской войны является под этим углом зрения историей создания и укрепления этого корпоративного мира централизованной собственности.

I. Если мы проследим историю развития любой из ведущих отраслей промышленности, то убедимся, что конкуренция между множеством мелких производителей чаще всего наблюдается в начальный период ее развития. Затем начинаются всякого рода махинации и маневры, которые со временем приводят к объединению и слиянию. Из недр конкуренции, наблюдавшейся на ранней стадии развития, возникает «Большая пятерка» или «Большая тройка» (смотря по обстоятельствам), то есть небольшая группа фирм, делящая между собой всю прибыль, которую можно выкачать из дан-

ной отрасли, и оказывающая преобладающее влияние на решения, принимаемые в этой отрасли, и на решения, касающиеся этой отрасли. «Власть, осуществляемая несколькими крупными фирмами, – писал Джон Голбрейс, – отличается от власти одной-единственной монопольной фирмы только своим объемом и полнотой ее осуществления». Если они конкурируют друг с другом, то не столько в области цен, сколько в области усовершенствования продукта, рекламы, упаковки. Ни одна из этих фирм не определяет самодержавно политику всей отрасли, но вместе с тем эта политика уже не определяется стихийно прежним, никому не подвластным рынком, на котором господствовала свободная конкуренция. Теперь на карту ставится слишком много, чтобы такой примитивный метод мог являться общим правилом. Решения становятся (либо в открытой, либо в скрытой форме) решениями опекунов, надзирающих за рынком; «Большая тройка» или «Большая четверка» в той или иной форме согласовывает между собой важнейшие из осуществляемых решений. Это не предполагает обязательно наличия прямого сговора и, безусловно, не требует доказуемого сговора. Важно то, что, принимая решение, каждый крупный производитель учитывает при этом возможную реакцию других крупных производителей...

IV. Крупнейшие корпорации – это не ряд изолированных гигантов, пребывающих в блестящем одиночестве. Они связаны между собой через открыто существующие ассоциации, действующие в тех отраслях и районах, в которых протекает деятельность этих гигантов, а также в рамках сверхассоциаций, вроде, например, Национальной ассоциации промышленников. Эти ассоциации сплачивают воедино управленческую элиту и прочих богачей из мира корпораций. Экономические силы, имеющие узкую сферу действия, они превращают в силы общепромышленного и общеклассового значения. И они используют эти силы, во-первых, на экономическом фронте, например в сфере отношений с рабочим классом и его организациями и, во-вторых, на политическом фронте, что сказывается, например, в той крупной роли, которую они играют в сфере политики. И вместе с тем они прививают своим рядовым членам из среды мелких бизнесменов идеологию «большого бизнеса»...

V. Рост и взаимное переплетение корпораций привели, если говорить кратко, к выдвижению более искушенной и дальновидной управленческой элиты, которая ныне обладает известной автономией по отношению к любой ограниченной группе собственнических интересов. Ее власть – это власть собственности, но за этой собственностью уже не всегда (и даже не в большинстве случаев) скрывается узкий и легко различимый разряд людей. Эта собственность является, с точки зрения реальных особенностей управления ею, собственностью целого класса.

И было бы, в конце концов, странно, если бы в стране, столь преданной частной собственности, в стране, где ее теперь так много накопилось (и притом в атмосфере, которая за последние 50 лет часто бывала враждебна ей), и где люди, стоящие во главе экономики, обладают, как нам постоянно твердят, самыми выдающимися в мире административными и организаторскими способностями, – было бы странно, если бы эти люди не сплотились, а только плыли по течению, пассивно обороняясь от повседневных атак...

VI. Сплочение сил, наблюдаемое в мире корпораций, рельефно выступает в том факте, что в нем существует тщательно разработанная система взаимопереплетающихся директоратов. Выражение «взаимопереплетающееся руководство» – это не пустая фраза. Оно говорит нам о важной особенности современной экономической жизни и о социологических корнях общности интересов, единства взглядов и политики, существующих в среде имущего класса.

Всякий обстоятельный анализ любой из крупных отраслей экономической деятельности, и особенно тех ее отраслей, которые связаны с политикой, приводит нас к факту существования такого единства. Самый осторожный вывод, не переоценивающий значение системы взаимопереплетающихся директоратов, должен быть таков, что эта система позволяет людям, причастным к интересам богачей из мира корпораций, обмениваться мнениями в удобной и более или менее официальной форме.

Действительно, если бы такой системы не существовало, то нам пришлось бы заподозрить, что существуют менее официальные, хотя и вполне успешные, средства и формы контакта. И надо сказать, что статистические данные о переплетающемся руководстве не являются прямым показателем единства, имеющегося в

мире корпораций, и наличия согласованной политики корпораций: согласованная политика может осуществляться (и осуществляется) и там, где нет общих директоров, так же как наличие общих директоров не обязательно подразумевает координированную политику...

Корпорации распоряжаются сырьем и патентами на изобретения, облегчающие превращение этого сырья в готовые изделия. Они содержат самых высокооплачиваемых и (если судить по этому признаку) самых одаренных в мире юристов для того, чтобы они разрабатывали и совершенствовали их стратегию и способы защиты. Они используют людей в качестве производителей товаров и услуг, и они же производят все то, что эти люди покупают в качестве потребителей. Они одевают и кормят этих людей и инвестируют их деньги. Они производят оружие, которым эти люди сражаются на войне, и финансируют рекламную шумиху и реакционную пропагандистскую свистопляску, довлеющие над этими людьми со всех сторон в военное время и в межвоенные периоды.

Их частные решения, сознательно принимаемые в интересах автономного, на феодальный манер, мира частной собственности и прибылей, определяют масштабы и формы национальной экономики, уровень занятости, покупательную способность потребителя, уровень цен рекламируемых товаров, каналы капиталовложений. Не «финансовые заправилы с Уолл-стрита» или банкиры, а крупные собственники и администраторы владеют в своих самофинансирующихся корпорациях ключами к экономическому могуществу.

Не профессиональные политики из состава «видимого» правительства, а заправилы корпораций, представленные либо лично, либо через своих эмиссаров в официальном политическом руководстве страной, сосредоточили в своих руках власть и обладают всеми средствами для охраны привилегий своего корпоративного мира. Если они официально не царствуют, то зато фактически управляют многими жизненно важными областями повседневной американской жизни, и нет таких сил, которые оказывали бы им стойкое и успешное сопротивление. И как люди, сформировавшиеся и выдвинувшиеся в мире корпораций, эти властители не выработали в себе действенных моральных преград, которые ограничивали бы их корыстные устремления...

... Новые привилегии богачей из мира корпораций относятся к формам проявления власти денег в сфере потребления и личной жизни. Но сфера проявления власти денег, преимуществ, связанных с особым положением в сфере экономики, общественного и политического веса корпоративного богатства отнюдь не сводится исключительно к сфере потребления и накопления – корпоративного или личного. С точки зрения американской элиты (в составе которой богачи из мира корпораций выступают лишь как одна из нескольких групп), обладание потребительскими благами фактически имеет гораздо меньшее значение, чем обладание властью над основными источниками богатства.

I. Верховным договором, определяющим политические рамки общественного строя Соединенных Штатов, является Конституция. Четырнадцатая поправка к Конституции содержит в себе надлежащее признание законности существования корпораций, в которых теперь сосредоточена частная собственность класса богачей из мира корпораций, управляемая административной прослойкой этого класса. Эта элита из мира корпораций, подвизающаяся в рамках существующего политического строя, представляет собой ряд руководящих групп, образующих в совокупности известную иерархию, созданную сверху (а не выросшую снизу) и имеющую строго централизованное управление. Ведущие администраторы занимают теперь главенствующее положение в мире корпораций, а мир корпораций, в свою очередь, пребывает теперь по отношению к институтам, призванным осуществлять политический суверенитет народа, на положении независимого, никому не подвластного экономического царства. Экономическая инициатива прочно принадлежит ведущим администраторам из мира корпораций – и они это знают и считают это своим неперемennым правом, вытекающим из их положения. Как удельные князья, управляющие политически независимыми, на феодальный манер, индустриальными княжествами, они с явной враждебностью отнеслись к заботам центрального правительства о благосостоянии низших слоев населения. Рабочих, торговых агентов и снабженцев корпораций они рассматривают как подвластных подданных своего царства, а себя – как достигших вершин избранных индивидуумов американской индивидуалистической породы.

Глава VIII. Военная знать

В XVIII в. люди, интересовавшиеся ходом исторических событий, стали замечать удивительную тенденцию в сфере распределения власти между верхами тогдашнего общества: гражданские элементы, придя к власти, сумели подчинить себе агрессивную военщину, могущество которой, введенное в определенные рамки и нейтрализованное, уменьшилось. Случалось, конечно, и раньше – в разные периоды и в разных местах, – что военные выступали в роли исполнителей решений, принимавшихся гражданскими кругами; и все же эта тенденция, достигшая наибольшей силы в XIX в. и сохранившаяся вплоть до Первой мировой войны, казалась тогда, да кажется и теперь, поразительной, потому что никогда раньше не наблюдалась она в таких масштабах и никогда раньше она не казалась столь устойчивой.

В XX столетии это примечательное явление социального главенства гражданских элементов, оказавшееся преходящим и непрочным, начало во всех промышленных странах исчезать; и теперь – после долгого периода мира, продолжавшегося от посленаполеоновской эпохи до Первой мировой войны, – все явственнее восстанавливается прежний ход мировой истории. Везде и повсюду военщина вновь завоевывает свои былые позиции. Везде и повсюду реальная действительность воспринимается под углом зрения ее философии. Америка не является исключением: политический вакуум здесь заполнила военная знать. Вместе с руководителями корпораций и политиками генералы и адмиралы – эти беспокойные кузены американской элиты – добивались возможности и обрели все возрастающую возможность выносить решения, чреватые серьезнейшими последствиями, и влиять на подобные решения.

Всякая политика – это борьба за власть; законченной формой власти является насилие. Почему же в таком случае военная диктатура не стала нормальной и обычной формой государственного управления? На протяжении преобладающей части истории человечества люди действительно жили под властью меча. И при всяких серьезных общественных неурядицах, реальных и воображаемых, общество обнаруживает склонность к тому, чтобы вернуться к военному управлению. Но даже в наши дни мы часто забываем эти более или менее известные факты мировой истории, ибо мы унаследовали определенные представления, пользовавшиеся большой

популярностью в XVIII и XIX столетиях при режиме гражданской власти...

Говоря о природе военщины, Гаэтано Моска выдвигает постулат, который мы не приемлем, что не мешает нам, однако, принять общую линию его рассуждений. Он исходит из предположения, что в любом обществе имеется какая-то доля людей особого склада, людей, склонных прибегать при наличии надлежащих стимулов к насилию. «Если такого человека, – говорит Гаэтано Моска, – наделить гением и предоставить ему благоприятную историческую обстановку, мы получим Наполеона; если поставить перед ним великий идеал, мы получим Гарибальди; если предоставить ему счастливый случай, не наделив ничем другим, мы получим Муссолини (а в условиях цивилизации, опирающейся на бизнес, следовало бы добавить, – мы получим гангстера).

... Но если – продолжает Гаэтано Моска – вы поручите такому человеку определенную функцию в определенной социальной иерархии, вы получите профессионального солдата, и гражданские элементы часто оказываются в состоянии подчинить его своему контролю».

Внутренний мир в государствах не всегда, конечно, покоился на профессиональной регулярной армии. В истории существовали и другие основы мира. Мы знаем периоды «божьего мира», предписанного духовенством, и периоды «королевского мира», устанавливавшиеся в средневековой Европе против воли тех, кто считал, что их честь и могущество зависят от меча. Однако в эпоху новой истории или даже на протяжении всей истории человечества великое явление мира выступает, как и следовало ожидать, как явление противоречивое. Мир – это результат централизации и монополизации национальным государством средств насилия. Но вместе с тем факт существования на земном шаре 81 национального государства представляет собой главное условие возникновения современных войн...

...С усилением и централизацией американских материальных орудий насилия возник чрезвычайно сложный военно-бюрократический аппарат, протянувший свои щупальца до окраинных азиатских государств и полуостровных окраин Европы и проникший со своими стратегическими воздушными силами в сердце

Евразии. Подобные перемены в характере военных институтов и дальности действия средств насилия не могли не привести к столь же важным изменениям в положении людей, управляющих этими средствами насилия, то есть в положении американской военной знати.

В этом здании, в этом архитектурном лабиринте, среди этого причудливого скопища людей протекает повседневная деятельность современных военных лидеров. И среди них вы не найдете военных деятелей прежнего закала, закала тех людей, которые воевали с индейцами.

На верхушке военно-бюрократической лестницы, ступенью ниже президента Соединенных Штатов, назначаемого им министра обороны и помощников министра обороны, пребывает военный директорат – Объединенная группа начальников штабов, заседающая в помещении, стены которого обшиты листовой сталью. За объединенным комитетом начальников штабов непосредственно следует высший круг генералов и адмиралов, управляющих огромными и сложными наземными, морскими и воздушными силами, а также системой экономических и политических связей, поддержание которых они считают необходимым, и аппаратами информации и пропаганды.

Глава IX. Возвышение военщины

... Хотя генералы и адмиралы все больше и больше вторгаются в область экономики и политики, военное воспитание, под влиянием которого сформировались их характер и воззрения, не перестает в них сказываться. Но вместе с тем условия успешного продвижения по высоким ступеням их новых карьер стали иными. Внимательно присмотревшись к ним сегодня, можно заметить, что некоторые из них не так уж отличаются от заправил корпораций, как это можно было бы ожидать, а другие, скорее, смахивают на политических деятелей своеобразного типа, чем на военных деятелей того склада, который соответствует нашим обычным представлениям.

Процесс «политизации» высших военных кругов, развертывавшийся на протяжении последних 15 лет, представляет собой довольно сложный процесс. Как члены профессионального офицерского корпуса некоторые военные проявляют прочную заинтересованность – личную, цеховую, идеологическую – в расширении той

сферы жизни, где военная каста может играть главенствующую роль. Иные из них, как бюрократы, горят желанием расширить свою личную бюрократическую вотчину. Есть и такие власть имущие военные люди, которые энергично добиваются политического влияния, наслаждаясь проявлением власти как высокой самодовлеющей ценностью; одни из них обнаруживают это властолюбие с полной надменной откровенностью, другие – в очень тонкой форме. Но отнюдь не все военные исходят из таких побуждений. Типичному военному человеку не свойственно стремиться к политической власти; не существует, во всяком случае, надобности сводить все объяснение политического возвышения военщины к приписыванию ей подобных побуждений. Ибо возможны ситуации – и такие ситуации встречались, когда военщине (даже против ее желания) передается политическая (по своему основному характеру) власть в силу того, что гражданские власти оказываются несостоятельными; военщина сплошь и рядом служила, охотно или неохотно, гражданским деятелям в качестве орудия осуществления их политических целей.

С точки зрения партийного политика, хорошо вышколенный генерал или адмирал является превосходным орудием осуществления определенной политики, ибо при осторожном его использовании зачастую удастся поднять эту политику «над узкопартийным политиканством», то есть над политическими спорами, и перенести ее в область авторитарных решений, «где, – как говорил искушенный в политических материях Даллес, – выступая в поддержку кандидатуры генерала Эйзенхауэра, – на пост президента, требуются люди, способные «принимать серьезные решения».

С точки зрения политического администратора, использование военных на гражданских административных постах часто представляется целесообразным по той причине, что это люди, имеющие административный опыт и знания и в то же время не связанные открыто с какими-либо частными материальными интересами. Отсутствие настоящего профессионального корпуса гражданских чиновников, который готовил бы и поощрял людей, стремящихся к гражданской карьере, делает использование военных еще более соблазнительным.

Положение, следовательно, таково, что политические деятели не выполняют истинной своей задачи, заключающейся в выработке политической линии путем обсуждения и дискуссий, и обосновывают свои авторитарные решения ссылкой на опыт, якобы имеющийся у военных, а государственные администраторы не выполняют своей прямой обязанности по части создания профессиональных кадров государственного чиновничества. Банкротство гражданских элементов по обеим этим линиям ведет к возвышению профессиональных военных элементов. По этим именно причинам, больше чем по каким-либо другим, военная элита – члены которой назначаются на свои посты якобы не по партийным соображениям и не несут политической ответственности – была привлечена к участию в делах, относящихся к сфере высокой политики.

Как только военные вступают – охотно, неохотно, а подчас и сами того не ведая – на политическую арену, они, конечно, подвергаются критике; вокруг них возникают политические споры, и, подобно другим политическим деятелям, они становятся объектом нападок. Даже в тех случаях, когда их деятельность не носит явно выраженного политического характера, их критикуют с политических позиций. В Америке, где гражданские элементы всегда относились к военным с недоверием, последние всегда были подходящим объектом для политических поношений. Но теперь дело зашло гораздо дальше. В 1953 г. сенатор Маккартни, как указывал Хэнсон Болдуин, «пытался присвоить себе право командования армией и напал на офицеров, долго и честно прослуживших в армии, за то, что они... выполняли приказы своих законных начальников». Не имея на то никаких полномочий, он, таким образом, вторгся в сферу компетенций военной иерархии. Высокопоставленный военный деятель является свидетелем того, как подобные нападки фактически подрывают уважение общественности к государственному департаменту и деморализовали работников этого департамента, и он опасается, что военное ведомство окажется в таком же положении. Так как военный лидер вдобавок оказывает влияние на экономические дела, поскольку преобладающая часть бюджетных ассигнований приходится на долю военного ведомства, то он вполне может стать объектом нападок руководителей новых органов гражданской администрации, которые, правда, опираются на него, но

при случае могут и лягнуть, а также политических демагогов, всячески норовящих использовать его «ошибки» или придумать «ошибки», якобы совершенные им.

Когда политика вторгается в армию, армия вторгается в политику. Военный стал и становится политическим деятелем, с одной стороны, потому, что штатские не справляются со своими задачами, а с другой – потому, что штатские критикуют решения, принимаемые военными...

Глава X. Политический директорат

...Руководящие политические деятели не образуют собой единственный психологический тип. Они не могут быть выделены из массы людей других профессий и изучены по признаку какого-то стандартного комплекса побуждений. Подобно людям, подвигающимся в других областях, политические деятели, крупные и мелкие, иногда избирают своей профессией политику из-за любви к этой отрасли деятельности: их привлекают политические кампании, закулисные комбинации, чиновно-бюрократическая служба. Чаще всего это поприще привлекает их тем общественным почетом, которого они могут добиться здесь в случае успешной карьеры; в самом деле, стремление к власти ради власти (очень сложный комплекс побуждений!) обычно включает в себя предвосхищение престижа, которое приносит обладание властью. В редких случаях их привлекают деньги, получаемые ими как государственными чиновниками.

Единственное общее определение, которое мы вправе дать «политическому деятелю», состоит в том, что это человек, который более или менее регулярно играет известную роль в политических институтах и считает эту роль, по меньшей мере, одним из своих основных видов деятельности. И так как в Соединенных Штатах имеется два основных типа политических институтов, то мы, следовательно, имеем здесь два основных типа «политических деятелей».

Карьера партийного политического деятеля делается в рамках особой политической организации: такой политик является партийным работником. Наряду с ним существует другой тип профессионального политического деятеля, карьера которого начинается в административных органах правительственного аппарата и кото-

рый становится «политическим деятелем» в той мере, в какой ему удастся возвыситься над служилой чиновничьей средой и проникнуть в круги, делающие политику. Если говорить о чистом типе данной группы политических деятелей, то это человек, работавший в прошлом в качестве чиновника.

Профессиональные политики, подвизающиеся в нынешних правительственных кругах, – это, как правило, политики, прошедшие школу партийной работы, и политики, выдвинувшиеся из чиновно-бюрократической среды; и те, и другие являются профессионалами – хотя бы в том смысле, что их деятельность протекает главным образом в политической сфере. Но не все люди, делающие политику, являются профессиональными политиками, то есть не все они прошли школу партийно-политической работы или школу чиновно-бюрократической службы в государственном аппарате. И в самом деле: среди нынешней политической верхушки мы встречаем весьма мало политиков, выдвинувшихся из чиновников, и довольно мало людей из партийно-политической сферы, по сравнению с людьми, пришедшими в политику из других сфер деятельности.

Политический «аутсайдер» – это человек, который большую часть своей самодеятельной жизни провел вне чисто политических организаций и который – смотря по обстоятельствам – либо непреднамеренно вовлекается в них, либо сам пробивает себе туда дорогу, либо, наконец, попадает в сферу политики случайно и на короткое время. Его взгляды и духовный облик сформировались под влиянием жизненного опыта, не имевшего отношения к политике, его карьера и связи складывались в иных кругах, его душевный облик сформировался под влиянием других областей жизни и деятельности. И он действительно рассматривается обычно профессиональными политиками как эмиссар или агент, представляющий в правительственных сферах точку зрения тех или иных неправительственных кругов или групп. Отнюдь не следует думать, что политический аутсайдер – это фигура, встречающаяся только в периоды власти республиканской партии. В периоды власти демократической партии – это чаще всего человек, еще не достигший вершины своей деловой карьеры, стремящийся стать своим человеком в среде заправил корпораций, между тем как во времена гос-

подства республиканцев это, скорее, человек, уже принадлежащий к их среде и потому более уверенный в себе и тверже знающий, как будут истолкованы его решения теми людьми, с мнением которых следует считаться. Это значит, далее, что при республиканцах он может быть менее лицемерным.

Проработав много времени на административных постах, подобные аутсайдеры могут, конечно, стать опытными сановниками и связать, таким образом, свою карьеру и надежды с работой в правительственном аппарате. Они могут стать партийными политическими деятелями, постепенно добившись определенной роли в той или иной политической партии и найдя опору для своей власти и карьеры в своих партийных связях. Но ни тот, ни другой переход не является для них обязательным; они могут попросту проникнуть в узкий круг лиц, где они в качестве штатных консультантов или советников будут иметь прямой и интимный доступ к тем официальным руководителям государства, которым они обязаны обладаемой ими властью.

Существуют, конечно, и другие способы классификации людей, действующих в области политики, но надо сказать, что выделенные нами типы – партийный политический деятель, профессиональный чиновник и политический аутсайдер – вполне пригодны для того, чтобы разобраться в социальном складе и психологической окраске людей, воплощающих собой политическое лицо современной Америки.

В недрах американских политических институтов произошло перемещение центра инициативы и решений; он переместился из конгресса в исполнительные органы. Носители исполнительной государственной власти не только расширили в огромной степени свои функции и полномочия, но и превратились в силу, централизующую и использующую ту партию, которая приводит их к власти. В вопросах законодательства они захватили главную инициативу не только благодаря своему праву вето, но и с помощью своего штата экспертов и советников, к которому обращаются законодательные учреждения. Вот почему столкновение многообразных интересов и борьба за власть достигают своего высшего напряжения именно в высших органах исполнительной власти и в тех организациях, комиссиях и департаментах, которые представляют со-

бой их прямые ответвления, а не на открытой политической арене, как это бывало в прежние времена.

Эти структурные изменения политической пирамиды привели к тому, что всякого рода командные политические посты, учрежденные в новейшее время, превратились в позиции, за которые стоит бороться. Они способствовали также изменениям в характере карьеры того типа политического деятеля, который сейчас начинает делать политическую погоду. Они привели к тому, что человеку, делающему политическую карьеру, сейчас стало легче подняться непосредственно в верха, минуя, стало быть, стадию пребывания на арене местной политической жизни...

... Право принимать решения, относящиеся к прерогативам исполнительной власти, – решения, выносимые от имени Соединенных Штатов Америки, – предоставлено ныне узкой группе людей. К этой группе в 50 с лишним человек, воплощающей в себе исполнительную государственную власть, относятся президент, вице-президент и члены кабинета, руководители важнейших департаментов, бюро, агентств и комиссий и члены административного секретариата президента, в том числе персонал Белого дома... Три главных, с точки зрения высокой политики, поста в стране: государственный секретарь, министр финансов и министр обороны...

Глава XII. Властвующая элита

... Говорят, что мы изучаем историю лишь для того, чтобы освободиться от нее. История властвующей элиты является наглядным примером правильности этого утверждения. После Второй мировой войны развитие долговременных тенденций, наметившихся в развитии политического строя Соединенных Штатов, равно как и темпы изменений американской жизни вообще, значительно ускорилось. Вместе с тем формирование нынешнего облика властвующей элиты и специфического исторического содержания пятой эпохи ее существования совершалось также под воздействием сравнительно новых тенденций, наметившихся как внутри каждого из главенствующих социальных институтов, так и в сфере их взаимных отношений.

I. Если говорить о политических явлениях, обусловивших особенности нынешней властвующей элиты, то их следует искать в закате старой системы управления страной, базировавшейся на не-

поддельном и публичном обсуждении спорных проблем, на существовании партий, сознававших свою ответственность перед всей страной и проводивших последовательную политику, и на существовании независимых общественных организаций, связывавших низовые и средние звенья власти с выносящими решения верховными органами. Америка наших дней является в значительно большей мере формальной политической демократией, чем социальной демократией, причем даже пружины формальной политической демократии действуют в ней слабо.

В пятую эпоху существования элиты тенденция к более тесному и глубокому переплетению интересов бизнеса и государства, наблюдавшаяся в течение длительного времени, обозначилась еще яснее, чем раньше. Теперь их уже невозможно различать как отдельные сферы. Особенно решительный характер это сближение получило в исполнительных органах государства. Рост исполнительных органов государства с их ведомствами, контролирующими сложную экономику наших дней, не сводится попросту к «расширению функций государственной власти» как своего рода независимой бюрократии; в этом явлении сказалось возвышение заправил корпораций как политической силы выдающегося значения.

В период «нового курса» главари корпораций вступили в союз с официальными политическими руководителями государства; со времен Второй мировой войны они обрели над ними господство. Давно связанные с государством, они на сей раз полностью прибрали к рукам руководство экономикой, обслуживавшей войну, и руководство послевоенной экономикой. Приход главарей корпораций к политическому руководству ускорил давно наметившийся процесс низведения политического веса профессиональных политиков, заседающих в конгрессе, до политического веса людей, подвигающихся в средних звеньях власти.

II. Если говорить об особенностях властвующей элиты наших дней, связанных с ростом и милитаризацией государственного аппарата, то они явственно обнаруживаются в факте возвышения военщины. Военная знать стала решительным образом причастна к политике, а американское военное ведомство является ныне в значительной мере политической организацией. Постоянная якобы угроза войны усиливает позиции военщины и ее контроль над люд-

скими, материальными и денежными ресурсами и органами власти; все, в сущности, политические и экономические мероприятия рассматриваются в наше время под углом зрения милитаристских оценок действительности.

Высшая военная знать завоевала прочные позиции в кругах властвующей элиты, переживающей ныне пятую эпоху своего исторического развития. Это было обусловлено, по меньшей мере, частично, простым, но кардинальным для периода, последовавшего за 1939 г., историческим фактом: основное внимание элиты переместилось из сферы внутренних проблем, вращавшихся в 30-х годах вокруг экономического краха, в сферу международных проблем, вращавшихся в 40-х и 50-х годах вокруг вопросов войны. В течение долгого исторического периода государственный аппарат США был нацелен на улаживание внутренних конфликтов и поддержание политического равновесия внутри страны. Он постоянно приспособлялся к выполнению этих функций, и именно эти функции определили его структуру. Вот почему он ни с какой точки зрения не обладал достаточно квалифицированными ведомствами и накопленным опытом, требуемыми для решения международных проблем. Механизм формальной демократии, создававшийся до 1941 г., в течение полутора столетнего развития страны не охватывал сферу регулирования международных отношений. Именно здесь, в этом вакууме, и получила в значительной степени свое первоначальное развитие властвующая элита.

III. Если говорить об экономических причинах, обусловивших особенности современной властвующей элиты, то они кроются в том факте, что современная экономика является перманентно военной экономикой, базирующейся вместе с тем на частнокапиталистических корпорациях. Американская капиталистическая экономика является ныне в значительной степени военно-капиталистической экономикой, и наиболее важные отношения между крупными корпорациями и государством покоятся на совпадении интересов военного ведомства и корпораций, определяемых военной знатью и богачами из мира корпораций. Это совпадение интересов высших военных руководителей и главарей корпораций усиливает позиции обеих этих групп внутри властвующей элиты в целом и еще больше снижает относительное влияние той ее части,

которая представлена профессиональными политиками. Не политики, а ведущие администраторы корпораций обсуждают и планируют вместе с военщиной вопросы подготовки к войне.

Мы сможем правильно понять характер и значение властвующей ныне элиты лишь в том случае, если учтем результат совместного действия описанных нами трех коренных тенденций. Он выражается в том, что военно-капиталистическая экономика, базирующаяся на частнокапиталистических корпорациях, существует в условиях ослабленной и всего лишь формальной демократической системы, включающей в себя военную иерархию, воззрения и поведение которой уже носят вполне выраженную политическую окраску. Особенности властвующей элиты, возглавляющей эту систему, были, следовательно, порождены: совпадением интересов тех групп, которые контролируют основные средства производства, и тех групп, которые контролируют увеличившиеся за последнее время средства насилия; падением влияния профессиональных политических деятелей и приходом главарей корпораций и профессиональных военных руководителей к открытому политическому руководству страной; отсутствием подлинно профессионального корпуса государственных чиновников, обладающих надлежащей квалификацией, чувством профессиональной чести и не находящихся под влиянием частнокапиталистических интересов.

Властвующая элита объединяет в себе людей, подвизающихся в разных сферах: политической, экономической и военной. При таком, однако, составе в ней зачастую возникают трения; она выступает сплоченно лишь в некоторых областях, где позиции этих кругов смыкаются, и только лишь при известных «кризисных» ситуациях...

...Лидирующая роль той или иной прослойки зависит от «задач данного периода», определяемых самой элитой. В данное время эти задачи связаны преимущественно с «обороной» и международными делами. В соответствии с этим военщина, как мы видели, занимает господствующее положение и занимает его в двояком отношении: в смысле выдающегося политического веса отдельных военных лидеров и как носительница идеологии, оправдывающей нынешнюю политическую линию. Вот почему при характеристике основ единства и современных особенностей властвующей элиты мы можем в

данное время совершенно свободно исходить из господствующего положения, занимаемого в ней военщиной.

... Единство властвующей элиты, как мы ее понимаем, покоится также на сходстве входящих в нее лиц, на их личных и служебных связях, на их социальной и психологической близости. Для того, чтобы постичь индивидуальные и социальные основы единства властвующей элиты, нам нужно прежде всего вспомнить обстоятельства, связанные с происхождением, карьерой и образом жизни представителей каждого круга, входящего в ее состав.

Властвующая элита – это не аристократия, о которой можно было бы сказать, что она является такой правящей политической группой, единство которой базируется на благородном происхождении. Она не имеет компактной основы в виде небольшого круга родовитых семейств, члены которых были бы в состоянии последовательно занимать (и действительно занимали бы) высокое положение в нескольких высших кругах, смыкающихся между собой и образующих таким образом властвующую элиту. Но общее аристократическое происхождение – это лишь одна из возможных основ общности происхождения, и отсутствие у американской элиты именно этой основы не означает еще, что ее члены являются выходцами из всех слоев американского общества. В преобладающей части они происходят из высших классов как новой, так и старой формации, из провинциальных светских кругов и из прослойки «четырехсот семейств» центральных городов...

...Люди эти – коренные американцы, преимущественно городского происхождения, появившиеся на свет от коренных же американцев. Если не считать попадающихся среди них профессиональных политических деятелей, то в подавляющем своем большинстве они выходцы из восточных штатов. Большею частью это протестанты и преимущественно епископального или пресвитерианского толка....

...Важную роль в формировании психологической и социальной общности членов властвующей элиты играет, однако, не только сходство социального происхождения, вероисповедания, месторождения и образования. Если б даже она рекрутировалась из людей более разнородного склада и образовательного ценза, чем это имеет место в действительности, то она все равно представляла бы собой

сообщество людей совершенно однородного социального типа. Ибо наиболее важные обстоятельства, объединяющие известный круг людей, – это существующие у них критерии, которыми они руководствуются при допуске в свою среду, в вопросах чести, при определении того, что заслуживает похвалы и поощрения. Если у людей данного круга эти критерии одинаковы, то как личности они обнаружат тенденцию походить друг на друга. Круги, составляющие властвующую элиту, обнаруживают именно такую общность оценок и моральных норм. Понимание общности социальных групп, вызываемой этими общими взглядами на жизнь, зачастую имеет более важное значение, чем любые статистические данные об общности происхождения и карьер, которыми мы можем располагать. Существует своего рода взаимное притяжение, наблюдающееся в сообществах преуспевающих людей; оно существует не между всеми представителями высокопоставленных и могущественных кругов, но все же между столь солидной их частью, что оно достаточно для того, чтобы обеспечить определенное единство. Самой слабой формой проявления этого чувства является своего рода молчаливое взаимное любованье, самой сильной – браки, заключаемые между людьми одного и того же круга. Между этими двумя крайними точками располагаются всевозможные степени и формы взаимных связей. В некоторой степени таких людей, безусловно, объединяет и принадлежность к одним и тем же тесным кружкам, клубам и церквам и воспитание, полученное в одних и тех же учебных заведениях.

Если общность социального происхождения, воспитания и образования способствует лучшему взаимопониманию и доверию между членами властвующей элиты, то их непрерывное взаимное общение еще больше укрепляет у них чувство единства. Представители отдельных высших кругов находятся между собой в приятельских отношениях, а порой даже являются соседями; они встречаются на площадках для гольфа, в фешенебельных клубах, на курортах, в трансконтинентальных самолетах и на океанских лайнерах. Они видят друг друга в имениях общих знакомых, вместе выступают перед телевизионной камерой или сотрудничают в одном и том же благотворительном комитете; многие из них, конечно,

попадают друг другу на глаза на столбцах газет или же в тех самых светских барах, где писались эти столбцы...

... Каждая группа из состава высших кругов умножает свой общий престиж за счет престижа, приобретаемого ее членами в этих различных сферах деятельности, и увеличение общественного веса одних ее членов повышает общественный вес других. Их представление о себе формируется под воздействием этой механики взаимообмена и накопления престижа; и потому любой из них, какой бы скромной ни казалась порой его личная роль, все же чувствует себя «рупором» или «олицетворением» высших кругов – человеком «крупного калибра»...

...Нигде в Америке мы не встретим столь резко выраженного «классового самосознания», как среди элиты; нигде оно не приобретает столь действенную форму, как среди властвующей элиты. Ибо под классовым самосознанием как психологическим явлением мы подразумеваем, что отдельный представитель «класса» относится благосклонно лишь к тем, к кому относятся благосклонно люди его круга, то есть люди, мнение которых имеет существенное значение для его представления о самом себе...

...Значительная доля людей, принадлежащих к верхушке военных, деловых и политических кругов, занимала в течение последних пятнадцати лет разные посты в одной или даже двух смежных иерархиях. В этих высших сферах наблюдается, таким образом, некая взаимозаменяемость людей на ведущих ролях, которая в официальных версиях связывается с предполагаемой гибкостью «организаторского дарования», а по существу, связана с тесным сотрудничеством между кликами, состоящими из «своих» людей. Многие лица из состава властвующей элиты, переходящие из одной иерархии в другую, стали рассматривать «правительство» как удобную ширму, за которой они могут творить свои дела. По мере возрастания взаимных деловых связей «большой тройки» усиливается и обмен людьми между ними. Этот факт находит свое выражение в самом критерии отбора подающих надежды людей, применяемом во всех трех сферах...

...Единство элиты, обнаруживающееся в факте взаимозаменяемости ее членов на ведущих ролях, имеет своей основой аналогичный характер развития управленческих функций во всех трех ве-

дущих сферах. Обмен людьми между одной иерархией и другой чаще всего происходит в тех пунктах, где их интересы смыкаются, как это происходит, например, между регулирующим органом и регулируемой отраслью промышленности, между подрядной организацией и организацией-заказчиком. И это вызывает...новые связи, которые носят более открытый и даже официальный характер. Ядро властвующей элиты состоит прежде всего из тех людей, которые свободно переходят от командных ролей в верхах одной из господствующих иерархий к подобным же ролям в другой иерархии: это, скажем, адмирал, являющийся также банкиром и юристом и возглавляющий вдобавок некую важную федеральную комиссию; это руководитель корпорации, являвшейся во время войны одним из двух или трех крупнейших производителей военных материалов, занимающий ныне пост министра обороны; это генерал военного времени, сменивший после войны мундир на штатский костюм, чтобы войти в состав официальных руководителей государства, а затем ставший членом совета директоров одной из ведущих корпораций. Руководитель корпорации, превратившийся в генерала, генерал, превратившийся в государственного деятеля, государственный деятель, превратившийся в банкира, – все они, несомненно, обладают гораздо более широким кругозором, чем рядовые люди, вращающиеся в своем обычном окружении; и все же стремления и чаяния даже таких людей нередко бывают привязаны к главной сфере их жизнедеятельности...

Т. Дай, Х. Зиглер. Демократия для элиты. Введение в американскую политику

В 1970 г. в США была опубликована и разошлась тиражом 200 тыс. экземпляров книга Томаса Дая и Хармона Зиглера «Ирония демократии (Необычное введение в американскую политику)». Т. Дай – профессор университета штата Флорида и Х. Зиглер – профессор Орегонского университета, пользовались известностью и авторитетом в академических кругах Америки, но их совместная книга подверглась многочисленным нападкам, осуждалась за скептицизм и радикализм авторской позиции. Авторы подняли спор с концепцией плюрализма групп интересов, назвав ее «компромиссной демократией», и отстаивали концепцию «демократического элитаризма». Рожде-

ние этого труда было спровоцировано нарастающей тогда концентрацией власти в руках монополистической верхушки. Не отказываясь от либерально-демократических ценностей, авторы «Иронии демократии» нашли отличия современной модели элит от классической, традиционной. Сегодня эти американские ученые достойно занимают положение основоположников неоэлитизма.

Глава 1. Ирония демократии

Америкой правят элиты, а не массы. В век индустриального развития, науки и атома управление в демократическом государстве, как и в авторитарном, находится в руках горстки людей. Ученые, политологи и социологи, несмотря на различия в подходе к исследованию власти в Америке, едины во мнении, выраженном американским политологом Робертом Далем, что «ключевые политические, экономические и социальные решения принимаются крошечным меньшинством».

Элита – это те немногие, кто обладает властью. Массы – это большинство, у которого ее нет. Власть – это возможность участвовать в распределении материальных благ в обществе. Американский исследователь Гарольд Лассвелл пишет: «Разделение общества на элиту и массу универсально» и даже при демократии «немногие пользуются относительно большей долей власти, а большинство — сравнительно малой».

Честолюбивые и талантливые люди из массы имеют некоторые возможности примкнуть к элите и, наоборот, доступ в нее может быть закрыт для всех, кроме высокопоставленных представителей монополий, финансовых, военных, чиновничьих и правительственных кругов. Элиты могут конкурировать и не конкурировать между собой; находиться в согласии друг с другом или расходиться в подходе к тому или иному аспекту внутренней и внешней политики; составлять пирамиду, на вершине которой находится группа людей, пользующихся властью; представлять собой многочисленные группировки, разделяющие власть и принимающие ключевые решения по различным проблемам и в разных областях. Элиты могут учитывать требования масс. Но думают ли элиты об общественном благе или преследуют собственные цели, открыт ли в них доступ или закрыт, конкурируют ли они между собой или ищут согласия, пирамидальна ли их структура или плюралистична?

Демократия – правление «народа», но сохранение демократии возложено на плечи элит. В этом заключается ирония демократии: элиты должны мудро править, чтобы правление «народа» выжило.

Хотя символы американской политики основываются на демократии, ее реальность может быть лучше понята с точки зрения элитарной теории. Вопросы этой теории очень важны для политики. Кто правит Америкой? Какова роль элит и масс в американской политике? Каким образом люди достигают власти? Каково взаимоотношение между политической и экономической властью? Насколько открыты и доступны американские элиты? Каким образом меняются американские элиты с течением времени? Насколько обширна доля причастности граждан к власти в Америке? Велико ли соперничество элит в реальности? Что служит основой согласия элит? Как различаются массы и элиты? Каково влияние масс на решения, принимаемые элитами? Как приспосабливаются элиты к массовым движениям?

Данная книга представляет собой попытку показать американскую политику при помощи элитарной теории. Факты американской истории и современная социальная наука системно объединяются, чтобы ответить на центральные вопросы, поставленные элитарной теорией. Но прежде чем обратиться к исследованию американской политической жизни, важно понять значение элитаризма, демократии и плюрализма.

Сущность элитаризма. Центральным постулатом элитаризма является положение о том, что общества всех типов по своей внутренней структуре делятся на два класса: немногих, кто правит, и многих, кем правят. Итальянский политолог Гаэтано Моска выразил это основное понятие следующим образом: «Во всех обществах – от крайне неразвитых и широко освоивших лишь зачаточные формы цивилизации и до самых передовых и могущественных – прослеживаются два класса людей – класс, который управляет, и класс, которым управляют. Первый класс, всегда малочисленный, исполняет политические функции, монополизирует власть и пользуется теми преимуществами, которые она дает, тогда как второй, многочисленный класс, направляется и контролируется первым таким способом, который иногда более или менее узаконен, а иногда

более или менее произволен и насильствен». Моска считает неизбежным, что элиты, а не массы, правят любым обществом. Элиты не являются продуктом индустриального или технологического путей развития. Всякое общество – аграрное или индустриальное, основанное на традициях или на передовых достижениях, – управляется элитами. Каждому обществу требуются руководители, а руководители делают ставку на сохранение определенной организации и своего положения в ней. Элита, таким образом, неизбежно появляется в любой социальной организации. По мнению французского политолога Роберта Михельса^{*}, «тот, кто говорит «организация», говорит «олигархия». По Гарольду Лассвеллу, «открытие, что во всех крупных обществах решения в каждый данный момент, как правило, находятся в руках незначительного числа людей», подтверждает основополагающий факт: «Правительство всегда есть правительство немногих, независимо от того, правит ли оно от имени немногих, одного или многих».

Элитаризм утверждает также, что те немногие, которые правят, не являются типичными представителями управляемых масс. Элиты в Америке состоят в подавляющей части из обеспеченных, получивших дорогое образование, имеющих престижную работу и занимающих видное общественное положение белых американцев, выходцев из англосаксонских и протестантских слоев общества. Элиты формируются из высших классов общества, из тех кругов, которые контролируют промышленность, торговлю, финансы, систему образования, армию, средства связи, общественные организации и правовые институты.

Элитаризм, однако, не означает, что отдельные лица из низших классов не могут достичь вершины; элитарная теория допускает возможность определенной социальной мобильности, позволяющей неэлитарным группам стать элитами. На деле некоторая «циркуляция элит» (движение вверх) является существенной гарантией стабильности элитарной системы. Открытая элитарная система отсеивает потенциальных революционно настроенных лидеров из низших классов и укрепляется, когда незаурядным и честолюбивым

^{*} Авторы допускают неточность. Роберт Михельс (1876 г., Кельн — 1936 г., Рим) — по происхождению немец, который в 1926 году принял итальянское гражданство. (*Прим. отв. ред.*).

людям позволяют примкнуть к правящим кругам. Тем не менее социальная стабильность требует, чтобы такое продвижение людей было, скорее, медленной продолжительной ассимиляцией, чем быстрым или радикальным изменением. Более того, только люди, не принадлежащие к элите, но доказавшие свою преданность элитарной системе как таковой и ее политическим и экономическим идеалам, могут быть допущены в правящий класс.

Элитам свойственно согласие (консенсус) в вопросе о фундаментальных нормах социальной системы. От этого согласия зависит стабильность системы и даже ее выживание. Так, американский государствовед Дэвид Трумэн считал, что, «будучи более влиятельными, они (элиты) находятся в привилегированном положении; будучи в привилегированном положении, они, за некоторыми исключениями, делают особую ставку на сохранение той системы, на которой зиждутся их привилегии». Согласие элит не означает, что у них никогда не бывает противоречий или что они никогда не конкурируют друг с другом в борьбе за превосходство; вряд ли когда-либо существовало общество, в котором элиты не соперничали бы между собой. Но элитаризм подразумевает, что соперничество происходит по очень узкому кругу проблем и что число вопросов, по которым элиты едины, намного больше того, где их взгляды расходятся. Расхождения обычно возникают, скорее, по поводу средств, а не целей. Согласие элит в Америке основано на признании неприкосновенности права частной собственности, ограниченной власти правительства и личной свободы. Ричард Хофстедтер, американский историк, пишет о борьбе элит в Америке: «Острота политической борьбы зачастую обманчива, потому что расхождения между главными соперниками в основных партиях всегда ограничены горизонтами собственности и предпринимательства. Какими бы разными ни были подходы к конкретным проблемам, последователи ведущих политических традиций всегда разделяли веру в право собственности, философию экономического индивидуализма, ценность конкуренции; они восприняли экономические достижения капиталистической культуры как необходимые качества человека».

Элитаризм подразумевает, что государственная политика не отражает требования «народа» в такой же степени, в какой она от-

ражает интересы элит. Перемены и новшества в государственной политике происходят тогда, когда элиты пересматривают свои собственные ценности. Тем не менее, обычный консерватизм элит, а именно их заинтересованность в сохранении системы, означает, что перемены в государственной политике будут, скорее, осуществлены изнутри, чем достигнуты радикальным путем. Государственная политика часто изменяется, но редко заменяется.

Коренные перемены в политической системе возникают, когда ей что-либо угрожает. Элиты, действуя в соответствии со своим просвещенным эгоизмом, учреждают реформы для того, чтобы сохранить систему и свое место в ней. Их мотивы продиктованы не обязательно стремлением к обеспечению собственных нужд; «общественные интересы» входят в число ценностей элит, а «благополучие масс» может быть важным фактором в процессе принятия ими решений. Элитаризм не означает, что государственная политика должна игнорировать благополучие масс или противостоять ему; он означает, что ответственность за благополучие населения возложена на элиты, а не на массы. Элиты манипулируют настроениями масс гораздо чаще, чем настроения масс влияют на ценности элит. Связь между элитами и массами осуществляется в основном сверху вниз. Правительственная политика в редких случаях определяется массами при помощи выборов или выдвижения политическими партиями альтернативных курсов. Чаще всего эти «демократические» институты — выборы и партии — имеют лишь символическую ценность: они помогают связывать массы с политической системой, предлагая им сыграть свою роль в день выборов, а также с той политической партией, с которой они могут себя отождествлять. Сторонники элитаризма убеждены, что массы могут в лучшем случае косвенно влиять на поведение элит в процессе принятия решений.

Элитаризм не означает, что обладающие властью постоянно находятся в конфликте с массами или что они всегда достигают своих целей за счет интересов общества. Элитаризм — это не заговор с целью подавления масс. Он не подразумевает, что властью владеет какая-то единственная, недоступная, монолитная организация или что носители власти всегда едины при решении проблем. Он не маскирует то обстоятельство, что власть в обществе со вре-

менем меняется и что могут возникать новые элиты, конкурируя со старыми. Элиты бывают более или менее монолитными и сплоченными либо более или менее плюралистичными и конкурирующими. Власть не сводится исключительно к контролю над экономикой; напротив, правление может обеспечиваться за счет других атрибутов власти – организации, средств связи или информации. Элитаризм не предполагает, что у масс нет никакого влияния на поведение элит, он только означает, что элиты влияют на массы больше, чем массы на элиты.

Элитарную теорию можно изложить следующим образом.

1. Общество делится на меньшинство, которое обладает властью, и большинство, у которого ее нет. Небольшое число людей распределяет материальные ценности в обществе; массы не определяют государственную политику.

2. Те немногие, кто управляет, не являются типичными представителями масс. Элиты формируются преимущественно из представителей высшего социально-экономического слоя общества.

3. Переход в элиту должен быть медленным и длительным, чтобы сохранить стабильность и избежать радикальных перемен. Только тот, кто принимает основные согласованные правила элиты, допускается в правящие круги.

4. Элиты едины в подходе к основным ценностям социальной системы и сохранению самой системы. Они расходятся в отношении лишь узкого круга вопросов.

5. Государственная политика отражает не требования масс, а господствующие интересы элиты. Перемены в государственной политике осуществляются чаще изнутри, чем революционным путем.

6. Правящие элиты подвержены сравнительно слабому прямому влиянию со стороны равнодушной части граждан.

Сущность демократии. «В идеальном варианте демократия означает участие личности в принятии решений, отражающихся на ее жизнедеятельности. Суть демократии как образа жизни может быть объяснена необходимостью участия каждого взрослого человека в создании ценностей, которые регулируют совместную жизнь людей», – писал американский философ Джон Дьюи.

В соответствии с традиционной теорией демократии народное участие расценивалось как возможность для индивидуального самосовершенствования: ответственность за руководство собственным поведением развивает характер личности, уверенность в себе, интеллект, способность к суждению на основе моральных оценок, одним словом, – достоинство личности. Даже если бы «благожелательный деспот» мог править, исходя из общественных интересов, такая личность была бы отвергнута сторонниками классической демократии. Английский философ и социолог Джон С. Милль вопрошал: «Какое развитие может получить их мышление или их активная способность действовать в условиях демократии?» Довод в пользу участия граждан в государственных делах основан не на результатах политики, а на вере в то, что такое участие необходимо для полного развития человеческих способностей. Милль доказывал, что люди познают истину, когда открывают ее для себя.

Практически народное участие по форме осуществляется согласно воле большинства и с учетом прав меньшинства. Самосовершенствование означает самоуправление, а самоуправление может осуществляться только путем воодушевления каждого человека на внесение своего вклада в развитие политики государства. Меньшинство, которое имело возможность повлиять на политику, но чьи взгляды не получили поддержки большинства, принимает решение последнего. В свою очередь, большинство предоставляет меньшинству возможность открыто добиваться поддержки своих взглядов. Свобода слова и печати, свобода инакомыслия, свобода создания оппозиционных партий и организаций необходимы для осуществления самовыражения личности. Такие свободы позволяют также удостовериться в истинных взглядах большинства.

Подспудная ценность демократии заключается, таким образом, в человеческом достоинстве. Человек создан для жизни, свободы и владения собственностью. «Естественное право», или моральный принцип, гарантирует каждому человеку свободу и право на собственность; и это «естественное право» морально выше человеческого права. Джон Локк, английский философ, чьи сочинения оказали наибольшее влияние на элиты, стоявшие у истоков политической системы США, доказывал, что даже в «природном состоянии» (т.е. в мире, где нет правительств) отдельное существо обладает неотъ-

емлемыми правами на жизнь, свободу и собственность. Локк имел в виду, что эти права не предоставляются правительством и не зависят от него; ни одно правительство не может на законном основании отнять их.

Локк считал, что целью правительства должна быть защита личной свободы. Люди заключают «общественный договор» друг с другом, учреждая правительство для оказания помощи в защите их прав, свободы и собственности. «Общественный договор» и демократическое понятие о свободе подразумевают веру в то, что деятельность правительства и общественный контроль над личностью должны сводиться к минимуму. Эта вера требует снятия всяких внешних ограничений, контроля и предписаний для личности, которая не посягает на свободу других граждан.

Поскольку правительство создается с общего согласия управляемых для защиты личной свободы, из этого логически следует, что оно не может нарушать те права, для защиты которых поставлено. Его полномочия ограничены. Локк считал, что крайнее средство защиты человеческого достоинства от злоупотреблений правительства – право на революцию. По Локку, как только правительство нарушает «естественные права» управляемых, оно теряет право на власть, доверенную ему по «общественному договору».

Вера в равенство людей – другой жизненно важный аспект классической демократии. Декларация независимости устанавливает, что «все люди созданы равными». «Отцы-основатели» также были убеждены в равенстве всех людей перед законом, независимо от социального и материального положения, убеждений и расы. Многие демократы издавна верили и в политическое равенство, выражающееся в принципе «один человек – один голос».

Со временем понятие «равенство» стало включать в себя равенство возможностей во всех областях жизни: экономической, социальной и политической. Роланд Пеннок, американский ученый, пишет: «Цель равенства состоит не просто в признании определенного достоинства в человеке как таковом. Она также заключается в том, чтобы дать ему возможность – равную гарантированной другим – отстаивать его интересы и развивать способности и личность».

Итак, понятие «равенство возможностей» было расширено за пределы политической жизни и распространено на образование, занятость, жилье, отдых и общественные блага. Каждая личность имеет равную возможность развивать индивидуальные способности до естественных пределов.

Вспомним, однако, что традиционное демократическое кредо всегда подчеркивало равенство возможностей на образование, состояние и положение, а не абсолютное равенство. Один из «отцов-основателей» США Томас Джефферсон признавал «естественную аристократию», основанную на таланте, честолюбии и трудолюбии; и либеральные демократы со времен Джефферсона всегда признавали неравенство, вытекающее из индивидуальных качеств. Абсолютное равенство, или «уравнивание», не является составной частью либеральной демократической мысли.

В целом демократическое мышление включает следующие идеи:

1. Участие народа в принятии решений, регулирующих жизнь людей в обществе.

2. Признание прав большинства граждан на создание правительства. Это право включает свободу слова, печати, собраний и петиций, а также свободу на инакомыслие, создание оппозиционных партий и выдвижение своей кандидатуры на выборную государственную должность.

3. Приверженность человеческому достоинству и сохранению свободы и собственности.

4. Приверженность принципу равенства возможностей для всех людей с целью развития их способностей.

Сущность плюрализма. Политическая мысль Америки подчеркивает участие граждан в принятии решений, принцип правления согласно воле большинства, необходимость защиты меньшинств, личных прав и равенства возможностей. Тем не менее ни ученый, ни публицист, каким бы оптимизмом они ни обладали, не станут утверждать, что эти условия уже полностью реализованы в американской политической системе. Нельзя утверждать, что граждане участвуют в принятии всех решений, которые регулируют их жизнь, или что большинству всегда отдается предпочтение. Нельзя

также доказать, что права меньшинства всегда находятся под защитой, или свобода и собственность никогда не приносятся в жертву, или каждый американец имеет равную возможность влиять на государственную политику.

Однако современные сторонники плюрализма стремятся подтвердить, что американское общество демократично.

Плюрализм, следовательно, представляет собой убеждение, что демократические институты можно сохранить в системе многочисленных конкурирующих элит, которые определяют государственную политику посредством сделок и компромиссов, когда избиратели выражают свои предпочтения на выборах, а новые элиты способны добиться доступа к власти.

Различие между плюрализмом и демократией. Плюрализм, однако, даже если бы он точно описывал американское общество, не равнозначен классической демократии. Прежде всего, плюралистический подход к принятию решений путем взаимодействия элит — это отнюдь не то же самое, что демократический идеал прямого участия гражданина в принятии решений. Сторонники плюрализма признают, что в сложном урбанистическом, индустриальном обществе индивидуальное участие в процессе принятия решений невозможно. Оно неизбежно уступает место взаимодействию — сделке, посредничеству и компромиссу руководителей институтов и организаций в обществе. Люди представлены в политической системе лишь постольку, поскольку они являются членами институтов и организаций, руководители которых принимают участие в определении политики. Правительство подотчетно не отдельным гражданам, а руководителям институтов, организованных лоббистских групп и политических партий. Главными действующими лицами являются руководители корпораций и финансовых институтов, избранные и назначенные правительственные служащие, высшие слои военного и гражданского чиновничества, а также руководители крупных профсоюзов, сельскохозяйственных и профессиональных ассоциаций.

Однако принятие решения путем взаимодействия элит, независимо от того, обеспечивает оно защиту личности или нет, не способствует росту и развитию человека. С этой точки зрения совре-

менный плюрализм крайне отличается от классической демократии. Последняя подчеркивает первостепенную важность личного совершенствования, которое является результатом активного участия в принятии решений, влияющих на жизнь отдельного человека.

Плюрализм подчеркивает, что власть в обществе разделена, и на поведение элит влияют общественное мнение и выборы. Но это разделение власти не равнозначно демократическому идеалу политического равенства. Кто же правит в Америке, по мнению плюралистов? Как считает американский политолог Арон Вилдавски, это делают «различные небольшие группы заинтересованных и активных граждан в разных ключевых областях при некотором вмешательстве, если такое вообще происходит, официальных лиц, а также при редком вмешательстве значительного числа людей во время голосования. Это не правление народа. Хотя влияние граждан ощущается в позиции руководителей, которые предвидят их реакцию, процесс принятия решений находится в руках руководителей – элит. Как считают плюралисты, государственную политику в Америке формируют многочисленные элиты – каждая в сфере своих интересов.

Традиционная теория демократии рассматривает государственную политику как рациональный выбор политических возможностей со стороны лиц, обладающих одинаковым влиянием, которые оценивают свои нужды и достигают решения при надлежащем учете прав других людей. Согласно традиционной теории, государственная политика не выступает как продукт взаимодействия элит или давления групп, имеющих общие интересы. На деле такие группы и даже политические партии рассматривались теоретиками классической демократии как незаконно вторгающиеся в систему политических взаимоотношений частных лиц.

Существует еще несколько моментов, мешающих признанию плюрализма в качестве законного наследника теории классической демократии. Во-первых, может ли плюрализм гарантировать, что принадлежность к организациям и институтам является действительно эффективной формой индивидуального участия в формировании политики? Роберт Престус, американский социолог, утверждает, что организации и институты, на которые полагаются

плюралисты, «становятся олигархическими и сковывающими по мере того, как они монополизуют доступ к правительственной власти и ограничивают индивидуальное участие». Американский политолог Генри Кариел пишет: «Добровольные организации или ассоциации, с помощью которых ранние теоретики плюрализма рассчитывали поддерживать личность против сплоченного всемогущего правительства, сами превратились в управляемые олигархиями иерархии». Люди могут быть силой организации в численном отношении, но какое влияние оказывает на руководство каждый из них? Корпорации, союзы, армии, церкви, правительственная бюрократия или профессиональные ассоциации редко обладают каким-нибудь внутренним демократическим механизмом. Ими обычно руководит узкая элита должностных лиц и активистов. Руководство корпораций, банков, профсоюзов, церквей, университетов, медицинских и юридических ассоциаций год за годом неизменно остается у власти. Лишь незначительное количество людей посещают собрания, голосуют на выборах в организации или дают знать о своем влиянии внутри нее. Плюралисты едва ли смогут доказать, что огромные организации и институты в американской жизни на деле представляют взгляды или интересы своих отдельных членов.

Кроме того, можно ли в рамках плюрализма действительно утверждать, что достоинство человека защищено конкуренцией элит? Поскольку плюрализм утверждает, что различные группы руководителей принимают решения в разных важных областях, почему мы должны принимать как должное тот факт, что эти руководители соперничают друг с другом? Вероятнее всего допустить, что каждая группа руководителей позволяет другим группам руководителей править в собственных сферах влияния без всякого вмешательства. Преобладающим элементом взаимодействия элит может быть, скорее, приспособление, чем соперничество, ибо «рука руку моет».

Плюрализм отвечает на это, что власть разных институтов и организаций в обществе может быть приблизительно сбалансирована и что возникновение монополии власти маловероятно.

Плюрализм утверждает также, что при политическом соперничестве окончательная победа чьих-либо интересов недостижима. И все же неравенство власти среди институтов и организаций являет-

ся обычным явлением. Примеры того, как узкие организованные группы добиваются своих целей за счет более широкой неорганизованной общественности, довольно многочисленны. Кроме этого, интересы предпринимателей, объединенных экономическими узами, обычно доминируют над менее организованными группами потребителей и группами, основанными на внеэкономических интересах. У плюралистов нет доказательств, что политическая конкуренция может предотвратить монополию или олигополию* в сфере политической власти.

И наконец, сторонники плюрализма должны объяснить, каким образом частные, неправительственные элиты могут быть подотчетны народу. Правительственные элиты подотчетны народу благодаря выборам, но как этого добиться в отношении корпоративных элит, руководства профсоюзов и других типов руководства организациями? Плюрализм обычно ловко избегает ответа на этот вопрос, сосредоточивая основное внимание на процессе принятия решений на государственном, правительственно-элитарном уровне и игнорируя данный процесс на частном, неправительственно-элитарном уровне. Плюралисты концентрируют внимание на правилах и предписаниях правительства, но, разумеется, жизнь граждан также подвержена весьма важному воздействию тех решений, которые принимаются частными институтами и организациями, включая корпорации, банки, университеты, медицинские ассоциации и газеты. При идеальной демократии люди участвовали бы в принятии всех решений, которые серьезно затрагивают их жизнь; плюрализм же в значительной мере исключает участие граждан в принятии многих важных решений, утверждая, что эти решения являются «частными» по своей природе и не должны быть подотчетны общественности.

* Олигополия (от греч. *oligos* — немногий и *poleo* — продаю) — термин буржуазного обществоведения, обозначающий одну из форм господства монополий, когда несколько крупных конкурирующих фирм монополизуют производство и сбыт основной массы продукции в отрасли. Авторы используют этот термин в данном случае для обозначения господства нескольких (немногих) группировок в политической сфере. Тем самым этот термин сближается по значению с олигархией (греч. *oligarchia*), т. е. режимом, при котором политическая власть принадлежит узкой группе наиболее богатых лиц. (Прим. отв. ред.)

Таким образом, плюрализм отличается от теории классической демократии следующим:

1. Решения достигаются взаимодействием элит — заключением сделок, посредничеством, компромиссами — в большей мере, чем за счет индивидуального участия граждан.

2. Основными политическими деятелями чаще являются руководители институтов и организаций, чем отдельные граждане.

3. Власть разделена между различными группами, однако при этом они не обладают равным политическим влиянием.

4. Власть распределена между правительственными и неправительственными институтами и организациями, но эти институты и организации обычно управляются, скорее, олигархией, нежели их членами на демократической основе.

5. Институты и организации разделяют власть; предполагается, что они соперничают между собой, но нет уверенности в том, что эта конкуренция гарантирует политическое равенство или охраняет человеческое достоинство.

6. Предполагается, что правительственные элиты подотчетны массам, благодаря выборам, однако многие важные решения, затрагивающие жизнь людей, принимаются частными элитами, которые прямо не подотчетны массам.

При попытке установить различия между плюрализмом и элитаризмом часто возникает путаница. Плюралисты говорят, что система, которую они описывают, является подтверждением теории демократии в современном урбанизированном индустриальном обществе. Они предлагают плюрализм как «практическое решение» проблемы достижения демократических идеалов в большой, сложной социальной системе, где прямое участие отдельного человека в принятии решений просто невозможно. Однако многие критики плюрализма утверждают, что он является скрытой формой элитаризма, что плюралисты ближе к элитаристской, чем к демократической позиции, которую они почитают. Так, американский политолог Питер Бахрах описывает плюрализм как «демократический элитаризм»: «Вплоть до совсем недавнего времени теории демократии и элитаризма рассматривались как несовпадающие и противоречащие друг другу. В то время как в чистом виде их считали противоречащими друг другу, в современной политической мысли

существует, я полагаю, сильная, если не доминирующая, тенденция включать основные элитарные принципы в теорию демократии. В результате появляется новая теория, которую я бы назвал демократическим элитаризмом».

Что угрожает демократии?

Угроза со стороны масс. Теория демократии предполагает, что основополагающие ценности — личное достоинство, равенство возможностей, право на инакомыслие, свобода слова и печати, религиозная терпимость, надлежащая правовая процедура — лучше всего обеспечиваются за счет расширения участия масс в политике. Исторически массы, а не элиты, считались хранителями свободы. Например, в XVIII и XIX веках угроза тирании исходила от продажных монархий и разлагающейся церкви. Однако в XX веке именно массы стали наиболее восприимчивы к соблазнам тоталитаризма*.

Элиты в Америке занимают ведущие посты в правительстве, промышленности, сфере образования и гражданских учреждениях. Они хорошо образованны и политически активны — оказывают большую поддержку основным ценностям демократии и «правилам игры», чем массы**. И именно потому, что массы откликаются на идеи и действия демократично мыслящих элит, либеральные ценности сохраняются. Подводя итог социологическим исследованиям поведения масс в условиях американской демократии, Питер Бахрах писал: «Широко распространенная приверженность общества фундаментальным нормам, лежащим в основе демократического процесса, рассматривалась теоретиками классической демократии в качестве неотъемлемого элемента выживания демократии... Сегодня же социологи склонны отвергать эту точку зрения. Они посту-

* Тоталитаризм (от позднелат. *totalis* — весь, целый, полный) — одна из форм авторитарного буржуазного государства, характеризующаяся полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества. Этим же термином обозначается направление буржуазной политической мысли, оправдывающее этатизм и авторитаризм.

** Авторы идеализируют степень «демократичности» правящих верхов США. Американская буржуазия защищает институты и идеи демократии лишь в той их части, которая обеспечивает классовое господство буржуазии и ее привилегии (прежде всего «святое право частной собственности»). Политическая действительность наряду с этим не подтверждает тезис авторов об «антидемократизме» масс. (Прим. отв. ред.).

пают так не только из-за сомнений в приверженности «неэлит» свободе, но также и потому, что растет убежденность, что «неэлиты» по большей части вдохновляются в политических вопросах элитами. Эмпирический вывод о том, что поведение масс обычно является реакцией на позицию, предложения и образ действий политических элит, дополнительно подтверждает точку зрения, что ответственность за сохранение «правил игры» лежит на плечах элит, а не народа».

Угроза со стороны элит. Элиты больше, чем массы, преданы ценностям демократии, но и они часто отказываются от этих ценностей в кризисные периоды и обращаются к репрессиям.

Активность масс и репрессии элит нередко сочетаются, создавая многочисленные угрозы демократии. Активность масс – бунты, демонстрации, экстремизм, насилие — возбуждает страх и чувство опасности у элит, которые отвечают ограничением свободы и усилением мер безопасности. Инакомыслия не терпят, пресса подвергается цензуре, ограничивается свобода слова, представители потенциальных контрэлит попадают в тюрьмы, а полиция и силы безопасности укрепляются во имя «национальной безопасности» или «закона и порядка». Элиты сами себя убеждают, что эти шаги необходимы для сохранения либеральных демократических ценностей. Ирония заключается в том, что, пытаясь сохранить демократию, элиты превращают общество в менее демократичное.

Как показывают некоторые примечательные события в американской истории, репрессивное поведение типично для тех элит, которые чувствуют угрозу в период кризисов. Согласно законам об иностранцах и мятеже (1798 год), принятым во время президентства Джона Адамса, были закрыты джефферсоновские газеты, а их редакторы посажены в тюрьмы. Президент Авраам Линкольн отменил процессуальные гарантии и ввел военное положение во многих районах как на Юге, так и на Севере, где граждане сопротивлялись его усилиям сохранить союз штатов. «Красная паника» 1919 — 1920 годов вылилась в облавы на подозреваемых коммунистов при администрации Вудро Вильсона даже после того, как закончилась Первая мировая война. Во время Второй мировой войны администрация Рузвельта отправила тысячи американских семей японско-

го происхождения в лагеря для интернированных на Западном побережье. Во времена Трумэна и Эйзенхауэра подозреваемых коммунистов и «сочувствующих» им преследовали, увольняли с работы, заносили в «черные списки», сажали в тюрьмы. Более того, федеральные службы безопасности в течение длительного времени прибегали к подслушиванию телефонных разговоров, перлюстрации, услугам платных информаторов, слежке за подозреваемыми «подрывными элементами», внедрению в радикальные организации и «тайному проникновению» (берглэри)*. Рассмотрение деятельности Федерального бюро расследований, Центрального разведывательного управления, Национального агентства по безопасности и Службы внутреннего налогообложения подтверждает, что такая практика началась при правительстве Трумэна, Эйзенхауэра, Кеннеди, Джонсона и Никсона. Эти агентства часто пользовались незаконными методами наблюдения за антивоенными организациями, борцами за гражданские права и отдельными гражданами или группами лиц, хотя они и не подлежали уголовному преследованию в связи с каким-либо преступлением. Тактика тайных действий применялась с целью подрыва или дискредитации этих групп, а собранная незаконным образом информация передавалась другим правительственным учреждениям, президенту, промышленникам. ФБР предприняло специальные усилия, чтобы выставить напоказ личную жизнь Мартина Лютера Кинга, когда Роберт Ф. Кеннеди был министром юстиции.

Глава 2. «Отцы-основатели»: первая элита страны

«Отцы-основатели» — те 55 человек, которые написали Конституцию Соединенных Штатов и основали новое государство, действительно были исключительной элитой. ... Американская элита хотела занять достойное место на мировой арене и добиться влияния в международных делах...

* Берглэри (burglary) — взлом помещения, сейфа или любое противоправное проникновение в помещение с целью совершить там тяжкое преступление (фелонию) или кражу, даже если при этом само проникновение совершается без применения силы. Если берглэри сопровождается похищением имущества, последнее не учитывается как отдельное преступление. Перевод термина «burglary» просто как «кража со взломом» неточен, поскольку, согласно принятой в США правоприменяющей классификации, берглэри возможно и без взлома и без кражи. (Прим. отв. ред.).

55 человек, собравшиеся летом 1787 года для того, чтобы создать новое национальное правительство, быстро избрали Дж. Вашингтона — наиболее популярного человека среди них и на континенте — председателем конвента. Столь же быстро делегаты конвента пришли к решению, что их заседания должны происходить за закрытыми дверями и сохраняться в глубокой тайне. Это решение выполнялось неукоснительно. Ни близкие друзья, ни родственники делегатов не знали о содержании происходящих дискуссий. Очевидно, «отцы-основатели» понимали, что элиты наиболее эффективно ведут переговоры, достигают компромисса и принимают решения при наличии секретности.

Конвент пренебрег тем фактом, что конгресс уполномочил его лишь «пересмотреть» «Статьи конфедерации», и без особых колебаний приступил к созданию совершенно новой конституции. Столь дерзко могли действовать лишь люди, обладающие собственностью и положением, уверенные в своей власти и способностях. Следует рассмотреть более подробно, кто же входил в первую элиту страны.

Вашингтон и Франклин были широко известными деятелями, Джонсона, Ливингстона, Роберта Морриса, Дикинсона и Ратледжа также хорошо знали в Европе. Горхэм, Джерри, Шерман, Элсворт, Гамильтон, Миффлин, Вильсон, Мэдисон, Уайф, Уильямсон, Уитни и Мэсон пользовались популярностью на континенте, остальные являлись важнейшими фигурами в своих штатах....

Конституция как элитарный документ

Содержание конституции, равно как и опубликованные Гамильтоном, Мэдисоном и Джеймсом в «Федералисте» пояснения к ней, неопровержимо свидетельствуют о том, что американские элиты выиграли от принятия конституции как политически, так и экономически. Хотя принятие конституции пошло на пользу и элитарным, и неэлитарным слоям, т. е., иначе говоря, всем американцам, элиты выиграли больше. Отсюда естественно заключить, что содержащиеся в конституции преимущества послужили прямым побудительным мотивом для их деятельности в пользу конституции. В самом деле, если бы элиты не считали, что они получают существенные выгоды от принятия конституции, весьма сомнитель-

но, что этот документ вообще был бы написан, а соответствующая форма правления установлена. Анализ конституции убедительно свидетельствует о единстве взглядов элит.

Как писал Мэдисон в «Федералисте», «основной задачей современного законодательства является контроль над фракциями». Фракцией он называл группу лиц, объединенных общими интересами, которые противоположны интересам других лиц или общества в целом. Причины возникновения фракций заключаются в разнообразии человеческой натуры, «склонности к разным взглядам на религию, систему власти и многие другие проблемы, как в теории, так и на практике, приверженности к разным политическим лидерам, честолюбиво конкурирующим в борьбе за первенство и власть, или к другим выдающимся личностям, чья судьба представляет всеобщий интерес». В основе проблемы существования фракций лежит неравенство возможностей контроля над экономическими ресурсами. Согласно Мэдисону, «наиболее распространенной и постоянной причиной фракционности служит неравное распределение собственности. Ее обладатели и те, кто не имеет собственности, всегда имели разные социальные интересы. То же самое можно сказать о кредиторах и должниках. Интересы землевладельцев, промышленников, коммерсантов, банкиров, наряду с интересами других, более мелких групп, порождаются необходимостью развития цивилизованных народов и разделяют их на отдельные классы, движимые различными эмоциями и взглядами».

По мнению Мэдисона, лучшей защитой от массовых движений, которые могут угрожать праву собственности, является общенациональное правительство. При создании такого правительства, распространяющего свою власть на значительное число граждан и обширную территорию, «в большей степени учитывается разнообразие партий и интересов, соответственно становится менее вероятным, что у подавляющего большинства возникнут общие интересы, угрожающие правам других граждан. Если же такие общие интересы существуют, их выразителям будет намного труднее осознать собственную силу или приступить к совместным действиям».

Структура нового правительства страны строилась таким образом, чтобы не допустить возникновения фракционных проблем (тех, которые вызывают к жизни фракции). Мэдисон перечислил

их: «Склонность выпускать бумажные деньги, требование отмены долгов, равного распределения собственности или другие неуместные и недостойные проекты». Показательно, что Мэдисон упомянул именно те фракционные проблемы, которые угрожали господствующим экономическим элитам. Мэдисон защищал новую конституцию, надеясь, что ее республиканские и федеральные черты не позволят тенденциям, угрожающим собственности, подняться когда-либо на общенациональный уровень. Другими словами, «отцы-основатели» разработали для Америки такую систему правления, которая практически лишала массовые политические движения возможности угрожать институту собственности.

Глава 3. Люди наверху: распределение власти в Америке

Власть в Америке организационно сосредоточена в основных социальных институтах — в корпорациях и правительственных учреждениях, в системе образования и военных кругах, в религиозных и профсоюзных сферах. Высокие посты в основных институтах американского общества являются важной базой власти. Социолог Райт Миллс описывал отношения между руководством основных институтов общества и властью следующим образом: «Если мы отнимем у сотни самых могущественных людей Америки, у сотни самых состоятельных и у сотни самых знаменитых те должности, которые они сейчас занимают, их трудовые ресурсы, состоящие из мужчин и женщин, а также их деньги и средства массовой информации, которые постоянно держат их в фокусе, — они станут тогда бессильными, бедными и неизвестными. Ибо власть не исходит от человека. Принадлежность к слою состоятельных людей общества не влечет за собой концентрации богатства у одной личности. Известность никем не наследуется. Чтобы быть известным, богатым и иметь власть, необходимо иметь доступ к основным институтам общества, потому что именно положение людей определяет большей частью их шансы получить и удержать эти ценные и испытанные возможности».

В этой главе мы описываем людей, которые занимают высокое положение в основных частных и государственных институтах американского общества. Мы включаем сюда основные частные институты — в промышленности, финансовых и юридических кругах и других «неправительственных институтах», поскольку убеж-

дены в том, что они распределяют ценности внутри нашего общества, и они же влияют на жизнь всех американцев. Ранее мы определили члена элиты как субъекта, участвующего в принятии решений о распределении ценностей в обществе, а не просто участвующего в принятии решений в правительственном аппарате. Решения сталелитейных компаний поднять цены, военной промышленности – разработать новое оружие, банков – повысить или снизить процентные ставки, компаний по производству электротоваров — выбросить на рынок новую продукцию и одновременно решения средств массовой информации по поводу того, что является «новостями», а руководства школ и колледжей — о том, что необходимо преподавать, — все это влияет на жизнь американцев так же, как и правительственные решения. Более того, эти частные институты обладают значительной властью и ресурсами для навязывания своих решений.

Непринятие решений. Оно происходит в том случае, когда отдельные лица или институты ограничивают круг решений для того, чтобы исключить вопросы, мешающие деятельности утвердившихся элит. Возможность удерживать некоторые проблемы вне сферы политики — аспект власти не менее важный, чем принятие решений по тем вопросам, которые находятся на рассмотрении официальных лиц. Таким образом, в действительности существует два аспекта власти: принятие и непринятие решений. Власть означает не только решение определенных проблем, но также решение о том, каковы будут эти проблемы.

Непринятие решений происходит, когда: (1) влиятельные элиты прямо действуют с тем, чтобы исключить какую-либо проблему из сферы политики; (2) подчиненные предвидят негативную реакцию элит и поэтому игнорируют намерения и предложения, которые могли бы «вызвать беспорядки»; (3) лежащие в основе общества ценности и структура его учреждений препятствуют серьезному рассмотрению альтернативных программ и направлений политики.

При непринятии решений те, кто находится в верхних слоях общества, не нуждаются в открытом использовании своего могущества. Их ценности могут находить свое отображение, даже если

они лично не участвуют в принятии решений, в силу того, что подчиненные, которые ведут текущие дела в промышленности, финансовых и правительственных кругах и т. д., знают набор ценностей высокопоставленной элиты и осознают ее огромный потенциал власти. Эти подчиненные назначены на свои должности отчасти потому, что они отражают преобладающие ценности в своем мышлении и деятельности. Сознательно или бессознательно, но их решения отражают ценности тех, кто находится наверху.

Политическая система использует механизм власти также в том случае, когда ограничивает круг вопросов, которые должно решать общество, теми проблемами, которые относительно безвредны для элиты. Они облегчают воплощение в жизнь определенных ценностей одновременно с созданием препятствий для внедрения других ценностей. Мы уже знаем, например, что американская правительственная система была преднамеренно сконструирована таким образом, чтобы отвергать некоторые ценности и проблемы. Джеймс Мэдисон в 10-м номере «Федералиста» защищал структуру нового американского правительства, в частности, ее республиканские и федералистские особенности, на основании того, что она будет подавлять «фракционные проблемы». И Мэдисон тут же назвал эти проблемы, которых нужно избегать: «Склонность выпускать бумажные деньги, требование отмены долгов, равного распределения собственности или другие неуместные и недостойные проекты».

Интересно, что все те проблемы, которых Мэдисон предлагал избегать, заключали в себе угрозу господствующим экономическим интересам. В качестве примера рассмотрим ситуацию, возникающую вне сферы деятельности правительства: американские корпорации, назначая на посты членов правления владельцев крупных пакетов акций данной компании и распределяя пакеты акций среди верхушки управляющего персонала, стремятся стимулировать обеспечение доходов и безопасности капиталовложений при принятии управленческих решений. Структура американской корпорации удерживает ее от проведения политики, направленной и на достижение благосостояния общества за счет прибылей.

То обстоятельство, что организация общества предельно усиливает значение некоторых ценностей (частного предпринимательства, ограничения власти правительства, системы прибылей) одно-

временно с ограничением других ценностей (абсолютного равенства или «уравнивания», собственности правительства в отраслях промышленности), является важным аспектом американской политики. Он признавался даже «отцами-основателями» страны. Это еще один довод в пользу необходимости анализа основных институтов общества и тех, кто занимает в них высокое положение.

Правительственные элиты. Политики специализируются на подыскании должностей. Они знают, как баллотироваться на выборную должность, но могут не знать, как руководить правительством. Поэтому после победы на выборах мудрые политики обращаются к опытным исполнителям из элиты. И президенты-демократы, и президенты-республиканцы, в сущности, набирают на ключевые посты в своих администрациях представителей элиты одного и того же типа. Эти высокопоставленные чиновники — члены кабинета, советники президента, служащие министерств, послы по особым поручениям — часто являются людьми, которые ранее занимали важнейшие посты в частной промышленности, финансовых, юридических кругах, системе образования, сферах искусства, науки или в общественных, гражданских и благотворительных организациях. Они легко передвигаются на правительственные посты со своих мест в корпорациях, финансовых и правовых учреждениях и в системе образования. Часто они соглашаются на работу в правительстве, жертвуя своими доходами; некоторые предпринимают этот шаг из желания служить обществу.

На высоком уровне руководства в Америке явно наблюдается переплетение власти различных элит, однако трудно сказать, в какой мере это происходит. Сторонники плюралистской модели власти полагают, что такое переплетение незначительно, что различные группировки используют свою власть в разных областях американской жизни. Последователи элитарной модели власти, напротив, усматривают обширное переплетение власти, когда одна группировка обладает властью во многих областях американской жизни...

Пополнение элит: путь наверх. Как люди попадают наверх? Конечно, мы не можем составить полную картину процесса попол-

нения элит во всех секторах общества, однако попытаемся выяснить, рекрутируются ли люди в правительство из мира корпораций или для такого отбора существуют какие-либо отдельные и определенные каналы.

Биографические сведения о лицах, занимающих ведущие позиции в высокопоставленных институтах каждого сектора общества, показывают, что существуют разные пути к власти.

Оказывается, монополистический сектор поставляет большую часть тех, кто занимает высокие посты, только в сектор монополий (89,1 %). Из монополистического сектора общества только 37 % высокопоставленной элиты попадает в государственный сектор и лишь 16,6 % — в правительственные круги. Высокопоставленные деятели правительства состоят в основном из профессиональных юристов (56,1 %)); некоторые начали свою карьеру в самом правительстве (16,7 %) и в системе образования (10,6 %). Эти данные весьма существенны. Правительственные органы и занятия правом явно представляют собой независимые каналы для замещения важных постов. Высокое положение в мире монополий не является предпосылкой для высокого общественного положения.

Что мы знаем о тех, кто занимает руководящие посты в американском обществе? Большое число социологических исследований карьер тех, кто принимает политические решения, служащих федерального правительства, военных, управляющих компаний, постоянно указывает на то, что их карьеры не являются типичными. Это люди, получившие образование в престижных университетах, занимающие престижное положение, солидного возраста, богатые, белые, англосаксонского происхождения, высшего и среднего классов; среди них преобладают мужчины.

Возраст. Средний возраст всех руководителей корпораций (директоров и ведущих исполнителей) составляет шестьдесят один год. Руководители в фондах, правовой сфере, системе образования, общественных и культурных организациях немного старше, здесь средний возраст — шестьдесят четыре года. Важные должности в правительстве занимают люди несколько более молодые.

Пол. Среди руководства основных институтов Америки женская половина населения представлена крайне недостаточно. В мире монополий мужчины занимают почти все значительные посты. В последние годы только несколько женщин было допущено в советы директоров. То же самое происходит и в правительстве: лишь одна женщина входила в кабинет президента Джеральда Форда; три женщины попали в состав администрации Джимми Картера; две женщины занимали пост председателя постоянного комитета в палате представителей и в сенате конгресса США; ни одна женщина не была членом Верховного суда*, Совета экономических консультантов или правления Федеральной резервной системы. Женщин, занимающих высокие должности, можно найти лишь в сфере общественных организаций, культуры, образования и благотворительных фондов.

Расовый фактор. Из рассмотренных пяти тысяч постов в высокопоставленных учреждениях только два чернокожих американца входили в правительство: в ранге члена кабинета один входил в состав кабинета президента Форда, другая, Патриция Роберто Харрис, состояла в кабинете Картера. Кроме того, одним из чернокожих американцев, занимающих важный пост, был Т. Маршалл, член Верховного суда, бывший генеральный солиситор Соединенных Штатов и бывший директор Фонда юридической защиты и образования Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (НАСПЦН). Эндрю Янг, бывший конгрессмен из Атланты и давний помощник Мартина Лютера Кинга-младшего, был представителем США в Организации Объединенных Наций. Янг сидел в тюрьме вместе с Кингом в Бирмингеме, штат Алабама, в 1963 году и ранее состоял членом Конференции южного христианского руководства. Постоянный представитель США в ООН, однако, не является членом кабинета и играет в значительной степени лишь представительскую роль. Президент заменил Эндрю Янга другим чернокожим американцем, Дональдом Макгенри. Нам не удалось установить присутствия чернокожих где-либо еще на высоких должностях в промышленности, банковской системе, сфере

* В 1981 году, впервые в истории США, женщина, Сандра О'Коннор, была назначена членом Верховного суда (*Прим. отв. ред.*).

связи и обслуживания, страховых и юридических фирмах и других сферах общества, хотя возможно, что в наших исследованиях биографий кто-то и был пропущен. И все же с полной определенностью можно сказать, что чернокожих американцев на руководящих постах в Америке очень мало.

Образование. Почти все из американских руководителей закончили колледжи и свыше половины из них получили дипломы более высокой категории. Примерно 25,8 % имеют правовую степень и 23,8 % — научную и профессиональную степени. (Это относится только к защищенным степеням; множество почетных степеней не учитывалось.) Очевидно, что правительственные деятели чаще получают степени, чем руководители монополий.

Если попытаться кратко проанализировать характер образования людей, принадлежащих к элитам, то можно обнаружить, что около 18 % руководителей корпораций, 10 % правительственных деятелей посещали частные школы. Еще интереснее тот факт, что 11 % управляющих корпорациями и 6 % правительственных руководителей посещали одну из тридцати самых престижных начальных школ в Америке. Когда эти люди учились, из всех школьников США только 6 или 7 % посещали частные школы. Нужно ли говорить о том, что только ничтожно малая доля населения пользовалась преимуществами образования в престижных начальных школах? Впечатляет также и то, что 55 % руководящего состава корпораций и 44 % высокопоставленных чиновников правительства являются бывшими питомцами богатых и престижных высших учебных заведений: Гарвардского, Йельского, Чикагского, Стэнфордского, Колумбийского университетов, Массачусетского технологического института, Корнельского, Северозападного, Принстонского, им. Джонса Гопкинса, Пенсильванского, Дартмутского университетов. Элита в Америке состоит преимущественно из выпускников аристократических заведений «Плющевой лиги»^{*}.

Городское происхождение. Большинство из руководителей США — горожане. Люди из сельской местности чаще попадают в правительство, чем в руководство промышленными, финансовыми

^{*} Лига, включающая самые богатые и престижные частные университеты США.

и правовыми учреждениями, но тем не менее все равно занимают менее одной трети ключевых правительственных постов.

Социологические исследования указывают на то, что руководители монополий в большей мере принадлежат к высшим слоям общества, чем члены правительства. В правительственных кругах меньше людей из престижных начальных школ и университетов «Плющевой лиги», чем в монополистических и общественно-политических сферах. Другая тенденция заключается в том, что руководители в правительстве имеют более высокое профессиональное образование.

Консенсус элит: либеральный истеблишмент. Элиты в Америке одинаково смотрят на фундаментальные ценности частной собственности, ограниченной власти правительства, личной свободы, надлежащей правовой процедуры. Более того, со времен Рузвельта американские элиты в целом поддерживали либеральные социальные программы, включая социальное страхование, справедливые условия труда, пособия по безработице, прогрессивный подоходный налог, федеральную помощь в системе социального обеспечения, правительственное регулирование коммунальных услуг и антикризисную финансово-валютную политику. В наше время в сферу согласия элит входит также формальная приверженность принципу равных возможностей для черных американцев и желание покончить с прямой дискриминацией. И наконец, элиты также едины в стремлении осуществлять влияние на мировые дела, противостоять распространению коммунизма^{*}, сохранять сильную национальную оборону и защищать прозападные правительства от внутренних подрывных процессов и внешней агрессии. Преобладающая философия американской элиты является либеральной и ориентируется на учет государственных интересов; она стремится рассматривать благополучие других в качестве одного из аспектов собственного благополучия и использовать власть правительства для исправления сознательного вреда, нанесенного кому-либо. Это философия по принципу «noblesse oblige» — ответственности элиты за

* Таким образом, авторы характеризуют антикоммунистические настроения, преобладающие среди определенной части американских правящих кругов и находящие отражение, в частности, во внешней политике США. (Прим. отв. ред.).

благополучие бедных и угнетенных, в особенности чернокожих. Сегодняшняя либеральная элита верит, что она может изменить жизнь граждан (покончить с дискриминацией, уничтожить бедность и трущобы, обеспечить занятость, поднять моральный дух бедных, искоренить болезни, дать образование массам и внедрить доминирующие культурные ценности в сознание каждого).

Сторонники либеральной реформы в руководящей элите всегда были выходцами из высших классов Америки – чаще из кругов старинных семейств элиты, чем из среды нуворишей, самих себя создавших. Перед Гражданской войной лидеры аболиционистов вели свое происхождение из «старинных влиятельных северовосточных семейств» и явно отличались от новых лидеров — промышленников того времени. Позднее, когда дети и внуки суровых индивидуалистов эпохи промышленной революции унаследовали посты, дающие власть, они отвернулись от дарвинистской философии своих родителей и обратились к идеям «нового курса», учитывающим интересы общества. Поборниками либерализма были не представители рабочего класса, а такие люди, как Франклин Д. Рузвельт (Гротонская школа и Гарвард), Эдлай Стивенсон (школа Чоут и Принстон), Аверелл Гарриман (Гротонская школа и Йельский университет) и Джон Ф. Кеннеди (школа Чоут и Гарвард)...

Глава 8. Бюрократическая элита и государственная политика

Федеральное правительство насчитывает три миллиона гражданских служащих (для сравнения укажем, например, что в вооруженных силах страны – два миллиона человек). 98 % из трех миллионов федеральных служащих работают в исполнительных органах, остальные – в конгрессе или судах. Три миллиона чиновников рассеяны по всей стране. В действительности только около 12 % из них работают в столице, но собирательно мы определяем их как «вашингтонская бюрократия».

Термин «вашингтонская бюрократия» имеет отрицательный смысл. Бюрократия вообще характеризуется как волокита, перебивание бумажек, дублирование работы, потеря времени и неэффективность, обезличенность, невосприимчивость, безответственность и мелочное регулирование. Мы не возражаем против такого описания «вашингтонской бюрократии». Следует добавить, однако, что «вашингтонская бюрократия» стала главной основой власти в

американском обществе, независимой от конгресса, президента, судов и народа.

Власть в Америке постепенно переходит от тех, кто контролирует экономические и политические ресурсы страны, к тем, кто контролирует технику и знания. Мы не должны думать, что поскольку отряды правительственной бюрократии расточают средства, неэффективны, некомпетентны и безлики, постольку они являются беспомощными великанами и мало влияют на нашу жизнь. Напротив, правительственные чиновники вторгаются во все сферы современной жизни: в жилища, средства связи, сферу транспорта, окружающую среду, школы, на рабочие места и т. д.

«Безликая бюрократия» в действительности никому не подотчетна. Президент, конгресс и суды могут только в самых общих чертах ограничить ее власть. И конечно, «народ» не имеет непосредственной возможности изменять решения бюрократии. Даже президент, аппарат Белого дома, кабинет министров испытывают большие трудности в деле установления контроля над ней. Бюрократы контролируют информацию и технику, они почти неизменно пребывают на своих постах дольше, нежели их политические руководители. Естественно, что нередко бюрократы испытывают «определенное презрение» к своему руководству, так как политические лидеры не обладают информацией, техническими знаниями и опытом, которые есть у чиновничества.

Бюрократическая власть

Государственная политика – это деятельность правительственных учреждений и чиновников в соответствии с их официальными полномочиями. Эта деятельность организуется самими чиновниками, а не какими-либо избранными государственными деятелями и тем более не «народом».

Власть бюрократии усиливается с развитием техники и с возрастанием проблем, стоящих перед обществом. Современное общество не может управляться одним президентом и 535 членами конгресса, у которых не хватает знаний, времени и сил следить за огромным количеством проблем, связанных с ядерной энергией, защитой окружающей среды, профессиональной техникой безопасности, средствами связи, товарообменом, справедливым наймом на работу и сотнями других вопросов нашей жизни. Поэтому прези-

дент и конгресс создают бюрократию, выделяют для нее средства и наделяют ее полномочиями выработать конкретные правила, инструкции и указания. Президент и конгресс дают этим чиновникам лишь самые общие наставления. Реальное управление сосредоточено в руках Комиссии по ядерной энергии, Управления по охране окружающей среды, Администрации по охране здоровья и безопасности на производстве, Федеральной комиссии по связи, Федеральной комиссии авиации, Комиссии по межштатной торговле, Комиссии по обеспечению равных возможностей при найме на работу и т. п. (существует около двух тысяч правительственных агентств с нормотворческими полномочиями). Подсчитано, что эти отряды бюрократии выпускают по двадцать правил или инструкций на каждый закон, утвержденный конгрессом. Таким образом, право вершить политику переходит от президента и конгресса к бюрократической элите.

Почему возможность осуществления политики переходит к бюрократии?

1. Есть традиционное объяснение: конгресс и президент 'не имеют достаточно времени, знаний и сил для того, чтобы самим постигать детали осуществления политики. Сходное объяснение состоит в том, что увеличивающаяся сложность техники требует, чтобы технические эксперты («технократы») взяли на себя проведение в жизнь намерений конгресса и президента. Ни один чиновник не может в одиночку охватить весь комплекс проблем даже в одном крупном правительственном учреждении – от бюджета, закупок, кадров, отчетности, планирования, связей и организации до сложных ядерных установок, передачи энергии и т. д. Однако многие «безликие бюрократы» являются малыми частями более крупных организаций. Каждый бюрократ относительно немного знает о работе всей организации в целом. Узкая специализация этих людей, соединенная с узкой специализацией тысяч других чиновников, создает совокупную основу власти, которую политическим руководителям трудно контролировать.

Несколько лет назад экономист Джон Гэлбрейт описал «технократов», которые все сильнее господствуют при принятии решений в крупных частных корпорациях. Его описание справедливо и для характеристики правительственных «технократов»: «Существует

общее впечатление, которое не опровергают ученые, инженеры и предприниматели, что современные достижения в научной области, инженерии и промышленности являются результатом деятельности новой, совершенно особой расы людей. Это чистое тщеславие. Подлинное достижение современной науки и техники состоит в подборе обыкновенных людей, обучении их узкой и широкой специальности и в совместном использовании знаний и навыков этих и других специалистов, которые являются такими же обыкновенными людьми. Здесь можно обойтись без гениев».

2. Другая причина состоит в том, что конгресс и президент умышленно принимали весьма общие и расплывчатые законы. Эти законы принимались в основном по символическим мотивам — обеспечить ядерную безопасность, защиту окружающей среды, профессиональную безопасность, распределение радиовещательных каналов, гарантию безопасности полетов, предупредить конфликты между штатами, гарантировать «равные возможности при найме на работу и т. д.

Чиновники призваны действовать «под руководством» этих символических законов и решать, что в действительности необходимо сделать. Бюрократы должны наполнять смыслом эти символические меры. Нередко конгресс и президент не желают публично нести ответственность за непопулярную политику; гораздо легче обвинить во всем бюрократов и объявить, что непопулярная политика является результатом действий неуправляемой вашингтонской бюрократии. Такое объяснение позволяет вводить нормы, за которые избранные президент и конгресс не желают принимать на себя ответственность.

3. Наконец, бюрократия в настоящее время достаточно могущественна, чтобы принимать свои собственные законы, которые позволяют ведомствам увеличиваться в размерах, приобретать большую власть и получать больше средств. Бюрократия творит сама себя.

Организация вашингтонской бюрократии

Насколько велико «большое правительство»? В настоящее время в Америке насчитывается 80 тысяч самостоятельных органов правительственной власти, включая федеральные, в штатах и все

местные власти, а также управления школьными округами*. Эти органы правительства вместе тратят около 35 % валового национального продукта (ВНП), т. е. суммы стоимости всех товаров и услуг, производимых в стране. На одно федеральное правительство приходится около 22 % ВНП, а на другие власти — около 14 %. Оставшиеся 65 % ВНП падают на «частный сектор». Но большая часть частного сектора, если не вся, действует под государственным контролем.

Исполнительная власть американского правительства осуществляется в 13 министерствах, в 40 независимых исполнительных агентствах, действующих вне этих министерств, и в крупном Исполнительном управлении президента.

Административно-бюджетное управление (АБУ) — самое крупное ведомство в рамках Исполнительного управления президента. В его функции входит подготовка проекта государственного бюджета США для президента, который представляет этот проект в конгресс. Федеральное правительство не может расходовать деньги без одобрения конгресса и все просьбы об ассигнованиях должны пройти через АБУ, что дает управлению большую власть над исполнительными органами правительства. Так как все учреждения просят больше денег, чем они могут получить, первейшая обязанность АБУ — сокращение бюджетных запросов. Управление рассматривает, сокращает и одобряет представленные министерствами и агентствами сметы, которые, разумеется, в конечном итоге идут к президенту, а также постоянно анализирует организацию и деятельность исполнительных ведомств с тем, чтобы рекомендовать изменения, обеспечивающие эффективность и удешевление их деятельности. Так же как и члены аппарата Белого дома, высшие чиновники АБУ непосредственно подчиняются только президенту, они призваны в процессе принятия решений руководствоваться его целями и установленными им приоритетами.

Совет экономических консультантов, в соответствии с законом о занятости 1946 года, состоит из трех высокопоставленных профессионалов-экономистов, назначенных президентом с согласия

* Органы управления общественными школами, которые финансируются не из частных источников, а властями штатов, муниципалитетами и т. д. (Прим. отв. ред.).

сената. В функции совета входит анализ основных тенденций в экономике и представление рекомендаций президенту по вопросам финансовой и денежной политики, необходимых для того, чтобы избежать как кризисов, так и инфляции. Кроме того, совет подготавливает экономический отчет, который, в соответствии с вышеуказанным законом, должен ежегодно направляться на рассмотрение конгрессу. Экономический отчет вместе с ежегодным посланием о бюджете конгрессу дают президенту возможность широко оповещать об основных направлениях политики его администрации.

Совет национальной безопасности состоит из президента (председателя совета), вице-президента, государственного секретаря, министра обороны, директора Управления чрезвычайного планирования (небольшое ведомство в исполнительном аппарате). Председатель Объединенного комитета начальников штабов и директор Центрального разведывательного управления являются консультантами Совета национальной безопасности. Аппарат Совета возглавляется специальным помощником президента по вопросам национальной безопасности. Задача Совета — давать консультации президенту по вопросам политики обеспечения безопасности и координировать внешнюю, военную и внутреннюю политику. Однако президенты не полагаются исключительно на Совет национальной безопасности при определении основных направлений в области внешней и военной политики.

Члены кабинета министров США весьма могущественны, так как они возглавляют крупнейшие административные организации. Государственный секретарь, министр обороны, министр финансов, генеральный атторней и, в меньшей степени, главы других министерств являются широко известными людьми в Америке. Но кабинет в качестве совещательного органа при президенте едва ли определяет политику. Крайне редко «сильный» президент проводит заседание кабинета для принятия каких-либо важных решений. Гораздо чаще он заранее знает, чего хочет, и склонен проводить такие заседания кабинета, которые помогают ему навязать свою линию.

Бюрократическая политика и президентская власть

Политика власти в кругах чиновничества осуществляется по правилам, которые отличаются от политики в законодательных ор-

ганах или судах. Организованные отряды бюрократии заинтересованы в защите своих владений, причем профессиональные чиновники верят, что защита их интересов является жизненно важным фактором для процветания страны. Поэтому они маневрируют, чтобы защитить свои интересы от других служащих правительства, конгресса, прессы и даже президента.

Маневры бюрократии

Как могут бюрократы обойти президента? Приведем иллюстрацию, на которую часто ссылаются при характеристике бюрократических проволочек и уловок, когда речь идет о выполнении президентских решений: «Половина предложений президента, которые теоретически являются приказами, обязательными для всех, может быть благополучно «забыта» членом кабинета. В случае, если президент вторично спросит о судьбе своего предложения, ему могут ответить, что оно рассматривается. Если же он спрашивает в третий раз, мудрый министр выполнит лишь часть того, что было предложено президентом. Президент, однако, крайне редко спрашивает об одном и том же трижды», — пишет американский ученый Грэхэм Аллисон. Бюрократическое маневрирование может даже усложниться. Гальперин, бывший член аппарата Совета национальной безопасности при Киссинджере (Гальперин позже обвинил Киссинджера и других чиновников в прослушивании его телефона), описывает «десять заповедей» бюрократического арсенала. Они раскрывают власть бюрократии и горькую сущность бюрократической борьбы:

1) никогда не играйте в «политику» с безопасностью. Используйте, однако, свое собственное понимание политики для того, чтобы скрыть ту информацию от президента, которая идет вразрез с Вашими целями;

2) говорите президенту только то, что может его убедить в правильности Вашей собственной позиции. Избегайте давать ему «противоречивую» информацию. Изолируйте оппозицию, отстраняя ее от обсуждений;

3) представляйте Ваше собственное политическое предложение вместе с двумя другими заведомо бесплодными альтернативами, чтобы дать президенту иллюзию выбора;

4) если президент каким-то образом выберет «неверное» решение, требуйте «обширных полномочий» в связи с нежелательными обстоятельствами, которые, по Вашему мнению, обязательно возникнут;

5) всегда предсказывайте наихудшие последствия непринятия Вашего предложения, давая прогнозы ужасных событий, которые затем последуют;

6) если президент остановит свой выбор на Вашем предложении, предпринимайте незамедлительные действия. Если он выберет другое предложение, Вы можете в принципе согласиться, но возразить, что «сейчас для этого еще не пришло время»;

7) если оппозиция выглядит слишком сильной, организуйте наносящую ей урон «утечку информации» через своих сторонников в прессе или конгрессе и рассчитывайте на формирование «общественной оппозиции»;

8) полностью выполняйте распоряжения, которые являются результатом принятия рекомендованного Вами предложения. Препятствуйте или добивайтесь отсрочки всех остальных;

9) ограничивайте круг проблем, поступающих на рассмотрение президента. Подавайте только благоприятные для Вас материалы или такие, которые ему могут понравиться;

10) никогда не выступайте против предложений президента в такой категорической форме, чтобы потерять его доверие. Сдержите свои возражения до того дня, когда Вы сможете привести свои аргументы.

Бюрократы вовсе не считают «заповеди» циничными. Конечно же, следуя им, они могут этого и не осознавать. Ими часто руководит искренняя вера в то, что именно их собственные проекты и предложения лучше всего служат интересам страны.

Президентский контроль

В соответствии с конституцией президент осуществляет прямой контроль над бюрократией. Президент имеет официальное полномочие назначать всех министров, помощников и заместителей министров, а также большинство руководителей ведомств федерального правительства. Президент также имеет право проводить реорганизацию системы федеральной бюрократии, причем планы реорганизации подлежат утверждению конгрессом. Президент

осуществляет контроль над бюджетом. Административно-бюджетное управление работает в непосредственном подчинении президенту. Закон 1974 года о бюджете и контроле за удержанием средств признал давно возникшую практику отказов президента расходовать фонды на различные программы и проекты, даже если конгресс уже ассигновал эти средства. Однако теперь удержание средств президентом должно быть одобрено конгрессом.

Ограниченность президентской власти

Формальные полномочия президента по контролю над бюрократией основаны на его правах проводить назначения, реорганизацию чиновничества и разработку бюджета. Нам следует, однако, рассмотреть реальные ограничения всех этих трех полномочий.

Назначения. Хотя федеральная бюрократия состоит из трех миллионов служащих, президент в действительности назначает только 2500 человек. Около 600 из них могут принимать самостоятельные политические решения; остальные — второстепенные люди, замещаемые в порядке патронажа. Многие из них замещаются профессиональными чиновниками, так как к моменту назначения не были найдены квалифицированные политические кандидатуры. Многие политики-руководители вводятся в заблуждение искусственными профессиональными чиновниками в учреждениях. Бюрократы имеют навыки и опыт, которые позволяют им продолжать выполнение существующих программ при слабом контроле со стороны своих номинальных руководителей или вовсе без него. Многие политические лидеры «меняют веру»: они уступают давлению профессиональных бюрократов. Бывает так, что назначенный президентом политический деятель посылается в ведомство для осуществления контроля, но в конце концов становится проводником интересов этого ведомства. Поскольку большинство профессиональных бюрократов — демократы, президенту-республиканцу особенно трудно политически контролировать эту бюрократию. Никсон пытался справиться с этой проблемой за счет усиления влияния аппарата Белого дома; он передал контроль за выполнением большинства программ непосредственно в ведение аппарата Белого дома в ущерб главам министерств. Однако в результате канцелярия Белого дома сама превратилась в могущественную бюрокра-

тию, которая часто вступала в конфликт с министерствами и дублировала многие виды их деятельности. Наиболее серьезным для Никсона и страны оказалось то, что аппарат Белого дома, выступая «от имени президента», приобрел независимую от самого президента власть.

Реорганизация. Президент может проводить реорганизацию государственного аппарата, с тем, чтобы обеспечить подъем или спад активности правительства в соответствии с его собственным пониманием приоритетов. Однако эта практика обычно ограничивается принятием одной или двух ключевых президентских программ, а конгресс может отклонить их законодательным вето*. Так, например, для выполнения своего обязательства о расширении исследований по борьбе с раком президент Никсон создал Национальный онкологический институт и дал ему значительную независимость от головной организации – Государственной службы здравоохранения США. В 60-е годы президент Кеннеди создал Национальный совет по авиации и исследованию космического пространства как независимую организацию для выполнения своих обязательств в области программы освоения космоса. Президент Картер учредил новое Министерство образования для выполнения данного в ходе предвыборной кампании обещания об усилении внимания к вопросам образования, хотя созданию нового министерства весьма активно препятствовало ведомство, куда ранее входило соответствующее подразделение, — Министерство здравоохранения, образования и социального вспомоществования. Если же президент хотел ослабить деятельность какого-либо ведомства, например одиозной Администрации по охране здоровья и безопасности на производстве, это ведомство переводили в состав другого, менее благоприятного для него учреждения (в данном случае — Министерства торговли). Но реорганизация – довольно редкое явление. Ничто так сильно не повышает волевые качества бюрократов, как слух о реорганизации. Обычно президент прибегает к

* Согласно принятому в июне 1983 года решению Верховного суда по делу *INS v. CHADNA*, процедура законодательного вето была объявлена противоречащей конституции. По мнению американских специалистов, это означает, что до 200 соответствующих законодательных положений утратили свою силу.

реорганизации только для выполнения своих первостепенных задач.

Бюджет. Бюджетные полномочия в области контроля над бюрократией осуществляются в основном через Административно-бюджетное управление (АБУ). Директор управления является доверенным лицом президента, и АБУ должно быть связано с президентскими программами и установками, если вообще намечается какой-либо контроль над бюрократией. Но даже АБУ исходит из достигнутого (бюджет предыдущего года с учетом инфляции), и тем самым оно должно ограничиваться частичными мерами. Несмотря на исследования своих собственных экспертов, АБУ необходимо принимать во внимание бюджетную базу согласно разработкам большинства учреждений и учитывать прежде всего запросы по увеличению расходов. Президент и АБУ могут осуществлять реальный контроль приблизительно над 5 % федерального бюджета в год, что сильно ограничивает возможности президентской власти.

Любое ведомство, которое чувствует себя ущемленным президентским бюджетом, может довести этот факт до сведения тех заинтересованных групп, которые поддерживают его, или уведомить соответствующий подкомитет конгресса. Результатом такого «общественного протеста» может явиться восстановление президентом фонда этого ведомства. Конгресс и сам способен ассигновать средства сверх утвержденных, не обращаясь к президенту. Президент может примириться с растущими расходами в целях избежания очередного спора с конгрессом. Если президент решил не тратить средства, ассигнованные конгрессом (удержание), от него потребуют, в соответствии с законом 1974 года о бюджете и контроле за удержанием средств, сообщить об этом факте конгрессу. Конгресс должен одобрить удержание, или президент будет обязан, согласно закону, израсходовать эти деньги.

В Вашингтоне: правящий триумвират. Согласно традиционному представлению, политический процесс завершился, когда конгресс принимал закон, создавал исполнительное ведомство и ассигновал деньги для выполнения целей закона. Обычно считалось, что намерения конгресса будут осуществлены, поскольку полити-

ческое сражение уже закончено, и правительство может приступить к работе по «применению» закона.

Однако оказывается, что политические сражения не заканчиваются победой или поражением в конгрессе. Организованные заинтересованные группы не прекращают борьбу и возвращаются домой потому, что место сражения переносится с «политической» арены на «административную». Мы привыкли считать, что политические вопросы решаются президентом и конгрессом, а «административные» — бюрократией. Но на самом деле «политические» и «административные» вопросы отличаются не по содержанию, а по тому, кто их решает.

Если вопрос передан бюрократии, то он разрешается совместно тремя основными силами: исполнительным ведомством, подкомитетом конгресса, ответственным за его рассмотрение, и большинством заинтересованных групп, в основном тех, на которые прямо влияет исполнительное ведомство. Заинтересованные группы и чиновники устанавливают тесные связи с подкомитетами конгресса, которые должны следить за их деятельностью. Существуют долгосрочные взаимоотношения между ведомствами, подкомитетами конгресса и заинтересованными группами; в течение весьма длительного периода времени не меняется даже персональный состав лиц, участвующих в этих союзах, так как старшие члены конгресса продолжают постоянно работать в одних и тех же подкомитетах.

Американский политолог Кеннет Мейер отмечает: «Объединившись вместе, конгресс, заинтересованные группы и ведомственные управления имеют все необходимые ресурсы для удовлетворения нужд каждого. Управления снабжают услугами или товарами заинтересованные группы, но нуждаются в ассигнованиях. Подкомитеты конгресса снабжают управления финансовыми средствами, но нуждаются в поддержке на выборах и в политической поддержке. Заинтересованные группы обеспечивают политическую поддержку, в которой нуждаются члены конгресса, но сами при этом нуждаются в правительственных заказах и услугах для удовлетворения запросов своих членов. В результате складываются тройственные взаимоотношения, участники которых имеют все необходимые ресурсы, чтобы действовать независимо от политического процесса, если не происходит великий кризис».

Заметим, что отдельные части этого триумвирата не конкурируют друг с другом (как предполагают сторонники плюралистской идеологии). Вместо этого бюрократические ведомства, подкомитеты конгресса и заинтересованные группы сотрудничают между собой в осуществлении бюрократической политики.

Бюрократия принимает основные решения в области государственной политики. Сфера деятельности бюрократии шире, нежели просто детальная разработка политики конгресса, хотя, конечно, именно это и является одним из источников бюрократической власти. Чиновники осуществляют свой собственный политический курс: (1) предлагая конгрессу законопроекты для принятия; (2) устанавливая правила, предписания и руководства по осуществлению законов, принятых конгрессом (нормотворческая функция); (3) решая конкретные задачи по применению законов или правил (арбитражная функция). Чиновники принимают решения по самым различным важным вопросам: обеспечение безопасности ядерных энергетических установок; в какой степени государство будет использовать уголь вместо нефти в качестве источника энергии; в какой мере требования черных, женщин и национальных меньшинств должны учитываться в социальных программах; позволить ли оппозиционным политическим партиям и кандидатам выступать по телевидению с возражениями по поводу президентской речи или его ответов на пресс-конференции; в какой мере допускать конкуренцию между авиационными компаниями путем увеличения количества полетов и уменьшения стоимости билетов; допустимо ли для учреждения социального вспомоществования изучать архивы социального страхования с целью установления отцов — неплательщиков алиментов и принятия правовых мер по укреплению порядка в платежах.

Контроль за бюрократией: конгресс и суды. Решения чиновников могут быть отклонены конгрессом или судами, если возникнет значительная оппозиция в отношении бюрократической политики. Но такая оппозиция маловероятна, когда чиновники работают в тесном контакте с соответствующими подкомитетами конгресса и заинтересованными группами.

Методы контроля со стороны конгресса

Конгресс может сдерживать бюрократию следующим образом:

1) принимая законы, прямо изменяющие, регулирующие или ограничивающие деятельность бюрократии;

2) изменяя или угрожая изменить бюджеты исполнительных ведомств;

3) прибегая к специфическому праву вето на определенные действия чиновничества (некоторые нормы, предложенные агентствами, должны быть одобрены конгрессом до их вступления в законную силу, поэтому конгресс имеет определенный период времени для принятия решения, но если конгресс не принимает решения, то нормы вступают в силу);

4) проводя расследование, обычно во время слушаний по вопросам законодательства и ассигнований, что способствует передаче гласности непопулярных решений, норм или расходов исполнительных ведомств;

5) устанавливая прямые контакты между членами конгресса или их помощниками, секретариатами и бюрократией с целью выявления жалоб.

Однако конгрессу трудно использовать эти полномочия для эффективного контроля над бюрократией.

Прямые законодательные запреты. Рассмотрим роль прямых законодательных запретов для воздействия на налоговую политику. Американский налоговый кодекс, принятый конгрессом, составляет 1100 страниц, но Служба внутреннего налогообложения США (СВН) выпускает дополнительно 6000 страниц, интерпретирующих налоговый кодекс. Тем не менее случается, что иногда действия этой службы пресекаются конгрессом. В 1979 году Служба внутреннего налогообложения США постановила, что частные школы, которые не насчитывают определенного числа черных и представителей меньшинств, не должны считаться институтами образования, и им запрещается принимать свободные от налогообложения денежные пожертвования. Конгресс, обсудив это деликатное дело, отклонил решение СВН. Однако когда Федеральная торговая комиссия приказала покончить со всякой рекламой сигарет по телевидению, попытки конгресса отменить это распоряжение оказались

тщетными. В целом можно заключить, что конгресс редко пересматривает решения бюрократии.

Бюджетные изменения. Контроль конгресса над бюджетом не является таким сильным средством, как это может показаться. Свыше трех четвертей федеральных бюджетных расходов считаются «неподконтрольными» — это расходы, предписанные ранее принятым законодательством (например, на социальное страхование, медицинское обслуживание и помощь престарелым, социальное вспомоществование и выплату жалования гражданским чиновникам и военнослужащим), которые считаются обязательными. Более того, практика увеличения бюджета предполагает, что конгресс ежегодно рассматривает предложения об увеличении бюджетов ведомств, но он редко занимается рассмотрением ведомственных бюджетов, исходя из ассигнований предыдущего года. Даже те ведомства, которыми конгресс весьма недоволен, могут в худшем случае ожидать наказания в виде уменьшения или ликвидации лишь запрашиваемых ими надбавок к бюджету.

Право вето. Законодательное вето может быть применено только к ограниченному числу ведомственных решений. А так как конгресс каждый год занят прежде всего разработкой нового законодательства, то практически не остается времени для рассмотрения направленных к нему административных нормативных актов в порядке надзора. Фактически законодательное вето используется крайне редко.

Расследования. Чиновники, разумеется, не желают попадать в затруднительное положение на слушаниях в конгрессе. Никому не хочется быть в роли кавалера ордена «Золотого руна» сенатора У. Проксмайра, который регулярно объявляет для прессы, какие программы или проекты он считает самыми расточительными. Неясно, впрочем, насколько эффективно конгресс выполняет свои функции по расследованию и надзору за бюрократической политикой. Самые тщательные исследования показали, что функция надзора конгресса имеет небольшое влияние на политику чиновничества.

Жалобы. Жалобы конгрессу, обычно исходящие от избирателей, быстро переходят в руки исполнительных ведомств. Однако ведомства реагируют на эти жалобы в соответствии с существующими правилами и нормами. Чиновники не изменяют свои правила, чтобы удовлетворить членов конгресса или их избирателей. Единственное преимущество при передаче жалобы законодателем от чьего-либо имени состоит в том, что рассмотрение дела будет ускорено. Однако вмешательство конгресса в отдельные дела еще не означает установления контроля над бюрократической политикой.

Судебные ограничения. Федеральные суды осуществляют более непосредственный контроль над бюрократией, чем конгресс. Решения исполнительных ведомств могут быть обжалованы, как правило, в федеральных судах. Более того, федеральные суды могут выносить запреты (судебные предписания) о прекращении определенных видов деятельности исполнительных учреждений до вступления в законную силу их правил, норм, до реализации проектов или программ.

Судебный контроль над бюрократией, однако, ограничен несколькими факторами:

1) судебный надзор касается в основном процессуальных вопросов, а не содержания бюрократической политики;

2) само чиновничество вырабатывает такие сложные административные процедуры, которые должны дать гарантию в том, что его решения не будут отменены по процессуальным основаниям;

3) судебные процессы против бюрократических ведомств весьма дорогостоящи; чиновничество имеет армию адвокатов, оплачиваемых за счет налогоплательщиков, для того, чтобы противостоять любому, кто попытается привлечь его к суду;

4) затягивание рассмотрения дел в федеральных судах увеличивает число попыток оспаривания решений бюрократии и делает их более дорогостоящими.

Следует также отметить, что простые граждане редко добиваются успеха в судебных делах против бюрократии. Американские политологи Брэдли Кэннон и Майкл Гайлз указывают, что суды редко пересматривают решения федеральных регулирующих комиссий. Авторы особенно подчеркивают, что Федеральная ко-

миссия по энергетике и Федеральная комиссия по торговле выигрывают 91 % всех дел, передаваемых в Верховный суд, Национальное управление по трудовым отношениям — 75 % всех дел, Служба внутреннего налогообложения — 73 % всех дел. Лишь Служба иммиграции и натурализации имеет средний результат — 56 % выигранных дел.

Эта статистика свидетельствует, что ни конгресс, ни федеральные суды в действительности не осуществляют действенного контроля над бюрократией.

Бюрократическая элита

Какие люди представляют вашингтонскую бюрократию? Авторитетный Брукингский институт, изучив свыше тысячи служащих, занимавших высшие посты в федеральных учреждениях в течение пяти президентских администраций, установил, что 36 % этих федеральных служащих вышли из рядов самого правительства; 26 % были набраны из юридических фирм; 24 % пришли из бизнеса; 7 % — выходцы из других областей. Огромное большинство высших федеральных чиновников — это профессионалы. Большинство (63 %) высших федеральных служащих уже были федеральными служащими в момент их назначения на высокий пост; только 37 % не имели опыта работы в федеральных учреждениях в прошлом. Таким образом, федеральная бюрократия воспроизводит собственное руководство, и лишь немногие рекрутируются из сфер бизнеса и права.

Высшие федеральные чиновники набираются в основном из средних и высших слоев населения. Более 99 % высших федеральных чиновников получили высшее образование, 68 % имеют ученые степени (44 % — в юридической области: 17 % — магистры, 11 % — доктора наук, остальные — бакалавры права). Классовый состав высших чиновников также отражается в информации о том, какие школы и колледжи они окончили. Брукингский институт отмечает, что в престижных привилегированных учебных заведениях «Плющевой лиги», а также в Стэнфордском, Чикагском, Мичиганском университетах и Калифорнийском университете в Беркли обучалось свыше 40 % высших федеральных служащих; этот список возглавляют выпускники Йельского, Гарвардского и Принстонского университетов.

Республиканцы и демократы, назначенные на высшие руководящие посты, мало чем отличаются друг от друга. Верно, конечно, что президенты-демократы стараются назначить на высшие посты демократов, а президенты-республиканцы — республиканцев. Однако принципиальных различий у назначенных демократов и республиканцев в классовом происхождении, образовании, профессиональном опыте или характере предыдущей государственной службы не наблюдается.

Одна проблема действительно беспокоит верхушку федеральной бюрократии — это краткий срок пребывания в должностях. Средний срок пребывания на высшем посту самых высокопоставленных федеральных чиновников — только два года. Исключение составляют регулятивные комиссии, где руководители могут пребывать в должностях значительно дольше. Столь краткий срок пребывания на высших постах имеет очевидные недостатки. Чтобы глубоко изучить проблемы, программы, процедуры, технические вопросы и всех служащих крупного министерства или агентства, его руководителю требуется более года. Отставка через два года руководителя, вошедшего в курс дела, не обеспечивает поэтому постоянного и компетентного управления чиновничеством.

Путаница в регулировании

Вашингтонская бюрократия превратилась в регулировщика государственной экономики, защитника бизнеса от конкурентов; она охраняет американский народ от любой опасности, начиная от испорченных продуктов и кончая неустойчивыми стремянками. Федеральные регулирующие ведомства появились в 1889 году с созданием Комиссии по торговле между штатами для урегулирования оплаты проезда на железнодорожном транспорте. С тех пор были приняты тысячи законов, поправок, судебных постановлений и исполнительных приказов, которые расширили права регулятивных комиссий во всех аспектах нашей жизни. До принятия в 1978 году закона о ликвидации ограничений в работе авиационных компаний не было предпринято ни одной попытки дерегулирования*.

* Снятия или уменьшения введенных ранее федеральными органами власти норм регламентации.

Федеральная регулирующая бюрократия — это своего рода законодатели, следователи, обвинители, жюри и судьи одновременно. Они издают ежегодно тысячи страниц правил и нормативных актов; расследуют тысячи жалоб и проводят тысячи проверок; требуют от деловых кругов ежегодного представления сотен тысяч документов отчетности; проводят слушания, определяют «согласованность» и «несогласованность» действий; выпускают корректирующие распоряжения и налагают штрафы и взыскания. Большинство экономистов считают, что чрезмерное регулирование удорожает жизнь американцев (возможно на 100 - 200 млрд. долларов в год), препятствует нововведениям и росту производительности, мешает конкуренции в экономической области. Большинство регулятивных комиссий являются независимыми: они не подчиняются исполнительным министерствам, члены этих комиссий назначаются на длительные сроки президентом, который слабо контролирует их деятельность.

Назначение чиновников на должность

До недавнего времени регулятивные комиссии обеспечивали поддержку регулируемых отраслей промышленности и защиту интересов предпринимателей. Фактически большинство регулятивных комиссий стали представлять интересы не «народа», а тех отраслей, которые они призваны регулировать. Тесные связи между органами регулирования и их клиентами в лице промышленников основывались на общем источнике — знании сути дела. Члены комиссий обычно отбираются из тех отраслей производства, которые они призваны контролировать. Как отмечал Марвин Бернстайн, «экспертиза играет на руку регулируемым сферам». Регулятивные комиссии не только часто обращаются к регулируемым монополиям за информацией, но и набирают чиновников из подконтрольных отраслей. А после нескольких лет службы в правительстве «специалисты по регулированию» возвращаются на высокопоставленные должности в промышленность. Это явление известно как проблема «вращающихся дверей» (обеспечивающих одновременное движение в обоих направлениях) федерального регулирования.

Многие регулятивные комиссии привлекают в свой аппарат молодых адвокатов сразу же после окончания юридических учебных заведений. Если эти адвокаты хорошо себя проявят, им часто

предлагают гораздо более высокооплачиваемые посты в тех отраслях промышленности, которые они контролировали в составе комиссий. Таким образом, «лучшие и способнейшие» переманиваются предпринимателями для защиты интересов бизнеса от правительственного регулирования. И разумеется, эти люди уже знают все тонкости правительственного регулирования, а их подготовка оплачена за счет налогоплательщиков. Они рассматривают работу в федеральных регулирующих учреждениях как ступеньку к выгодной карьере в частной (регулируемой) отрасли промышленности.

Поддержка комиссий предпринимателями

Исторически регулятивные комиссии действовали только против наиболее своенравных монополий. Нападая на определенные компании, которые приносили всем монополиям в этой области дурную славу, комиссии в действительности помогали улучшить общественное мнение относительно монополий в целом. Комиссии предоставляли общественности символические гарантии надлежащего поведения монополий.

Ограничивая доступ в те или иные отрасли небольшим фирмам (прямо отказывая, например, в праве пользования дорогами и радиовещательными каналами, или, косвенно требуя за это право очень высокую плату), регулятивные комиссии подавляли конкуренцию. Это давало значительные преимущества уже действующим крупным монополиям, которые больше не опасались новых конкурентов, «сбивающих» цены.

С течением времени монополии сами стали приходить на помощь бюрократии, контролирующей их бизнес. Часто предложения уменьшить правительственный контроль — начать дерегулирование — встречали сильную оппозицию со стороны монополий. Предложения по дерегулированию железных дорог, грузовых автоперевозок между штатами и авиационных перевозок столкнулись со значительной оппозицией как со стороны регулирующих органов, так и со стороны регулируемых отраслей промышленности, которые действовали совместно. Таким образом, сами монополии положительно оценивают подобную регламентацию.

Новая бюрократия

В последнее время были созданы или расширили свою деятельность новые бюрократические аппараты, члены которых занимались вопросами, не относящимися к их компетенции. Более того, их юрисдикция распространяется не на какие-либо специфические отрасли промышленности, а на всю промышленность. Ряд красноречивых примеров характеризует деятельность Комиссии по равным правам при найме на работу (КРПНР), Администрации по вопросам техники безопасности и охраны здоровья (АТБ) и Агентства по защите окружающей среды (АОС). Проводимое этими организациями регулирование вызывает крайнее недовольство деловых кругов. Правила, выработанные Комиссией по равным правам при найме на работу для предотвращения дискриминации при найме на работу и продвижении («позитивные действия» с целью защиты меньшинств), весьма неуклюжи, а их проведение комиссией на практике носит почти хаотический характер. Многие представители деловых кругов считают, что служащие комиссии не способны понять проблемы производства или рынка рабочей силы. Это справедливо и в отношении Администрации по вопросам техники безопасности и охраны здоровья, издающей тысячи инструкций, внедрение которых стоит значительных средств и не приносит пользы производству. Агентство по защите окружающей среды вызывает недовольство тем, что редко считается со стоимостью применения своих правил для производителей и потребителей. Представители бизнеса заявляют, что агентство должно сопоставлять стоимость внедрения своих стандартов с той пользой, которую оно приносит делу охраны окружающей среды.

Кстати, полномочия этих ведомств (КРПНР, АТБ и АОС) затрагивают все области промышленности и торговли. Похоже, что эти ведомства не смогут когда-либо набраться «опыта», подобно Федеральной комиссии связи, Комиссии по торговле между штатами, Управлению гражданской авиации или другим регулирующим ведомствам в отдельных отраслях промышленности.

С другой стороны, возможно, что после нескольких лет взаимодействия между деловыми кругами и новыми регулируемыми органами конфликты пойдут на убыль и начнет преобладать сотрудничество.

Жалобы на исполнительные ведомства

Жалобы на «путаницу в регулировании» сводятся в основном к следующему:

1) растут издержки для деловых кругов и потребителей, связанные с исполнением многих инструкций, выпускаемых различными регулирующими ведомствами. Только регулирование по вопросам окружающей среды, возможно, весьма дорого обходится американцам, но эти издержки покрываются не за счет федерального бюджета, а оплачиваются непосредственно промышленниками и потребителями;

2) в результате чрезмерного регулирования задерживается внедрение новшеств и рост производительности. Новые исследования в области лекарственных препаратов сократились на 75 %, так как Администрация по контролю за качеством продуктов питания и лекарств требует многолетних испытаний. Большинство обозревателей полагают, что администрацией не был бы одобрен и аспирин, будь он сегодня предложен в качестве нового средства. Финансовые издержки и отсрочки в получении разрешения на новый продукт ведут к задержке внедрения новшеств;

3) ограничивается конкуренция, когда регулирующие органы вводят лицензии и ограничения для предпринимателей в данной области. Стоимость федеральной отчетности, бюрократическая волокита (проволочки) являются препятствием для мелких компаний;

4) существует тенденция к «захвату» монополиями тех исполнительных ведомств, которые призваны регулировать предпринимательство. Естественно, более старым регулирующим органам, которые контролируют только одну отрасль, легче быть «захваченными», чем новым, которым подотчетны многие отрасли промышленности и торговли;

5) обнаруживается неспособность регулирующих ведомств сбалансировать издержки по исполнению их инструкций с теми плюсами, которые, как предполагается, получает общество. Инструкция обычно выпускается без учета сопоставления издержек по ее исполнению с выгодой от него.

Однако лишь будущее покажет, приведет ли популярная ныне идея «дерегулирования» к значительному уменьшению власти Вашингтонской бюрократии.

Провал государственной политики

В течение многих лет в Америке либералы доказывали следующее: США используют большую часть бюджета для обороны; программы же по борьбе с бедностью, болезнями, помощи престарелым и национальным меньшинствам остаются недостаточными. Поэтому США следует «пересмотреть свои приоритеты» и тратить больше средств на социальные программы и меньше — на оборону. Либералы призывали к радикальной переоценке системы государственных приоритетов.

Радикальная переоценка произошла, однако никто, кажется, не обратил на это внимания. На самом деле успех переоценки лишь подчеркнул провал государственной политики...

...В связи с чем государственная политика потерпела крах в столь различных областях? Никто не может определенно ответить на этот вопрос, однако существует несколько возможных объяснений.

1. Государственные программы, связанные с техническими проблемами (например, создание атомной бомбы, полет человека на Луну) были более успешными, чем программы, призванные изменить положение масс (например, покончить с бедностью и преступностью). Это говорит о том, что государственная политика, затрагивающая лишь небольшие слои высших и средних классов (например, ученых, инженеров и технократов), проводится более успешно, чем политика, охватывающая большие массы низших классов и бедняков. Иными словами, правительство более успешно мобилизует элиту, нежели широкие массы.

2. Политика, разработанная элитами высшего и среднего классов, слабо отражает нужды и стремления масс, которые являются объектом этой политики. Элиты разрабатывают для масс программы обучения, профессиональной подготовки, продвижения вверх, строительства жилых домов, предупреждения преступности и др., однако массы не разделяют взглядов элит относительно этих вопросов.

3. Нередко сами массы приспосабливаются к государственной политике таким образом, что она становится бесполезной. Например, когда в больших городах школам было приказано покончить с сегрегацией, множество белых семей с детьми выехало из городов в пригородные школьные округа или стало отдавать своих детей в

частные, религиозные школы. Государственные школы в крупных городах оказались переполненными черными детьми, и результатом попыток десегрегации стало еще большее усиление расовой изоляции. Другой пример. В настоящее время многие программы в области вспомоществования включают положение о «поощрении работы», которое требует от получателей пособий поиска работы. Для того чтобы выполнить это требование, получатели помощи регистрируются как «безработные» в управлении штата по вопросам занятости. Этот механизм расширил ряды «безработных» и увеличил показатель безработицы, поэтому правительство пытается ввести в действие новую программу по ее сокращению.

4. Потребности и элиты и масс всегда превышают возможности правительства. Прогресс в различных областях политики может привести к нереальным расчетам на удовлетворение государством потребностей масс. Например, в общественных школах не было проблемы отсева учащихся до 60-х годов, когда большинство юношей и девушек стали оканчивать средние школы. До Первой мировой войны, когда редко встречались окончившие средние школы, не было никаких упоминаний о проблеме отсева. Другой пример — из области «войны с бедностью» в 60-х годах, которая не началась до тех пор, пока пропорция «бедных» в стране не упала до 12 % населения. Перед Второй мировой войной «бедняки» составляли почти 40 % населения.

5. Решение некоторых проблем может потребовать принятия программ, которые являются для населения более дорогостоящими, нежели сами проблемы. Элиты могут заявить о своем желании решить эти проблемы, но в действительности они не готовы нести огромные издержки на их решение. Фактически было бы нерационально тратить на решение проблемы больше средств, чем обходится сама проблема. Множество вопросов, связанных с защитой окружающей среды, включают, например, учет всех плюсов и минусов обеспечения чистоты воздуха и воды, с одной стороны, и расходов по устранению причин загрязнения, с другой стороны. Снижение загрязнения воздуха на первые 90 %, возможно, оправдывает установку устройств по снижению токсичности выхлопных газов на автомашинах, дымовых фильтров, использование топлива с низким содержанием серы и другие меры, но, чтобы избавить нас

от последних 10 % загрязнения воздуха, потребуется, вероятно, ликвидация целых отраслей и переход от частных автомобилей к общественному транспорту.

6. И элиты и массы переоценивают возможности правительства. Некоторые социальные проблемы, какие бы усилия ни предпринимались, не могут быть решены... Отдельные преступления, видимо, никогда не предотвратить, независимо от структуры уголовной юстиции; некоторые люди вернутся на путь преступления после «лечения», «наказания», «перевоспитания» или любых других мер по отношению к осужденным. Иными словами, правительство просто не знает, как решить определенные проблемы.

Тесты, практические задания, вопросы для самоконтроля

К главе 1. Тест. Найдите правильный ответ

1. *Какое суждение наиболее адекватно отражает сущность теории элит:*

- а) власть в обществе должна принадлежать народу;
- б) общество закономерно делится на правящее меньшинство и управляемое большинство;
- в) человеческую историю движет классовая борьба;
- г) любая форма принудительной власти должна быть заменена свободной и добровольной ассоциацией граждан.

2. *Сплоченная и привилегированная группа, обладающая высоким статусом и непосредственно участвующая в принятии важнейших политических решений – это:*

- а) военная элита;
- б) экономическая элита;
- в) политическая элита;
- г) творческая элита.

4. *В чем заключается главное отличие политической элиты от других (экономических, военных, информационных)? Ответ обоснуйте.*

- а) в его финансово-административной мощи;
- б) в способности управлять;

в) в возможности влиять на политический курс и полиресурсности;

г) в его сплоченности и организованности.

5. *Кто из исследователей впервые заговорил о соотношении политического класса и правящей элиты? Каковы заслуги каждого в исследованиях элит.*

а) Й. Шумпетер;

б) Дж. Сартори;

в) Г. Моска;

г) М. Джилас.

6. *Перечислите функции политической элиты. Дополните список вашими личными размышлениями. Приведите примеры.*

К главе 2. Практические задания

1. Опираясь на схему «Структура политической элиты. Субэлиты» и используя эмпирические сведения об элитах, составьте портрет политической элиты Российской Федерации, Германии, Франции, Афганистана, Ирана, Чили или других политических систем на ваш выбор с учетом расположения политических сил, представляющих их лиц и институтов.

2. Прочитайте труд Т. Дая, Х. Зиглера «Демократия для элиты» и найдите строки, поясняющие переход властных полномочий от политической элиты к бюрократии. Имеют ли место подобные процессы в российской действительности. Обоснуйте ответ.

3. Какие сегменты элиты принято относить к субэлитам? На примере вашего региона дайте структурную характеристику элиты. Какие особенности отличают элементы элиты вашего региона от элит близлежащих от вас регионов?

4. Что скрывает понятие «традиционная элита» в различных странах: в России, в Латинской Америке, в Африканских странах, в США? С какими факторами связано это понятие?

5. Организуйте ролевою игру с действующими лицами (президент РФ, премьер-министр РФ, глава Государственной думы, несколько руководителей политических фракций, архиепископ РФ, ученый) на тему: «Реальные взаимоотношения религиозных и политических элит в современной России».

6. Организуйте ролевую игру с действующими лицами: Р. Туровский, О. Крыштановская, О. Гаман-Голутвина, М. Афанасьев и др. на тему «Особенности функционирования современных региональных политических элит». Отрадите принципиальную позицию каждого исследователя.

7. Какими заслугами обусловлены привилегии от государства некоторых профессиональных элит? Приведите примеры.

8. Какую нагрузку несет раскол в элитах? Чем опасно формирование контрэлит?

К главе 3. Практические задания

1. Из политической практики приведите примеры вовлечения властвующих элит в осуществление функций политической системы, подчеркните роль элит в сохранении системы или ее изменениях, особую роль элит в периоды кризисных ситуаций.

2. Создайте свою минитеорию, основываясь на ваших знаниях и материалах данного учебного пособия. Возьмите за отправную точку:

«Модели эволюции экономических предприятий цикличны: рождение, рентабельность и успех, распад. Модели эволюции великих империй также цикличны. Различно только время: цикл предприятия занимает десятилетие, исторический цикл державы - тысячелетие. Политическая элита и ее цикличность...»

3. Американский философ Э.Тоффлер в книге «Сдвиг власти» в 1990 г. пишет: *«Подобно сдвигу тектонических плит перед землетрясением, надвигается одно из уникальных событий в мировой истории – революция самой сущности власти»*. Куда же сдвигается глобальная власть? Выберите направление: к отрицанию демократии, к «демократическому элитаризму», к мировой модели типа «коммунистического элитаризма» или предложите ваши варианты.

4. Объединитесь в рабочие группы по 3 – 5 человек, найдите информацию о политических элитах Ирана, Афганистана, Марокко, Китая, Венесуэлы, обозначьте их структурную иерархию, взаимоотношения политической и других значимых для этих политических систем элит.

5. Проанализируйте, насколько работает выведенная Д. Мейзелом формула «трех С»: Сознание, Сплоченность, Сговор на примере французской элиты.

6. Объясните значимость фрагментации/ консолидации элит в стабильный/ нестабильный период для политической системы.

7. Обратитесь к тексту учебного пособия и к работе А. В. Дука, чтобы уточнить понятие «институционализация» элит и выяснить, как происходит этот процесс в различных странах.

К главе 4. Вопросы для самоконтроля и творческие задания

1. Охарактеризуйте понятия «мобильность», «реконверсии» элиты.
2. Какие преграды на пути в элиту могут встречаться у претендента?
3. На каком основании ученые утверждают значимость рекрутирования элит для политической системы.
4. Прочитайте работу М. Восленского «Номенклатура» и определите, почему этот автор был гоним в советский период. Составьте таблицу «Кто руководит страной» из двух колонок «Официальная версия»/ «Версия М. Восленского». Перечислите в таблице несколько «нестыкующихся» факторов.
5. Каковы особенности формирования элит в бывших социалистических государствах: в момент социалистического порядка и на современном этапе.
6. Каковы особенности правящей элиты, сформированной при В. Ленине, И. Сталине? Назовите основные характеристики предперестроечной и перестроечной элиты России.
7. Чем отличаются «ельцинский» и «путинский» этапы формирования политической элиты?
8. Какие изменения произошли в составе новой политической элиты России с 2004 по настоящий период?
9. Кто и на каком основании относится к политической элите в России сегодня?
10. Какие реформы были инициированы государственными и политическими властями с целью укрепления властной вертикали?

11. Каковы перспективы развития российской политической элиты в современных условиях (на данном уровне гражданского общества, уровне политической социализации и культуры общества)?
12. Какое влияние на формирование политических элит оказывают ведущие политические партии?
13. Что подразумевает понятие «политический капитал». Какое значение здесь имеют труды П. Бурдьё?
14. Каковы механизмы формирования традиционных и современных немецких, швейцарских, итальянских, японских элит?
15. Кому из русских мыслителей принадлежит цитата: *«Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит ...»*. Прокомментируйте цитату.
16. Кому из американских мыслителей принадлежит цитата: *«Ядро властвующей элиты состоит прежде всего из тех людей, которые свободно переходят от командных ролей в верхах одной из господствующих иерархий к подобным же ролям в другой иерархии...»*. Прокомментируйте цитату.
17. Согласны ли вы с мыслями Т. Дая и Х. Зиглера о существенных различиях плюрализма и теорий классической демократии? Подтвердите примерами.
18. Основываясь на знаниях об американском типе формирования элитного слоя конца двадцатого века, проведите сравнение с современной ситуацией в свете политических событий начала XXI века. Что, по-вашему, могло измениться?
19. Найдите в сети Интернет статью (книгу) по элитной проблематике на иностранном языке. Переведите ее, представьте своим сокурсникам с кратким анализом, не забудьте указать источник и автора.
20. На ваш взгляд, осознают ли российские политические элиты свою значимость для развития общества и свои «просчеты» в

управлении»? Какие попытки предпринимаются, чтобы ситуация изменилась?

21. Изучив труды (результаты исследований) по региональной проблематике (А. Чирикова, Р. Туровский и др.), скажите, сопровождается ли процесс формирования региональных элит в России какими-то особенностями, отличными от процесса формирования федеральной элиты?

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
<i>Глава 1. Теоретические аспекты исследований элит</i>	5
1.1. Современная наука об элитах: мировая и российская элитология.....	5
1.2. Политическая элита: основные понятия.....	13
1.3. Методы исследований.....	25
1.4. Классификация теорий элит	28
1.5. Функции политических элит	46
<i>Рекомендуемая литература</i>	52
<i>Глава 2. Структурные элементы политической элиты</i>	54
2.1. Элита/ субэлиты.....	54
2.2. Элита / контрэлита	59
2.3. Высшая/ средняя/ местная элиты.....	64
2.4. Профессиональные/ религиозные/ этнические элиты.....	67
2.5. Квазиэлиты/ антиэлиты	74
<i>Рекомендуемая литература</i>	79
<i>Глава 3. Модели политической элиты</i>	80
3.1. Геометрическая форма и иерархия взаимоотношений.....	80
3.2. Сплоченность и фрагментарность как доминирующие характеристики....	84
3.3. Циклы элит.....	95
3.4. Глобальная элита	98
<i>Рекомендуемая литература</i>	108
<i>Глава 4. Формирование политических элит</i>	110
4.1. Формирование элит в истории политической науки	110
4.2. Нюансы терминологии в современных исследованиях	119
4.3. Механизмы рекрутирования: назначение, выборы,	136
наследование, аукцион.....	136
4.4. Два типа рекрутирования: открытый/закрытый.....	149
<i>Рекомендуемая литература</i>	156
<i>Краткая хрестоматия</i>	158
<i>М. С. Восленский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза</i> .	158
<i>А. В. Дука. Перспективы социологического анализа</i>	184
<i>властных элит</i>	184
<i>Ч. Райт Миллс. Властвующая элита</i>	192

<i>Т. Дай, Х. Зиглер. Демократия для элиты. Введение в американскую политику</i>	<i>240</i>
<i>Тесты, практические задания, вопросы для самоконтроля</i>	<i>292</i>

*Лариса Витальевна
Булдакова*

**Политическая элита:
основные понятия, базовые концепции**

Учебное пособие с хрестоматийными материалами

Редактор З. А. Кунашева

Подписано к печати 1.04.2010 г. Формат 60x84¹/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 18,75.

Тираж 100 экз. Заказ №

ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

650043, Кемерово, ул. Красная, б.

Отпечатано в ...